

19-124
Рассылается по специальному списку

000068
№ _____

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть вторая

ОТ КРИЗИСА 1929 ГОДА
ДО XX СЪЕЗДА КПСС

Выпуск третий

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1985

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть вторая
ОТ КРИЗИСА 1929 ГОДА
ДО XX СЪЕЗДА КПСС

Выпуск третий

STORIA DEL MARXISMO

Volume terzo

IL MARXISMO NELL'ETÀ DELLA TERZA INTERNAZIONALE

**DALLA CRISI DEL'29
AL XX CONGRESSO**

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть вторая

ОТ КРИЗИСА 1929 ГОДА
ДО XX СЪЕЗДА КПСС

Перевод с итальянского

Выпуск третий

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1985

Редакторы: *ШКОЛЕНКО Ю. А., СУРОВОВ В. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

РЕНЕ ГАЛИССО

Империализм и колониально-национальный вопрос в зависимых странах

7

1. Национализм и антиимпериализм	10
2. Бухарин: империализм и государственный капитализм	13
3. Разногласия между Лениным и Бухариным	17
4. Советская революция, обращенная на Восток	24
5. Революционный национализм	34
6. От Турции до Китая	44
7. Кризис империализма или кризис капитализма	64

РОБЕРТО ФИНЦИ

Национальная аномалия: «еврейский вопрос»

76

1. «Народ становится зрячим»	76
2. Каста или нация?	80
3. Евреи в царской России	83
4. Деятели Октября и «еврейский вопрос»	91
5. «Наиболее угнетенная и затравленная нация»	99
6. От «еврейского вопроса» до палестинской проблемы	109

ДЖАННИ СОФРИ

Проблемы социалистической революции в отсталых странах

119

1. Дискуссия об «азиатском способе производства» от Маркса до III Интернационала	119
2. Троцкий и русская история	122
3. «Китайский вопрос»	128
4. Китайская трактовка проблемы	149
5. Завершение дискуссии об «азиатском способе производства»	155

Мао и китайская революция 158

1. Мао до прихода к Марксу 158
2. Коммунистическая партия Китая (1921—1935) 167
3. Мао — партийный руководитель 176
4. Революция и диалектика 186

Латиноамериканский марксизм в годы
III Интернационала. 197

1. Латинская Америка как проблематичное единство 197
2. Хуан Б. Хусто и его интерпретация марксизма 202
3. Ленинизм в Латинской Америке 213
4. Мариатеги и возникновение латиноамериканского марксизма 224

Рене Галиссо

ИМПЕРИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЗАВИСИМЫХ СТРАНАХ

«Империализм — это война» — вот изначально равнозначные понятия, и их равнозначность признавалась в начале XX века большинством социалистов, к каким бы течениям они ни принадлежали и каких бы убеждений ни придерживались¹. В своей работе «Очерки об империализме», опубликованной в 1902 году, Поль-Луи утверждает, что империализм «соединяет в себе колониализм и протекционизм» и является «последней картой» капитализма². Австромарксисты — Бауэр и в еще большей степени Гильфердинг — отмечают подъем протекционизма и разоблачают опасность подготовки войны, которую усматривают в росте вооружений и создании военного флота, в таможенном соперничестве и экспансионизме. Меры предосторожности против войны пытается принять Штутгартский конгресс Интернационала (1907), по этому поводу бьет тревогу Базельский конгресс 1912 года. Не только с целью бросить вызов милитаризму, как это сделал Карл Либкнехт, но и чтобы показать, что речь идет о явлении, свойственном капиталистической экономике с ее глубокими противоречиями, Роза Люксембург пишет «Накопление капитала» (1913).

Это время, когда бурными темпами ведется марксистская разработка теории империализма, которая позднее (и кроме того, если можно так сказать, благодаря войне) приведет к глобальным обобщениям Бухарина и к появлению «популярного очерка» Ленина, которые были навеяны экономическим анализом, проведенным Гильфердингом в его книге «Финансовый капитал» (1910). В самом деле, мировая война представляется как бы экспериментальным подтверждением марксистского анализа, который наделяется чертами абсолютной теории: марксистская мысль последующей поры как бы обречается вновь и вновь, до бесконечности, обращаться к этим

¹ См. в настоящей «Истории марксизма», т. 2, [вып. 2], работу М. Реберью «Дискуссии о войне».

² *Paul-Louis. Essai sur l'impérialisme. — "Le Mercure de France", v. I, 1902, p. 100 et suiv.* Ленин подхватывает эту формулу, которая очень близка по звучанию к «высшей фазе» из «Тетрадей по империализму» (см.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, с. 226—227*).

принципиальным положениям, пусть лишь для того, чтобы воспроизвести первоначальные споры. Больше того, советская революция как будто дает этому новое историческое подтверждение: пробил час прихода социализма на смену монополистическому капитализму, этому «преддверию социализма». Но вот по другому пункту марксистское учение по вопросу об империализме заклинилось: оно не только защищает и иллюстрирует возможность строительства социализма в одной стране, но и превозносит это достижение, противопоставляя его затянувшемуся предсмертному кризису капитализма. Идеология советского коммунизма не пошла дальше Ленина времен «Империализма, как высшей стадии капитализма».

Добавьте к этому смешение империализма и колониализма, породившее упрощенный подход, который будет получать все более широкое распространение, начиная с восточного вопроса и кончая ростом освободительных движений в колониальных странах.

В самом деле, понятие «империализм» с самого начала связывается с колониализмом еще и потому, что оно получило распространение в период войны с бурами, имевшей огромный резонанс в Европе. В своей книге об империализме, вышедшей в 1902 году, Гобсон строит свою аргументацию главным образом на рассуждениях о колониальной эксплуатации Индии англичанами и на разговорах о пагубной роли колониальных доходов. Поставив термин «империализм» в заглавие своей книги, Гобсон пользуется им как понятием, а точнее, как извращенным понятием, по сравнению с тем, что он означал в ушедшую эпоху либерализма, поскольку «империализм» (после того как это слово было использовано в целях превознесения европейских и американских экспансионистских завоеваний) получил статус термина, имеющего уничижительный оттенок. Марксистская критика доводит это осуждение до крайности и продолжает громоздить друг на друга понятия «империализм» и «колониализм», тем более что наиболее распространенная концепция империализма связана с идеей империи и политического господства. А Шумпетер вспоминает даже о последовательной смене ассирийской, египетской, мусульманской и т. д. империй, дойдя до гегемонистских притязаний Англии и Германии в нашу эпоху³. Марксисты — единственные, кто говорит о мировой системе экономических и политических отношений, установившейся в ту пору, или о международной структуре, возникшей благодаря все более тесным связям между объединениями экономических групп и отношениям межгосударственной зависимости. Отношения, противоречия, а следовательно, борьба определя-

³ J. Schumpeter. Zur Soziologie des Imperialismus. — In: "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", v. XLI, 1918—1919.

ются в международном масштабе процессом неравномерного развития. В то же время становятся все более тесными внутренние связи между экономическими объединениями и государством, что происходит вследствие централизации власти, обладающей правом принимать решения, и прежде всего инвестиционными возможностями. Именно глубина анализа, в котором проводится различие между тем, что принадлежит постоянно повторяющейся истории политического господства, и тем, что есть нового в процессе становления мирового империализма, принесла успех марксистской концепции империализма, оставив понятие «империя» описательному и основанному на аналогиях эклектизму. Впрочем, в гораздо большей степени теориям империализма, чем «Капиталу», марксизм XX века обязан своим интеллектуальным превосходством, в том числе и за пределами Европы.

В связи с ростом капиталистического производства изучение империализма углублялось, причем теперь внимание было переключено с периферии (иначе говоря, с колониального экспансионизма) на центр (если следовать за австромарксистами и Розой Люксембург), то есть на суть капитализма, каковой является финансовый капитал, на изучение того, насколько он долговечен (эта его способность выявилась в процессе создания картелей), его монополистического могущества, его способности осуществлять контроль. Все это позволяет Гильфердингу предсказать наступление времен «организованного капитализма». Вопреки тому, что следовало ожидать, мировая война не прерывает дискуссии о равнозначности понятий «империализм» и «война» еще и потому, что война не может быть объяснена единственно этим явлением, тем более что совершенно очевидна роль детонатора и застрельщика, которую играет здесь национализм. Конечно, не столько неожиданностью начала, сколько своим всемирным характером война обязана главным образом империализму. Кроме того, независимо от значения Октябрьской революции война оставляет открытым вопрос о непрерывном развитии капитализма: разве она сразу же не выявила некоторые черты, освоенные именно теориями империализма, начиная с явления государственного капитализма? Послевоенный период подтверждает господствующее положение держав-кредиторов, монополистическую концентрацию, взаимозависимость неравномерно развивающихся стран.

Лишь экономический кризис 1929 года — наступивший, впрочем, не так скоро, как предсказывалось в работе о «высшей фазе», — кладет конец либеральному капитализму не столько в связи с новой фазой роста финансового капитала, сколько в связи с обращением к политике государственного вмешательства. И наконец, коль скоро вторая мировая война вроде бы еще раз подтверждает тезис о том, что импе-

риализм — это война (что следует учитывать и тогда, когда речь идет о различных локальных войнах), получают подтверждение главным образом и гипотезы о способности капитализма к возрождению и обновлению путем как межгосударственной организации, так и внутреннего усовершенствования, вплоть до регулирования социальных конфликтов и относительной интеграции рабочего класса.

В самом деле, если империализм и отступал, то это происходило в основном в результате восстаний покоренных народов; значит, особенно в годы, последовавшие за второй мировой войной, направление удара — колониальный вопрос. Однако марксистский анализ, обнаружив высшую точку империализма и — в связи с замечаниями Ленина — установив прямую связь между ним и национально-освободительными движениями (хотя дело и не ограничивается только этими движениями, как в случае стран «третьего мира»), кажется, вновь должен переключить внимание на центр, то есть на многонациональные объединения, на олигополистическую организацию не только рынка, но и мирового производства и труда, на возможности государственных монополий и на связи между великими державами.

1. Национализм и антиимпериализм

Когда Ленин пишет свои инструкции советской делегации, направляющейся на конференцию в Гааге, которую в декабре 1922 года проводил Амстердамский интернационал профсоюзов в защиту мира, он коротко останавливается на проблемах, перед которыми стояло социалистическое движение, когда разразилась война, чтобы подчеркнуть (отказавшись от какой бы то ни было полемики насчет предательства руководителей социал-демократии) бессодержательность лозунгов II Интернационала:

«...«Ответить» на войну стачкой невозможно, точно так же, как невозможно «ответить» на войну революцией в простейшем и буквальном смысле этих выражений.

Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается, и как беспомощна обычная организация рабочих, хотя и называющая себя революционной, перед лицом действительно надвигающейся войны...

Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу своей буржуазии»⁴.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 318—349. См.: Г. Haupt. L'historien et le mouvement social. Paris, 1980, p. 212—213.

Это были замечания, аналогичные замечаниям Каутского в 1911 году: «Если удастся сделать так, что народ усмотрит причину войны не в политике собственного правительства, а в коварстве соседа... все загорятся желанием защищать границы отечества от подлого врага, защищаться от захватчика. И все, в том числе и интернационалисты, станут патриотами»⁵.

То же констатирует и Троцкий, когда начинается война⁶. Национализм берет верх, как заявляют, присоединяясь к «священному союзу», французские социалисты и как не без смущения признают немецкие социал-демократы, говорящие о «крахе» или «кризисе» социал-демократии. Война показывает, что национализм способен уничтожить классовое сознание, поэтому против него выступают (с некоторыми колебаниями) находящиеся в меньшинстве левые и крайние левые группы социал-демократов. В ответ на «националистическое безумие» позиция антинационалистов имеет тенденцию к крайним формам, по меньшей мере в том, что касается терминов и практических решений: на этой позиции стоят Роза Люксембург, Бухарин, радикалы из «бременной левой», голландские крайние левые, а Радек и в еще большей степени молодой Пятаков будут доказывать преимущества этой позиции большевикам. Самобытность Ленина состоит именно в том, что в условиях войны он смог ввести тезис о национальном освобождении угнетенных народов в число целей своей революционной стратегии борьбы с империализмом.

Несмотря на все жестокости войны, отмечается заметный отход от теории империализма, отождествляемого с милитаризмом, к пацифизму, поощряемому с помощью средств, собранных умеренными течениями европейской социал-демократии, равно как и пацифистскими течениями, которые ищут выхода из конфликта. Если для австромарксистов и Каутского концепция империализма продолжает оставаться в силе, то для социалистов, входящих в альянсы «священного союза», она более не существует. Таким образом, готовится раскол, который продлится многие годы, между теми, кто анализирует международные отношения с учетом существования империализма, и теми, для кого это понятие не имеет ни малейшего значения (разве что связывается с имперской экспансией). Для последних, которые составляют значительное большинство в европейском социалистическом движении, играют роль лишь организационные возможности государства обуздать капитализм, тогда как империализм вообще выходит за рамки экономических и политических отношений. Это уже

⁵ K. Kautsky. Krieg und Frieden. — In: "Neue Zeit", XXIX, 1910—1911, S. 104.

⁶ L. Trotsky. Der Krieg und die Internationale. Zürich, 1914, bes. S. 41—42.

свидетельствует о позиции «по ту сторону марксизма», и не случайно именно в военные годы происходит поворот Анри де Мана⁷, а социализм, вставший на позиции защиты отечества и поддерживаемый профсоюзами, выступает за принятие мер по национализации и организации труда. В то же время во Франции Альбер Тома, министр вооружений, горячо поддерживает доктрину о государстве — проводнике экономических и социальных преобразований⁸. Подобной же ориентации придерживаются в Англии большинство лейбористов, в Бельгии рабочая партия и особенно Вандервельде, в Германии течения социал-демократии, стремящиеся преобразовать ее, как позднее скажет Э. Давид, в «реформистскую партию, которая закрепится на почве существующего государства». Для всех тех, кто считает развитой капитализм способным договориться с синдикализмом и обеспечить повышение уровня жизни с помощью государственного вмешательства, европоцентристские и даже привилегированные позиции западного рабочего движения противоречат формулам, характеризующим империализм, которые они считают устаревшими, чистейшим лозунгом, как заметит Шумпетер. Огосударствление для них — путь перехода от капитализма к государственному социализму, и они становятся рупором дирижистских программ и международной регламентации на основе «планирования» с участием Международного бюро труда. Против них поднимаются интернационалисты, верные принципам классовой борьбы, выступающие и против государства, и против разгула национализма, полемизирующие и с «национальным социализмом»⁹, и с идеей реформаторского этатизма, который интегрирует рабочий класс в систему государства.

Выступив за гражданскую войну, против виновников европейского конфликта, Ленин со своей стороны призывает к

---

⁷ Де Ман, после того как он сопровождал Генриха Мюллера в Париж на последнюю встречу между немецкими социал-демократами и французскими социалистами, которая состоялась 1 августа 1914 года, вступил 3 августа добровольцем в бельгийскую армию. Его книга "Zur Psychologie des Sozialismus" (Jena, 1926) будет известна больше во французском издании под названием «По ту сторону марксизма» ("Au delà du marxisme", Paris, 1927).

⁸ Альбер Тома, близкий к Жуо и к большинству ВКТ, во время войны выполнял очень важные функции не только во Франции, но и в отношениях между социалистическими партиями стран Антанты и принадлежал к числу тех, кто сорвал Стокгольмскую конференцию 1917 года, которая должна была объединить пацифистские и интернационалистские направления. Ее документы хранятся в фонде Альбера Тома в Библиотеке современных международных документов в Париже.

⁹ В единственном номере "Die Internationale" за апрель 1915 года Штрёбель обличает «национальный социализм» и «национал-социализм» (S. 47), а Меринг заранее осуждает результаты, к которым придет «рабочая национально-социальная партия» (S. 69).

борьбе за независимость всех народов, начиная с угнетенных народов царской империи. Национальное освобождение может придать некоторую реалистичность недопустимой гражданской войне, и именно эта идея способствует обновлению теорий империализма и возрождению революционной стратегии. Конечно, Ленин предчувствовал пробуждение Азии и раньше, еще со времен русско-японской войны, а также после революции младотурок и после китайской революции 1911 года. На этой основе он формулирует в ту пору принцип права наций на самоопределение, а на конференции русской социал-демократии в Берне и на Циммервальдской международной конференции он указывает на антиимпериалистическую направленность борьбы угнетенных наций, а следовательно, на их связь с революционным социалистическим движением. Антиимпериализм для него не сливается ни с антинационализмом, ни с лозунгом «война войне», а несет в себе революционный смысл и получает поддержку народов, борющихся за свое освобождение. В соответствии с этой точкой зрения в 1920 году, после поражения революций в Европе, он возложит надежды на революцию на Востоке.

В брошюре «Социализм и война», опубликованной осенью 1915 года в Женеве накануне Циммервальдской конференции, он решительно утверждает, что «социалисты не могут достигнуть своей великой цели, не борясь против всякого угнетения наций». В самом деле, «империализм есть эпоха прогрессирующего угнетения наций всего мира горсткой «великих» держав, и потому борьба за социалистическую интернациональную революцию против империализма невозможна без признания права наций на самоопределение»¹⁰.

Право наций на самоопределение, которого он потребовал в августе 1914 года для Сербии, единственной страны, которая могла позволить себе требовать защиты отечества, а затем для народов европейской России, становится рычагом мировой революции, пробным камнем антиимпериализма и социализма. Именно оно окажется предметом разногласий с Розой Люксембург и ее брошюрой «Кризис социал-демократии», подписанной псевдонимом «Юниус», а также с Радеком, Пятаковым и особенно Бухариным.

2. Бухарин: империализм и государственный капитализм

В брошюре Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» Ленин усматривает (он сам пишет об этом в предисловии к ней в 1915 году) точку зрения на империализм «как систему экономических отношений новейшего... капита-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 328—329.

лизма», рассматриваемую «как целое, как определенная ступень развития наиболее высокоразвитого капитализма». Действительно, по мнению Бухарина, «обмен создал такую интернационализацию хозяйственных отношений и интернационализацию капитала, крупное производство стало настолько крупным, что свободную конкуренцию стала сменять монополия... Типичным «владыкой» мира стал уже финансовый капитал...»¹¹

На самом же деле молодой русский революционер был многим обязан Гильфердингу и австромарксизму¹². В частности, «Финансовый капитал» Гильфердинга — предмет постоянных ссылок в его работе. Отсюда — возобновление критики маржиналистов, которых Бухарин упрекает в том, что они, сосредоточившись на сфере обращения, не принимают в расчет производства. Мировая война представляется ему как бы иллюстрацией тезисов Гильфердинга, поскольку военная экономика является не чем иным, как выражением двойной централизации — трестов и государства. Пагубный характер империализма кроется именно в войне, которая доводит до крайности государственный гнет. Войну можно считать формой проявления организованного капитализма. Именно эти соображения положены в основу работы «Мировое хозяйство и империализм». Мировое хозяйство определено как «система производственных отношений и соответствующих им отношений обмена, которые охватывают весь мир»¹³. Подобно Гильфердингу, Бухарин говорит о централизации в виде создания трестов и картелей, но главным образом о централизации финансового капитала. Кроме того (как это сделает и Ленин), он приводит некоторые дополненные им статистические таблицы, примеры сети банков и данные о вывозе капитала, замечая, что этот вывоз обусловлен «сверхнакоплениями», связанными с обесценением промышленного капитала, и является составной частью международного оборота капитала.

Таким образом, империализм определяется как «политика финансового капитала», но одновременно расценивается как «историческая категория», как новая форма капиталисти-

---

¹¹ Там же, т. 27, с. 94, 95. Бухарин завершил свою книгу в Стокгольме осенью 1915 года; в сокращенном варианте она была опубликована в сентябре того же года. Ленин, у которого была копия рукописи книги, написал к ней предисловие, которое, однако, при пересылке в Россию затерялось. Работа «Мировое хозяйство и империализм» была опубликована лишь в 1918 году без предисловия Ленина, которое обнаружили и опубликовали в 1927 году.

¹² См. работу М. Тело «Бухарин: экономика и политика в период строительства социализма», т. 3, ч. 1, [вып. 2] настоящего издания; см. также S. Cohen. Bucharin and the Bolshevik Revolution. A political biography, 1888—1938. New York, 1973.

¹³ N. Bucharin. L'economie mondiale et l'imperialism. Paris, 1928, p. 17.

ческой конкуренции, нацеленная одновременно на овладение рынками сбыта и источниками сырья и на захват сфер приложения капитала; эта форма порождает международное соперничество, которое растет вследствие использования государственных рычагов. Война для Бухарина — это крайнее выражение основных моментов, выявленных Гильфердингом в «Финансовом капитале»: она действует подобно кризису, ускоряя окончательную трансформацию капитализма. «По своему экономическому воздействию война во многом напоминает промышленные кризисы, от которых она, естественно, отличается большими размерами наносимого ею ущерба и большими потрясениями, которые она вызывает»¹⁴.

Все это, однако, не препятствует ни неравномерному развитию, ни неравному обмену, ни централизации кредита, а, напротив, зиждется на этих характерных для капитализма и империализма свойствах.

Очевидно, что о неравном обмене Бухарин говорит там, где речь идет о противопоставлении центра периферии¹⁵. Тенденция развития приведет к «ультраимпериализму», как признал и Ленин в конце своего предисловия (правда, как теоретическую гипотезу). Внешне кажется, что Бухарин возвращается к выводам Каутского и в еще большей степени — Кунова, если бы это не был разрыв с их политикой, в основе которого лежит отказ от экономизма как фаталистического упования на катастрофу, и постепенности, поскольку революционный выход, согласно Бухарину, надо искать не в экономических преобразованиях, а в классовой борьбе.

Между тем подлинная революция, произведенная войной, заключается в централизации государства, и Бухарин в конце концов расценивает усиление действующих в крупных капиталистических государствах, особенно в Германии, тенденций скорее как предупреждение, чем непосредственную реальность. Будучи обременено долгами, государство все активнее вмешивается в денежные и финансовые отношения, которые к тому же зависят от международного кредита; отсюда — рост мощи Соединенных Штатов и начало инфляции. В своих выводах Бухарин идет дальше Гильфердинга: «интересы государства и финансового капитала все больше совпадают»; именно война вдыхает жизнь в империалистическое государство.

«Мобилизация промышленности, то есть ее милитаризация, идет тем легче, чем более развиты ведущие организации, картели, профсоюзы, тресты. Эти основные объединения, в интересах которых, по правде сказать, и была начата война,

---

¹⁴ Ibid., p. 150.

¹⁵ Ibid., p. 67, 76.

поставили весь свой управляющий аппарат на службу империалистическому государству»¹⁶.

Государственный капитализм порождается тенденцией государства к овладению производством при помощи «сотрудничества с частными монополиями по типу смешанных предприятий», а также путем национализации отраслей военной промышленности.

При таком взгляде на империализм, принявший мировые масштабы, капитализм оказывается в тисках все более острого противоречия, которое (каковы бы ни были мирные перемены, обусловленные его стабилизацией) порождает повторяющиеся войны, так что они выглядят естественными для империализма. В самом деле, его «всемирности» противостоят одновременно и экономическая и политическая «национализация» — результат монополистической и государственной централизации. Государство, ставшее вездесущим и как никогда сильным, почти выхолостило содержание понятия национальности или нации, которую Отто Бауэр понимал как некую общность, сложившуюся исторически и сформировавшуюся в плане культуры. Все сущее зависит от государства, которое становится лженациональным, и Бухарин из формулы Гильфердинга, которую он вновь поднимает на щит, делает вывод: «Государство, этот враг народа, и нация представляют собой одно и то же, а национальная идея, эта движущая сила, находится в подчинении у политики»¹⁷. Усиление автаркии государства — конечная цель национального хозяйства, существование которого тесно связано с государством, ибо это хозяйство заключено в «рамки государственной единицы». В связи с тем, что Бухарину приходится учитывать территориальные особенности государств, он с трудом отличает национальное от государственного (аналогичные трудности испытывает и австромарксизм). «Когда говорят о национальном капитале, национальном хозяйстве и т. д. ...термин «национальный» понимается не в собственном его значении, а в значении «национально-территориального элемента» экономической жизни»¹⁸. Поэтому неясно, относится ли «территориальный» к государству или же к нации.

В любом случае процесс развития империализма двойствен: параллельно интернационализации экономики и капитала происходит консолидация нации и национализация капитала. Неравная взаимозависимость носит недружественный характер; более того, процесс развивается таким образом, будто анархия конкуренции, типичная для капитализма, характеризующегося свободой торговли (капитализма, который Бухарин слишком рано списал в архив), была сначала с по-

¹⁶ Ibid., p. 145—147, 152—158.

¹⁷ Ibid., p. 107.

¹⁸ Ibid., p. 74.

мощью протекционизма, а затем вследствие общественного вмешательства и милитаризации перенесена в область межгосударственного соперничества: «Интернационализация экономической жизни может усилиться и до крайности обострить антагонизм интересов различных национальных групп буржуазии».

А это приведет к борьбе не на жизнь, а на смерть, которой явится мировая война. Для обобщения своего объяснения Бухарин использует две формулы: одна из них (которой пользуется не только он) связана с государственным капитализмом, другая, более специфическая — формула «государства-треста»: «Каждое развитое в капиталистическом значении этого термина «национальное хозяйство» трансформировалось в нечто, подобное национальному государственно-му тресту»¹⁹.

После этого следует пространное рассуждение о государстве, кое-как обобщенное в заключении к третьей части: «Являясь крупнейшим акционером национального капиталистического треста, современное государство представляет собой его наивысшую организационную инстанцию во всеобщем масштабе. Отсюда — его страшное, почти чудовищное могущество».

Именно на этом Бухарин строит свое объяснение краха II Интернационала, идущее гораздо дальше ленинского обвинения вождей в измене и развращенности рабочей аристократии, хотя он и не освобождается при этом от утопических заявлений о «слиянии народов» в перспективе грядущей мировой революции. В системе государственного капитализма продолжает шириться государственная интеграция рабочего движения и трудящихся классов стран развитого капитализма; рабочие настолько введены в заблуждение, что встают на защиту «национальной промышленности», «национального труда» и т. д.: «Союз пролетариата и государственной организации финансового капитала... нашел свое выражение в идеологии рабочего патриотизма («социал-патриотизма») и идее родины, которой рабочий класс считает необходимым служить»²⁰.

Революционный вывод, к которому затем приходит Бухарин, вставая на сторону отрицающего государство Маркса против Ленина, состоит в следующем: империалистическое государство необходимо уничтожить.

3. Разногласия между Лениным и Бухариным

Статья Бухарина «К теории империалистического государства», не принятая Лениным в 1916 году из-за содержав-

¹⁹ Ibid., p. 106, 129.

²⁰ Ibid., p. 165—171.

шихся в ней анархистских выводов, была опубликована только в 1925 году²¹. Значение ее состоит именно в том, что в ней (и это исключительно важно для истории марксистской мысли) все внимание сосредоточено непосредственно на проблеме государства.

Чтобы оттолкнуться от общего определения государства как классовой организации, Бухарин обращается к Марксу и Энгельсу и называет государство исторической категорией, или преходящим явлением; оно, согласно Марксу, начнет угасать после победы социалистической революции и полностью отомрет в коммунистическом обществе. Для каждого исторического этапа характерен свой тип государства. Империалистическое государство, тесно связанное с финансовым капиталом, максимально использует свою власть для вмешательства и в противоположность либеральному государству превращается в тоталитарное государство. Оно видит смысл собственного существования в монополистической экономике, хотя его власть распространяется на все сферы общественной жизни: «Могущество государства питают все сферы производства; его роль не ограничивается теперь лишь сохранением процесса эксплуатации, оно все чаще непосредственно вмешивается в производство, которое организует и которым руководит, превращаясь в коллективный капитализм». Это — «государство-трест», «конечная форма» государственной организации: милитаристское государство «теперь железной пятой давит на всю экономическую жизнь... Это новый Левиафан, по сравнению с которым видения Гоббса кажутся детской игрой».

Двойственный характер процесса развития империализма, который одновременно способствует росту его мирового господства и усилению противоречий между государствами, вновь проявляется в государственной централизации. В связи с войной она предстает прежде всего в виде милитаризации и казарменного положения — новой формы рабства, которая давит на пролетариат. Несомненно, на драматичность и мрачность позиции Бухарина повлияли вспышки злого национализма в первые годы войны. Тем не менее он не упускает из виду таких качеств капиталистической организации, как рациональность и даже уравновешенность, которыми она обладает благодаря контролю и планированию, осуществляемым государством: эта способность понимания сущности империализма и ляжет в основу того выбора, который сделает Бухарин, и той борьбы, которая ему предстоит.

Именно по вопросу о государстве возникают разногласия между Лениным и Бухариным в период между 1915 и 1917 годами, поскольку Ленин усматривает анархистские

---

²¹ Cohen. Bucharin..., p. 39—49.

тенденции в той настойчивости, с какой Бухарин говорит о революционной необходимости уничтожения государства. Однако именно Ленин, пусть и отчасти, пересмотрит свои взгляды, тщательно проштудировав тексты Маркса и Энгельса; свидетельство тому — «синяя тетрадь», с цитатами и заметками²², которые он использует затем в работе «Государство и революция»; в этой работе Парижская Коммуна, которую Маркс приводит в качестве примера самоуправленческого органа, названа Лениным органом развития демократии. Может быть, эти размышления и заставили Ленина признать в 1922 году наличие опасности восстановления государства и возрождения бюрократии в том виде, в каком она существовала в царские времена; однако в спорах 1915—1917 годов он настаивает на своем понимании империализма как осуществляемой монополиями экономической концентрации и политической трансформации всемирных отношений, что следует связывать с неравномерностью развития и национальным вопросом. Не случайно в конце предисловия к книге Бухарина Ленин возвращается к вопросу о праве наций на самоопределение, поскольку именно национальная независимость остается целью антиимпериалистической борьбы для угнетенных народов, для Востока и его миллиардного населения.

Вероятно, проблема национально-освободительной борьбы, которая не затронута в книге Бухарина, является одной из причин, заставивших Ленина весной 1916 года написать «популярный очерк» об империализме. Ленин пишет о трестах и финансовом капитале, приводя те же таблицы и данные, что и его предшественники, но он ставит перед собой иную задачу: за метафорами и намеками, к которым он прибегает, чтобы обмануть царскую цензуру, скрывается намерение коснуться вопроса об «экономизме», дав ему политическое объяснение, и разработать соответствующую стратегию²³. Под прицелом автора оказываются не столько Каутский и его пацифистский оппортунизм, сколько те, кто, начиная с Розы Люксембург и Бухарина и вслед за Пятаковым и Радеком, считает национальный вопрос решенным. Не случайно работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» помещена между тезисами «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» и работой «Итоги дискуссии о самоопределении», написанной одновременно со

²² См. работу В. И. Ленина «Государство и революция» и подготовительный материал: «Марксизм о государстве» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 33, с. 1—120 и 123—307).

²³ О подготовительных работах см.: «Тетради по империализму» (там же, т. 28, с. 1—740); в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» говорится о формулировании замечаний относительно политики «тем эзоповским — проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения» (там же, т. 27, с. 301).

статьей «О брошюре Юниуса». В этих работах неоднократно повторяется, что «суть империализма» состоит в разделении наций на угнетающие и угнетенные²⁴. Именно это отделяет Ленина от радикалов-интернационалистов, с которыми, однако, его объединяет враждебность к националистическому иррационализму. С другой стороны, в своем очерке он пытается рассматривать отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении, проводя четкое разграничение между реформистами и революционерами²⁵. Так, в заключении к «Итогам дискуссии о самоопределении», помещенном после параграфа о происшедшем незадолго до этого ирландском восстании, он замечает: «Империалистская эпоха превратила все «великие» державы в угнетателей ряда наций, и развитие империализма неминуемо приведет к более отчетливому делению течений по этому вопросу и в международной социал-демократии»²⁶.

Выделив пять основных признаков империализма, Ленин характеризует его следующим образом: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»²⁷.

Это определение, как нам кажется, гораздо меньше, чем указания Гильфердинга и Бухарина, учитывает будущее развитие, вероятно, потому, что в нем настойчиво проводится мысль о «высшей стадии» капитализма и его разложении и упускаются из виду организационная динамичность финансового капитала и внутренняя сила государственного капитализма. Действительно, может быть, под влиянием Гобсона, который столь большое значение придавал колониальным доходам и паразитизму, Ленин не идет дальше экономического анализа «финансового капитала» и «мирового хозяйства»; некоторые аспекты его точки зрения кажутся устаревшими по той причине, что он уделяет внимание прежде всего концентрации промышленного производства в гораздо большей степени, чем способности капитала осуществлять контроль и действовать решительно. Он придерживается формулы Бухарина в том, что касается трактовки банковского и промышленного капиталов, но по сравнению с Бухариным, который говорит о всемирности и централизации, Ленин «тормозит» движение, которое сохраняет анархию свободно конкурирующего капитализма. В части, посвященной экспорту капитала, упускается из виду разнообразие направлений, в

²⁴ Там же, т. 27, с. 63.

²⁵ Там же, с. 388.

²⁶ Там же, т. 30, с. 58.

²⁷ Там же, т. 27, с. 387.

которых осуществляются капиталовложения, а также сложность процесса оборота капитала, который на самом деле не сосредоточен на колониальных и отсталых странах.

Точно так же, затрагивая вопрос об обуржуазивании английского пролетариата, вскрытом еще Марксом и Энгельсом. Ленин, пренебрегая данными об эмиграции рабочих, которыми оперировали и Бауэр, и Бухарин, относит к последствиям империализма лишь наличие рабочей аристократии. Его верность политэкономии «Капитала» заставляет его сосредоточить внимание на явлениях производства, а значит, на промышленных монополиях, вместо того чтобы обратить его на социальные преобразования, вызванные капитализмом и затронувшие не столько буржуазию, рассматриваемую как олигархия, сколько наемного рабочего. В противовес многочисленным статистическим таблицам, относящимся к трестам, не приводится соответствующей серии таблиц по наемному труду, и в конечном счете нет анализа реального положения рабочего класса и его изменений. Такой метод уводит ленинизм от вопросов социологии труда и рабочего мира, которыми как раз занялись австромарксисты, а затем Франкфуртская школа. Но эта узость, которая уже ставит Ленина вне рабочего движения капиталистического центра, компенсируется той новизной, которую обретает его антиимпериализм благодаря национальному вопросу, и свидетельствует о смещении центра тяжести социализма независимо от характера заявлений о классовом движении и пролетарской революции.

Безусловная оригинальность Ленина состоит в том, что он сделал вопрос о национальной зависимости частью вопроса об империализме. Цитируя Гильфердинга, Ленин пытается вскрыть революционную диалектику: «...ввозимый капитал усиливает противоречия и вызывает постоянно растущее сопротивление народов, пробуждающихся к национальному самосознанию... Сам капитализм мало-помалу дает покоренным средства и способы для освобождения. И они выдвигают ту цель, которая некогда представлялась европейским нациям наивысшею: создание единого национального государства как орудия экономической и культурной свободы»²⁸.

Именно неравномерное развитие создает неравенство и национальное угнетение: «Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства»²⁹. В то время как в ходе эволюции рабочего движения и его интеграции в капиталистическом центре для многих его представителей исчезает самое понятие империализма, Ленин усматривает револю-

---

²⁸ Там же, с. 419.

²⁹ Там же, с. 394.

ционную ситуацию не в среде рабочего класса развитых стран, а в антиимпериалистической реакции угнетенных и зависимых стран, как это и произошло в последующий период. Россия предлагает ему те средние условия, которые позволяют исторически проследить это явление распространения революционности не только потому, что рост современного рабочего класса позволяет говорить о классовом союзе, а значит, сохранить абстракцию первенствующей роли пролетариата, но и потому, что для неограниченной царской власти нет разницы между национальным и колониальным вопросами.

С самого начала войны Ленин выступает против русского и панславянского национализма, против патриотизма Плеханова именно потому, что это господство над европейскими и азиатскими народами составляет сущность «русского империализма»: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»; — в такое время, когда именно на дальнем востоке Европы и в Азии капитализм будит к жизни и сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций...»³⁰

Таким образом, государственному реформизму западного социализма была противопоставлена волюнтаристская теоретизация стратегии, реальной основой которой является социальное насилие со стороны зависимых, бесчисленных обездоленных. В предисловии к работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», которое он написал в 1920 году, после напоминания об «угнетении *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии)... в зависимых странах», Ленин замечает: «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли». И заключает: «Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе»³¹. Проект мировой революции все еще верен той схеме, в которой пролетариат играет первенствующую роль, и в ответе Пятакову в 1916 году Ленин пишет: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»³².

Эта революционная перспектива разрабатывается в про-

³⁰ Там же, т. 26, с. 106—107.

³¹ Там же, т. 27, с. 305, 308.

³² Там же, т. 30, с. 112.

цессе изучения империализма, где он то соглашается, то спорит с Бухариным. Ленин целиком согласен с ним в том, что касается отказа как от чисто экономического, так и чисто политического определения империализма, а также в том, что невозможно свести империализм (какие бы его определения и наименования ни бытовали) к простому экспансионизму нескольких великих держав: империализм един и носит всемирный характер, потому что представляет собой систему экономических и политических отношений, взаимозависимость неравномерности развития международных отношений, которая характеризует непрерывно изменяющийся уровень соотношения мировых сил. Именно это явление создает «те отношения господства и насилия», в замалчивании которых Ленин упрекает Каутского. Империализм носит всемирный характер, монополизм — это внутренний аспект проблемы, поскольку монополии являются экономическим фактором, образующим его «экономическую сущность», тогда как его «политическую сущность» составляют национальный и колониальный гнет³³. Однако по сравнению с Бухариным Ленин говорит о государственном капитализме более туманно, упоминая о нем почти исключительно как о форме военной экономики и главным образом там, где речь идет о Германии. Поворот в мировой политике приведет, таким образом, «монополистический капитализм» к слиянию с «государственным капитализмом». Апрельская конференция 1917 года, созванная большевистской партией, предложит формулу — «государственно-монополистический капитализм». В самом деле, пережив период «отрицания государства», апогеем которого была работа «Государство и революция», в разгар дискуссии с Бухариным Ленин снова станет более или менее явно восхищаться современным централизованным государством. Если усиление государства типично для империализма, о чем в «Государстве и революции» действительно говорится следующее: «...империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление „государственной машины“»³⁴, оно тем не менее, является прелюдией социализма. В работе «К пересмотру партийной программы» Ленин пишет: «...в обстановке революции, при революции государственно-монополистический капитализм непосредственно переходит в социализм»³⁵.

³³ Там же, т. 27, с. 61—63, 396, т. 30, с. 92, 173.

³⁴ Там же, т. 33, с. 33.

³⁵ Там же, т. 34, с. 373, слово «непосредственно» — которое, нам кажется, противоречит тому, что Ленин писал в «Государстве и революции». — подчеркнуто самим Лениным в тексте работы «К пересмотру партийной программы» (написанной им в октябре 1917 года).

Когда начиная с 1920 года, после гражданской войны и бедствий «военного коммунизма», переход к социализму покажется делом чрезвычайно длительным и будет затруднен тем, что революция, вопреки ожиданиям, не распространится на Европу, новая экономическая политика увидит в государственном капитализме возможность комбинированного решения вопроса с помощью государства и частного капитала: сосредоточение в руках государства средств контроля, базирующихся на общественном секторе, позволит прибегнуть к использованию динамичного капиталистического сектора³⁶. Эта отвечающая насущным требованиям выживания революции практика перехода прокладывает себе дорогу после отказа от бухаринских теорий перехода и, по сути дела, ставит государственный капитализм вне связи с империализмом. Ревизия Ленина свидетельствует как раз о том, что эта связь несущественна для понимания империализма; более того, Ленин пытается связать огосударствление с социализмом, рационализацию с государственным управлением экономикой, поскольку его концепция государства носит конъюнктурный характер,— она скорее им присвоена, чем освоена и оценена всесторонне. Таким образом, Октябрьская революция подтвердила необходимость дважды пересмотреть позиции: Ленин, хотя и временно, уступил доводам марксизма, направленным против государства, а Бухарин, в частности как руководитель III Интернационала, применил позднее ленинскую стратегию национального освобождения в связи с колониальным вопросом.

4. Советская революция, обращенная на Восток

Изучая «Итоги дискуссии о самоопределении» и признавая важность вклада революционных, антиимпериалистических, освободительных движений угнетенных народов в общее дело, Ленин гораздо большее значение придает тому, что происходит в центре; именно поэтому он считает исключительно важным ирландское восстание: «Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке»³⁷.

Война не создала революционной ситуации, зато сложились международные условия для революции. Она стала революционной не механически, вследствие превращения в гражданскую войну, к которой призывали, когда она разразилась, а в связи с тем, что обострила внутренние конфликты

---

³⁶ Там же, т. 36, с. 165—208.

³⁷ Там же, т. 30, с. 55.

и придала революции всемирный характер, но характер не столько социалистической революции, сколько момента, объединяющего революционные силы в масштабах планеты. Начиная с 1915 года Ленин указывал, какие задачи должно решать революционное правительство: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и провести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что победа пролетариата в России дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе»³⁸.

Этот прогноз, который отражает его точку зрения на империализм как на всемирное явление, определяет, таким образом, стратегию, основанную на национально-освободительном движении, и предвосхищает новое содержание, которое обретет в конце войны лозунг о гражданской войне: пролетариат Европы должен создать новые очаги восстания. В самом деле, Октябрьская революция разворачивается на территории, расположенной между Востоком и Западом, и Сталин, выступая в ноябре 1918 года на страницах «Правды» по случаю празднования годовщины революции, дает следующее определение ее места во всемирной истории: «Великое мировое значение Октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит, что он *...перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и поработленным Востоком*, построив новый фронт революций, от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока, *против мирового империализма*»³⁹.

Это смещение с Запада на Восток заставляет ввиду практической необходимости перейти также и в теории к чисто стратегической концепции империализма.

Большевистская конференция, которая проходит в апреле 1917 года в Петрограде и для которой Ленин пишет «Ап-

---

³⁸ Там же, т. 27, с. 50—57.

³⁹ И. Сталин. Соч., т. 4, с. 166—167.

рельские тезисы», планирует осуществить переход от буржуазной революции к социалистической в самый разгар переходного периода. Дискуссия по национальному вопросу выявляет разногласия и отсутствие взаимопонимания. Так, Сталин, который фигурирует на конференции как докладчик, поскольку все признавали его компетентность в этом вопросе, ограничивается привязкой национально-демократического этапа к буржуазной революции, направленной против феодализма⁴⁰, а Пятаков, который всегда был рупором самого радикального антинационализма, нападает на Сталина за то, что тот говорил только «о национальном угнетении старого типа», считая, напротив, вопрос о самоопределении при социализме делом уже ненужным. Подготовительная комиссия придерживается позиции, отвечающей принятому ею лозунгу «Долой границы!», и отвергает «дробление великих держав на мелкие национальные государства» вплоть до того, что называет право на самоопределение «пустой фразой, лишенной четкого содержания». Ленину приходится выступить в этой ситуации, чтобы опровергнуть вновь возникшую «польскую ересь» (и это касается в гораздо большей степени Радека, чем Розы Люксембург, так как именно он выступил с такими тезисами на Циммервальдской конференции) и добиться поддержки большинством своих тезисов, в которых вновь подтверждается право наций на самоопределение.

Словом, неудивительно, что первыми актами правительства, созданного Октябрьской революцией, была «Декларация прав народов России» (от 15 ноября 1917 года), за которой неделей позже последовало обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (7 декабря). В нем провозглашалось, что все их «верования, обычаи», их «национальные и культурные учреждения» станут «свободными и неприкосновенными», а в заключение говорилось: «На наших знаменах несем мы освобождение угнетенным народам мира»⁴¹. Совершенно очевидно, что цель обращения — завоевать широкие симпатии по отношению к революции, которая произошла в Петрограде, Москве и европейской России, у угнетенных народов Закавказья и Зауралья и поднять молодые национальные движения Азии на борьбу с империалистическими державами Запада. Обращение адресовано не только мусульманам, но и всему Востоку, в том числе индийцам и армянам. Термин «Восток» включает и национальные течения, возникшие в Афганистане, Турции, Персии и Китае, которые Ленин имел обыкновение называть вместе, говоря о революционных движениях под лозунгом «Азия — азиатам!», на-

⁴⁰ Там же, т. 3, с. 48—57. Об этой дискуссии см.: E. H. Carr. *Storia della Russia sovietica*, v. I: «La rivoluzione bolscevica 1917—1923» Torino, 1964, p. 257 sgg.

⁴¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, с. 34—35.

чавшихся после событий 1905 года. С другой стороны, обращением к исламу хотели выделить те проявления мусульманского реформизма, которые наблюдались в торговых городах и культурных центрах Средней Азии и у татарских купцов Поволжья⁴². Под влиянием студентов из Индии и Афганистана среди учеников мусульманских школ Бухары возникло бурное движение за возрождение ислама, против изжившей себя традиции, движение за обновление. Речь шла скорее о национальной, чем о религиозной оппозиции, поскольку выступление было направлено против русской колонизации в сельскохозяйственной, административной и военной сферах. С другой стороны, это движение под влиянием реформистских выступлений младотурок тяготело к пантюркизму, колеблясь между объединением с Турцией и проектом создания великого Туркестана, который выделялся бы из состава Российской империи. В этом варианте движение могло опереться на светские, нерелигиозные слои общества, а также на молодежь, которую вдохновляли идеи материализма и которая противостояла царизму и тому же Западу, хотя у Запада были позаимствованы идеи о нации, ставшие частью идеологии, объединившей Восток и ислам, об образовании единой тюркской или же мусульманской нации.

Эти устремления закрепились в народных движениях сопротивления, получивших широкое развитие начиная с 1916 года. Следует заметить, что в религиозных и городских кругах боялись крестьянских и пастушеских мятежей, прокатившихся между июнем и сентябрем 1916 года по Средней Азии и Казахстану; они отражали недовольство теми мерами аграрной колонизации, которые были проведены русскими чиновниками на казахских и киргизских землях, а также мобилизацией рабочей силы на рытье окопов в прифронтовой полосе. Восстание распространилось к югу, на районы Ташкента, Ферганы и Самарканда; жестокие царские репрессии заставили казахов, киргизов и туркмен искать убежища в Монголии, Китае и Персии. После Февральской революции, когда многие эмигранты вернулись на родину, в мае 1917 года в Петрограде состоялся Всероссийский съезд мусульман, который выдвинул требование национальной автономии. Затем, в июле, в Казани на втором съезде прозвучал призыв к созданию великого Туркестана, тогда как другие съезды провозгласили независимость башкир и казахов. Вот на каком фоне разворачивалась Октябрьская революция.

Признав права наций, большевистское правительство со-

---

⁴² О татарах см.: *A. Bennigsen, C. Quelquejay. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: le sultan—galevisme au Tatarstan.* Paris — La Haye, 1960; *ID. L'Islam en Union Soviétique.* Paris, 1968; *H. Carrere d'Encausse. Réforme et révolution chez les Musulmans de l'Empire russe. Boukhara, 1867—1924.* Paris, 1966.

здает Комиссариат по делам национальностей во главе со Сталиным⁴³. Среди 18 отделов, из которых постепенно складывается это учреждение, был отдел по внутренним делам мусульман и временно созданный отдел по делам еврейской национальности, которые имели ту особенность, что они не были привязаны к каким-либо определенным территориям, иллюстрируя тем самым идеи культурно-национальной автономии, унаследованные у австромарксистов и Бунда.

«Еврейский отдел», который в 1920 году будет преобразован в «еврейский сектор», действует параллельно аналогичному «еврейскому сектору» в партии, являясь в свою очередь временной, чрезвычайной формой организации. А сменяющие друг друга представители движений Востока стремятся к автономии, как ее понимает мусульманский коммунизм, пытающийся соединить ислам с коммунизмом, тюркским национализмом и принципами социального освобождения. К этой цели стремились и дольше других проработавшие в комиссариате на ответственных должностях Султан-Галиев и Ханафи Музаффар: они пытались создать коммунистическую партию мусульман, которая подготовила бы конституцию Туркестана и подняла революционное движение на Востоке.

Комиссар по делам национальностей Сталин сталкивается с различными, часто противоречивыми национальными проблемами; с вопросами, связанными со срочной мобилизацией, и с нажимом тех левых группировок, которые призывают к «абстрактному интернационализму», в корне враждебному любым национальным устремлениям. Побеждает ориентация на предоставление местной автономии, основой которой являются Советы или коммуны — как, например, у поволжских немцев — или же региональное деление — вроде Татаро-башкирской республики, которая вскоре после образования была разделена на две автономные республики. Однако проведение этих мер в тот период было затруднено из-за гражданской войны и чрезвычайно напряженной внутренней обстановки. Словом, с этого момента берет начало национальная политика, основанная на языковом признаке национальностей (в том числе и меньшинств), которая стремится преподнести эту компенсацию в сфере культуры как гарантию стремления к равноправию в рамках будущего союза. Так постепенно складывалось решение проблемы культурно-национальной автономии, которое предполагало возможность административного и экономического единства.

Средоточием противоречий уже тогда (а они разрешатся нескоро) был союз революционных мусульман, исповедующий идеологию, по которой первенствующая роль принадлежит Востоку. Ее часто называют «султан-галиевщиной», тер-

---

⁴³ H. Carr. La rivoluzione bolscevica, p. 268 sgg.

мином, который на будущих процессах будет использоваться для обвинений в контрреволюционных заговорах. Стремление коммунистических мусульманских организаций к автономии чрезвычайно сильно, и в ноябре 1918 года они проводят свой первый съезд. Хотя Сталину и удалось заставить эти силы влиться в русскую большевистскую партию, тем не менее продолжают существовать различные крупные организации, например в Средней Азии, которые проводят собственные совещания. В феврале 1919 года в Ташкенте они основывают Краевое бюро мусульманских организаций.

На «международном революционном» собрании, состоявшемся в Петрограде в декабре 1918 года, турецкий делегат Мустафа Субхи выдвигает еще одну формулу равновесия сил, суть которой заключается в том, что «мозг англо-французского капитализма находится в Европе, а его тело — на равнинах Азии и Африки»⁴⁴. На II Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока, проходившем в ноябре — декабре 1919 года с участием Ленина и Сталина, в заключительной резолюции говорится, что «проблему международной социальной революции невозможно решить без участия Востока», а Ленин в своем выступлении замечает: «Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма». И, напомнив делегатам, в каких условиях разворачивалась до той поры борьба народов Востока, а также ситуацию, сложившуюся в конце войны, Ленин раскрывает перед ними те задачи, которые им предстоит выполнять уже в недалеком будущем: «Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов, — вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль... Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока... Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции...»⁴⁵

---

⁴⁴ Ibid., p. 1017 sgg.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 327—330.

Особенно предвосхищающей будущие события (хотя в ней слышится отзвук настроений европейского народничества прошлого века, вызванных народными страданиями) выглядит революционная тема эксплуатации угнетенных народов, этих подлинных «проклятием заклеянных», ввиду бедственного положения которых вновь был взят на вооружение термин «пролетарские нации». Для Султан-Галиева именно угнетенные народы — основа всемирной революции; в своей речи на краевом съезде коммунистической партии в марте 1918 года в Казани он действительно отождествляет их с международным пролетариатом: «Все мусульманские народы, находящиеся в колониальной зависимости — это народы-пролетарии. А так как колонизаторы угнетали в прошлом почти все классы мусульманского общества, все они имеют право считаться пролетарскими. С экономической точки зрения существует огромная разница между, например, английским или французским пролетариатом и пролетариатом афганским или марокканским. А значит, можно утверждать, что национальное движение в мусульманских странах носит характер социалистической революции»⁴⁶.

В самом деле, Султан-Галиев испытывает глубокое недоверие к европейскому пролетариату, который он считает заинтересованным в эксплуатации колоний. В своих статьях, опубликованных в октябре — ноябре 1919 года в еженедельнике Комиссариата по делам национальностей «Жизнь национальностей», он исходит из ленинских предпосылок, но затем сползает на позиции схематического и народнического марксизма: «В силу этого главного и бесспорного закона развития социальной революции русская революция с самого начала должна перерасти в мировую революцию: если бы этого не произошло, Советы в России были бы всего лишь крохотным оазисом в бушующем море империализма, рискуя в любой момент быть стертыми с лица земли вакханалией мирового империализма»⁴⁷.

И Султан-Галиев обвиняет коммунизм и русскую революцию в «плохой ориентации». Он пишет: «Внимание вождей революции было целиком и полностью сосредоточено на Западе. Перерастание Октябрьской революции во всемирную социалистическую революцию понималось исключительно как направление русской революционной энергии в сторону Запада, то есть к той части земного шара, где наиболее острыми были противоречия между классовыми интересами проле-

---

⁴⁶ См.: *Bennigsen, Quelquejay. Les mouvements nationaux...*, авторы ссылаются на казанскую коммунистическую газету «Знамя революции» от 8 марта 1918 года.

⁴⁷ *S. Schram, H. Carrere d'Encausse. Le marxisme et l'Asie. Paris, 1965, p. 239 ff.* в этой книге цитируются статьи из «Жизни национальностей» от 5 и 12 октября и 2 ноября 1919 года.

тариата и буржуазии и где почва для развития революции казалась более подходящей. И наоборот, Восток с его полуторамиллиардным населением, которое угнетала западноевропейская буржуазия, был почти полностью забыт».

В заключение автор говорит о первенствующей роли Востока, ибо именно Восток испытывает наибольший гнет, а следовательно, является главным очагом революции. Автор далек от позиций Сталина, который в статье «Не забывайте Востока», опубликованной в том же еженедельнике, писал: «В момент поднимающегося революционного движения в Европе, когда троны и короны разваливаются, уступая место революционным Советам рабочих и солдат... взоры всех, естественно, обращаются на Запад» — и указывал на Восток лишь как на «„неисчерпаемый“ резерв и „надежнейший“ тыл для мирового империализма»⁴⁸.

Вот каким образом ставился вопрос о том, какой реальный вклад мог внести Восток в советскую революцию. Карр ясно обозначил рамки проблемы⁴⁹: революционные призывы нашли отражение в фактах, потому что азиатские народы почувствовали, что их национальному существованию угрожали репрессии, аналогичные тем, которые при царизме обрушили на большевиков объединенные реакционные силы. Белые правительства Прибалтийских стран и Украины, Грузии и Восточной Азии, хотя и провозгласили себя независимыми, заручились все же поддержкой иностранных держав, беззастенчиво переходя от сотрудничества с немцами к сотрудничеству со странами Антанты и Японией и не оставляя истинно национальным силам иного пути, кроме союза с большевиками и поддержки Красной Армии, тем более что белые генералы, развязав контрреволюционный террор, явно выражали намерения полностью восстановить русское владычество. Если Восток прямо и не спас большевистскую революцию, то он, безусловно, в значительной мере этому способствовал, а его социальные и национальные движения вдохнули жизнь сначала в советскую федерацию, а затем в СССР, образованный на территории, находившейся прежде под властью царя.

Еще одной возможностью для подтверждения права наций на самоопределение явились подготовительные работы по организации нового государства, открытого «всем нациям России», продолжавшиеся с января по июль 1918 года в связи с брест-литовской мирной передышкой. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая в январе 1918 года III Всероссийским съездом Советов, предоставляет нациям право решать без каких-либо ограничений, участвовать ли и на какой основе в федеративном правительстве и в

---

⁴⁸ И. Сталин. Соч., т. 4, с. 171.

⁴⁹ Carr. La rivoluzione bolscevica, p. 253 sgg., 1012 sgg.; 1235 sgg.

других федеративных советских учреждениях. Таким образом, Россия становится федерацией, и это не может не удивить, если вспомнить о недоверии Ленина к федерализму в рамках большого государства. Правда, Сталин в интервью «Правде» от 3—4 апреля 1918 года уточнил, что федерация — это один из путей к объединению: «Российская Федерация представляет... союз определенных, исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом».

Концепция нации, таким образом, связана с концепцией культурной автономии. Кроме того, поскольку «многие склонны считать федеративный строй наиболее устойчивым и даже идеальным», следует рассмотреть главный момент: «...федерализм Америки и Швейцарии есть переходная ступень от независимости штатов и кантонов к полному их объединению. Федерализм оказался вполне целесообразной формой как переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму... В России политическое строительство идет в обратном порядке. Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудящихся масс всех наций и племен России»⁵⁰. В декабре 1918 года Сталин с помощью двух противоположных формул укажет на изменение ситуации: «Лозунг буржуазного национализма „Вся власть национальной буржуазии“ сменяется лозунгом пролетарского социализма „Вся власть трудящимся массам угнетенных национальностей“»⁵¹. Но выход России из мировой войны был отмечен прежде всего предоставлением независимости Польше, Финляндии, Прибалтийским странам, с чем революции пришлось согласиться; во-вторых, гражданская война и развитие военных действий и волнений в Азии отодвинули на неопределенное время применение конституции на практике.

В этой драматической ситуации, когда приходится защищаться, партийные активисты становятся военными, ведущими войну за власть. Партию, нацеленную прежде всего на внутреннее единство, поддерживают две другие крупные и также сплоченные организации: профсоюзы и Красная Армия. Ядром теории и практики большевизма является централизм, и VIII съезд партии в марте 1919 года принимает постановление, по которому автономия республик в составе федерации не должна повлечь за собой создание независимых коммунистических партий. На съезде, на котором Сталин не выступал, дискуссия по национальному вопросу давала воз-

---

⁵⁰ И. Сталин. Соч., т. 4, с. 68, 72—73.

⁵¹ Там же, с. 177.

возможность пересмотреть программу партии по этому вопросу. Пятаков выступил со своими тезисами о единстве: «После создания единой экономики с единым Высшим советом народного хозяйства, единого управления железных дорог, единого банка и т. д. все это хваленое самоопределение не стоит и выеденного яйца». Бухарин вновь возвращается к линии на «самоопределение трудящихся классов угнетенных национальностей». Ленин соглашается с заменой формулы о самоопределении принципом равенства без дискриминации, с признанием права на отделение:

«В национальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариата, в отличие от буржуазно-демократического формального провозглашения равенства наций, неосуществимого при империализме, состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии. Осуществление этой цели требует полного освобождения колониальных и других находившихся в угнетенном или неполноправном положении наций с предоставлением им свободы отделения как гарантий того, чтобы унаследованное от капитализма недоверие трудящихся масс разных наций и озлобление рабочих угнетенных наций против рабочих угнетательских наций было полностью рассеяно и сменилось сознательным и добровольным союзом».

И хотя затрагивается вопрос о поощрении развития национальных культур, главным остается принцип национального равенства, который проводится через развитие экономики. Партия большевиков предложила как одну из форм перехода к полному единению федеративное объединение государств, организованных по советскому типу. В заключение еще раз подтверждается главная цель с учетом необходимого применения к обстоятельствам, как советует Ленин: «Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных... содействие не только практическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов, унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения».

Особенно же следует учесть, что на практике право на отделение становится чистой формальностью: «В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на историческо-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.»⁵²

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 111—112.

Таким образом, партия провозгласила себя верховным судьей, указующим от имени упрощенного марксизма последующие этапы исторического развития народов. С другой стороны, революционное движение должно тяготеть к советской революции. Что же касается Сталина, то он, не долго думая, отметет возможные варианты выбора, сославшись на империализм:

«В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможны лишь два выхода:

либо вместе с Россией, и тогда — освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

либо вместе с Антантой, и тогда — неминуемое империалистическое ярмо Третьего выхода нет»⁵³.

На империализм продолжают ссылаться, но не столько для того, чтобы отличать угнетенные нации от великих держав, сколько для того, чтобы делить мир на два противостоящих друг другу лагеря. Версальский мирный договор будет истолкован именно с этих позиций. Отход теории к стратегической концепции империализма (речь шла о незамедлительной, защитной стратегии) совершается под воздействием революционных мер по обеспечению безопасности в обстановке изоляции периода военного коммунизма. Все в том же марте 1919 года учреждение Коммунистического Интернационала приводит к тому, что центром притяжения, которым дотеле была русская революция, становится организация той части рабочего движения, которая обратилась к коммунизму из-за глубокого отвращения к войне. Напротив, социал-демократическое крыло будет считать империализм всего лишь лозунгом, и, пока национальная проблема будет назреть в угнетенных странах, теория империализма в развитых странах на время будет законсервирована.

5. Революционный национализм

Включение национальной борьбы в теорию империализма Лениным в корне изменило пролетарский интернационализм и самую концепцию мировой революции. В самом деле, теперь уже речь шла не о том, чтобы просто распространить пролетарскую революцию, разрушив границы, или создать всемирную федерацию государств, которые затем сольются во всемирную социалистическую республику, а о том, чтобы объединить антиимпериалистическое движение, признанное составной частью революционного движения, и социалистические цели, которые выдвигает пролетарский авангард.

---

⁵³ И Сталин. Соч., т. 4, с. 353.

Большевистская революция в своем развитии интерпретируется как воплощение этих теоретических положений, а русский опыт переносится в качестве образца на мировую революцию. Поскольку на Западе не произошло победоносной революции (которая, естественно, была бы пролетарской), то перспектива наступления социализма становится все более отдаленной, зато появляется искушение обойти проблему: с одной стороны, начиная с 1921 года усиливается развитие государственного капитализма в России, а с другой, указывается на тот вклад, который может внести в революцию движение угнетенных стран. Схема пролетарской революции, единственными глашатаями которой становятся коммунистические партии, сохраняется и в качестве теоретического оправдания советского центра, и как отвечающая целям, которые ставит III Интернационал. Именно так развивается стратегическая в своей основе советская разновидность марксизма, которая в силу обстоятельств исходит из одной страны и пропагандируется коммунистическим движением. Если мировая революция запоздает или не произойдет, то каким образом концепции социализма, как таковой удастся избежать сдвига в сторону частичных и периферийных действий, сдвига, который, с другой стороны, ведет к превращению теории империализма всего лишь в ориентир для борьбы в условиях изоляции, в которых находится эта страна? Когда раскол рабочего движения закрепился, создается впечатление, будто вне идеологической системы коммунизма нет больше возможностей для теоретического изучения империализма, после того как большая часть европейских социалистов покинула мировую арену, ограничив поле своих наблюдений лишь развитым центром организованного капитализма.

Таким образом, в период между 1919 и 1920 годами вследствие изоляции, в которой оказалась русская революция, перспективы мировой революции в корне меняются. Перемены особенно заметны, если сравнить первоначальную «Платформу Коммунистического Интернационала» (то есть платформу учредительного конгресса в марте 1919 года) с тезисами по колониальному вопросу его II конгресса в июле 1920 года, которые получили разработку в ходе дискуссии на Конгрессе народов Востока, проходившем в Баку в сентябре 1920 года, независимо от того, что здесь уже наметилась тенденция к тому, чтобы соотнести требования мировой революционной стратегии с интересами защиты Советского государства.

Учреждение Коммунистического Интернационала отвечает ленинскому желанию ускорить раскол европейского рабочего движения, с тем чтобы обеспечить надежность участия в Интернационале. Однако, по правде говоря, следует заметить, что антикоммунизм уже принялся за работу, если мы вспомним, какую резкую реакцию вызвала большевистская рево-

люция в социалистических партиях Европы, не принявших насилия, а также тот факт, что политические силы, которые уже тогда стали частью институционализированных учреждений и общественных организаций развитых стран, не поняли отсталого и нищего мира России. Во всяком случае, немногочисленный съезд тех, кто в марте 1919 года дал жизнь III Интернационалу, бросил вызов социалистическому бернскому конгрессу, который в феврале того же года пытался возродить к жизни II Интернационал, заклеив террор и диктатуру большевиков во имя демократии, которая была названа гарантом движения к социализму. С момента Октябрьского восстания и начала массовых насилий такие заявления иллюстрируются примерами из Французской революции, но и на московском конгрессе мы снова встречаемся с Французской революцией и сопоставлением демократии и диктатуры пролетариата.

Хотя «Манифест Коммунистического Интернационала» обращен «к пролетариям всего мира», совершенно очевидно, сколь важная роль придается в нем европейскому пролетариату: восстание колоний имеет второстепенное значение. Безусловно, «Платформа Коммунистического Интернационала» задумана широко: «Интернационал, который окажется способен подчинить так называемые национальные интересы интересам интернациональной революции, осуществит тем взаимную помощь со стороны пролетариата различных стран, а без экономической и других видов взаимной поддержки пролетариат не в состоянии построить новое общество. С другой стороны, в противоположность желтому социалистическому Интернационалу, Интернационал коммунистического пролетариата будет поддерживать эксплуатируемые народы колоний в их борьбе с империализмом, чтобы способствовать окончательному краху системы мирового империализма»⁵⁴.

И все-таки освобождение угнетенных народов ставится в зависимость от революции в Европе: «Освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабочего класса метрополий... Европа социалистическая придет освобожденным колониям на помощь своей техникой, своей организацией, своим идейным влиянием, чтобы обеспечить их переход к планомерно организованному социалистическому хозяйству»⁵⁵.

Всего два выступления представителей мира колоний и полуколоний выдержаны в совершенно ином тоне. Соглашаясь с большевистской формулировкой о классах и относя к пролетариату «угнетенное турецкое крестьянство», турок Муста-

---

⁵⁴ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, с. 66.

⁵⁵ Там же, с. 57

фа Субхи говорит также о турецкой интеллигенции, выступая на деле «от имени всего вооруженного народа, который хищный империализм подвергает гонениям и который задыхается в тисках капитализма и под гнетом западной цивилизации»⁵⁶. Вот где вмешиваются колониализм, империализм и Запад. Вразрез с резолюциями Интернационала Субхи считает, что решающая роль в победе революции принадлежит колониям: лишив «франко-английскую промышленность» сырья и рынков сбыта, Турция, Персия, Индия, Китай и т. д. смогут задушить капитализм, а «результатом этого неминуемого кризиса будет переход власти в руки пролетариата и установление социалистического порядка». В выступлении Ялымова (татарина Газия), помощника Султан-Галиева, от имени «Центрального бюро мусульманских коммунистических организаций», получившего в эти дни название «Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока», объединяющего всех трудящихся-коммунистов, за исключением представителей русской национальности, тоже превозносится Восток: «Восток — это источник, питающий мировой империализм. Когда Восток восстанет и протянет руку социалистическому Западу, империализм окажется в окружении, и пройдет час победы всемирного социализма».

Если верно то, что подобное распределение ролей оставляет за Западом пролетарское начало, то «излишне доказывать первостепенную важность пробуждения народов Востока для развития пролетарской революции на Западе». Кроме того, следует заметить, что центром пролетарской революции считается русская революция, и это подтверждается самой организацией III Интернационала, построенной по типу большевистской партии. Понятие империализма (кстати сказать, весьма упрощенное) ставится в зависимость от этой революционной централизации, как это видно из призыва 1 мая «создавать Советы» и устанавливать «диктатуру пролетариата во всем мире», а затем из лозунга: «Долой Версальский мир! Да здравствует коммунистическая революция!»⁵⁷, отвечающих новым установкам ведения борьбы, которые как будто допускают коалиции против победивших империалистических союзников, намеревающихся разделить мир, включая не только угнетенные, но и побежденные страны Центральной Европы, и прежде всего Германию.

II конгресс Коминтерна, который проходит во время непродолжительного наступления Красной Армии в Польше, отмечает рост революции в Азии благодаря победам над ар-

⁵⁶ "Documents pour l'histoire de la Troisième Internationale" Paris, 1974, p. 266—268; в связи со следующим выступлением Ялымова см.: *ibid.*, p. 257—258.

⁵⁷ Manifesto del Comitato esecutivo sul trattato di pace di Versailles.— In: A. Agosti. La Terza Internazionale, p. 91.

миями Деникина и Колчака и образованию Азербайджанской Советской Республики. В это же время Мустафа Кемаль поднимает Турцию против Стамбула и иностранных империалистов. Этот сдвиг в сторону Азии уравнивает разочарования на Западе, а II конгресс впервые в истории международного рабочего движения обсуждает не колониализм, как это было в Штутгарте, а колониальный вопрос в качестве национального, учитывая их историко-политическую взаимосвязь; такой подход надолго останется характерным для коммунизма. Маринг (это не кто иной, как яванский голландец Снеевлит) осмелится даже заявить: «На мой взгляд, для будущего развития мировой революции в повестке дня нет более важного вопроса, чем национально-колониальный вопрос»⁵⁸. Это был действительно убежденный сторонник того национального фронта, который мог бы образоваться благодаря союзу коммунистических партий и национальных движений в угнетенных странах; в своем обращении к Манавендре Нат Рою именно он выражает свое недоверие к «марксистам-доктринерам».

II конгресс Коминтерна известен дискуссией, развернувшейся между индийцем М. Н. Роем — сторонником рабоче-крестьянского фронта, свободного от какого бы то ни было националистического налета, и Лениным, склонявшимся к поиску союзов и готовым к компромиссу, о чем свидетельствует написанная в мае 1920 года в предверии конгресса его работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Для аргументации Роя характерен схематизм того «детского» марксизма, который обращается к экономическому материализму с тем, чтобы лучше подать моральное превосходство Востока. Позднее в своих мемуарах он сам признается, что неожиданное открытие марксизма заставило его разом покончить со своим «сентиментальным национализмом»⁵⁹, и это обращение в марксизм с того момента и впредь вовлечет его в борьбу против Ганди и партии Конгресса. В своем проекте тезисов он разрабатывает положение о полном перемещении классовой борьбы из стран капиталистической системы в Индию и колонии, а его концепция классов является плодом чисто теоретических дедукций. Рой, который покинул Индию в двадцатилетнем возрасте, затем прожил шесть лет в Мексике, силится распространить классические категории марксизма на «массы рабочих и бедного крестьянства», на «несметные массы безземельных крестьян». Однако он указывает также, что мелкая буржуазия, имеющая обра-

⁵⁸ "Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale" Hamburg, 1921, S. 144.

⁵⁹ Colloque sur l'expérience soviétique et le problème national dans le monde (1920—1939). Paris, 1981, v. II, p. 135; B. K. Jain. M. N. Roy et le problème national indien (1920—1924). London, 1964.

зование, ввиду неграмотности масс может взять на себя роль рупора их идей. «Дух мятежа, присущий в скрытой форме всем угнетенным народам, нашел свое выражение лишь в нижних слоях среднего образованного класса». Классовые формулировки постепенно покидают почву социальной действительности ради выработки идеологической и политической линии.

Похоже, это одно из тех явлений, которые подготовили появление азиатского марксизма и марксизма «третьего мира». Классовая терминология маскирует страстное стремление к реваншу над Западом, или, точнее, за марксистской ортодоксальностью кроется стремление положить конец — даже тогда, когда отвергаются национальные формулировки, — унижению угнетенных наций, которые должны теперь рассчитывать на свои собственные силы. Смещение колониализма и империализма служит поводом для использования экономической аргументации: в самом деле, колонии рассматриваются как итог деятельности империализма; если сверхприбыль, которую они приносят капитализму, исчезнет, они смогут разорить его и уничтожить. К этому слабому экономическому доводу Рой добавляет еще одно соображение, почерпнутое из указаний Маркса и Ленина и касающееся Ирландии: революция на Западе не может произойти до тех пор, пока рабочий класс Европы не избавится от колониализма, который связывает его с его собственной буржуазией. Вот почему очаг революции находится на Востоке. Это толкование рискует обернуться парадоксом, когда Рой, во имя революционной борьбы пролетариата, лишает какой бы то ни было поддержки национальные движения, охарактеризованные не иначе как «буржуазно-реформистские», готовые сотрудничать с империализмом. Ленин подвергнет резкой критике заявления вроде: «Массовые движения в колониях развиваются независимо от национальных движений», или такие выводы, как: «Поддерживать колониальные буржуазно-демократические движения — значит способствовать развитию духа национализма, что несомненно помешает пробуждению классового сознания масс».

Ленин замечает, что Рой заходит слишком далеко, считая, что судьба Запада зависит исключительно от степени развития и подъема революционного движения в странах Востока⁶⁰. Но Ленину важно установить связь между Востоком и советской революцией и порвать с европоцентризмом, который отдаёт предпочтение европейскому пролетариату. В итоге он приходит к соглашению с ним против Серрати, который думал о чисто практическом использовании восточного движения, полагая, что «в своей борьбе против

⁶⁰ Schram, *Carrere d'Encausse*. Le marxisme et l'Asie, p. 199.

капиталистического угнетения пролетариат имеет право воспользоваться национальными восстаниями для трансформации их в социальную революцию».

В «Докладе о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала», равно как и в тезисах по национальному и колониальному вопросам и в своих выступлениях, Ленин в качестве отправной точки берет собственную концепцию империализма и мысль о том, что мировая война вовлекла в «революционный натиск сотни миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект». Революция носит всемирный характер, поскольку наличие объединения «революционных масс» с пролетариатом. В своем довольно общем анализе классов угнетенных стран он не столько оперирует терминами «пролетариат» и «крестьянство», сколько пытается лучше понять, что представляют собой эти «эксплуатируемые и угнетенные массы», или же то население, которое находится «на пути пролетаризации», «трудящиеся массы»; он приходит даже к понятию (в котором слышится отзвук народничества) «трудовой народ», превознося «Советы трудящихся» как орган революции⁶¹. Именно это позволяет Ленину обойти возражения Роя, предоставляя ему возможность клеймить реформистский и компрадорский национализм, и признать заслуги движений, названных «национально-революционными», лишь бы они признавали существование коммунистических партий:

Мысль эта, несомненно, нова, притом в двояком отношении. Концепция «революционного национализма» исключает упрощенный взгляд на вещи, то есть следование друг за другом обязательных фаз, в том числе и «буржуазно-демократической», равноценными составляющими которой выступают национальный вопрос и буржуазная демократия, скопированные с европейской истории. Кроме того, сами национальные движения обретают революционную значимость, поскольку отражают процесс перехода к социалистической революции.

Обычно II конгрессу Коммунистического Интернационала давали оценку, исходя из обстановки, сложившейся в июле 1920 года, когда Красная Армия была на пути к Варшаве. Если о противоречиях этой операции было уже ясно сказано⁶², то все же следует иметь в виду, что некоторые — в частности, Троцкий — стремились ее оправдать, называя Красную Армию носителем революционных идей, и что революционная экспансия рассматривалась как укрепление русской мощи: отсюда великодержавный шовинизм, который

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 215—235.

⁶² Carr. La rivoluzione bolscevica, p. 952. Относительно следующей далее ссылки на Троцкого см.: L. Trotsky. Nouvelle Etape Paris, 1922, p. 84—85.

рикошетом вызвал взрыв польского национализма, не обошедший старую польскую социалистическую партию, которая дошла до такой крайности, как «национал-социализм».

Во всяком случае, наступление в Польше — это начало поворота в развитии большевистской революции, потому что именно оно отождествляется теперь не только с русской революцией, а еще и с акцией Советского государства, окончательно трансформируя антиимпериализм из стратегии всемирной революции в стратегию защиты СССР. Этот переход можно ощутить уже на съезде народов Востока, проходившем в начале сентября 1920 года в Баку: хотя внешне шло обсуждение революционного национализма, оно грешило тем, что в нем было заметно расхождение между призывами к священной войне и вполне утилитарными планами «операции Зиновьева». Последний, обращаясь к участникам конгресса, восклицал: «И вот наступил момент, когда миллионы рабочих и крестьян Запада объединяются с сотнями миллионов людей, живущих на Востоке. Это мгновение определит самый ход мировой истории». Он скажет также, что колокольчик председателя, возвещая об открытии съезда, «прозвонил за упокой души буржуазии всего мира»⁶³. Все же он уточнил цели и границы священной войны: «Перед нами стоит задача развернуть настоящую священную войну против английских и французских империалистов», и одновременно призывал к крестьянской революции «под испытанным руководством организованных рабочих Запада». Бакинский съезд знакомит с тезисами, написанными Лениным ко II конгрессу Коминтерна; их зачитывает Павлович (Вельтман) — старый активист еврейской эмиграции в Европе, главным образом во Франции. Преступления, явившиеся следствием империалистической конкуренции, проиллюстрированы на примере Оттоманской империи: «Мировая война привела к разделению мира на две группы стран, поставив во главе человечества меньшинство — 250 миллионов человек, принадлежащих к привилегированному, угнетающим нациям, пользующимся всеми правами».

Подобно тому как Ленин на II конгрессе цитировал Кейнса, Павлович настойчиво говорил о новых формах кризиса на Западе, который проявился в форме валютного кризиса в результате инфляции. На Востоке коммунисты действуют, опираясь на двойную классовую основу: формирующийся пролетариат, как в Индии, и крестьянство, разорение которого растет; по вопросу о крестьянстве съезд определит цели, которые будут отражены в резолюциях по аграрному вопро-

⁶³ "Le Premier Congrès des peuples de l'Orient", Bakou, 1—8 septembre 1920 (стенографический отчет на франц. яз.), Pétrograd, 1921, p. 14, 215. Последующие выдержки из дискуссии на конгрессе см.: *ibid.*, p. 45, 37, 123—149, 150, 158, 82—85.

су. Но именно разделение мира на два лагеря, а не эти моменты, решает, какой будет проводимая линия. «Народы Востока не смогли бы завоевать свободу, если бы они не были едины с пролетариатом всех стран» — вот та «прописная истина», о которой Павлович напоминает, когда утверждает: «Революционный Восток должен вступить в союз с Советской Россией. Этапом на пути к полному объединению трудящихся масс является федерация советских государств». Таким образом, Павлович приближается к переходной форме, которая наводит на мысль о народной (или национальной) демократии, способной на Востоке повторить революцию Советов: «Федерация советских стран Востока против империалистических держав и против внутреннего врага есть переходная форма». Борьба ведется на два фронта: «против иностранного капитала и против национальной буржуазии». Национальное освобождение рассматривается, как положительное событие, но только в том случае, когда оно достигается не под эгидой национальной буржуазии, а является частью социалистического революционного движения. Чего стоила бы независимость Ирландии, если бы эта страна освободилась от экономического господства Англии, но попала в зависимость от Соединенных Штатов? Подобный урок получила потерпевшая поражение Польша: «Национальное движение только тогда улучшает положение трудящихся масс, когда оно является одним из решающих этапов великого социалистического движения».

Это говорит о возвращении к национально-революционной гипотезе Ленина и о том, что революционные движения в угнетенных странах попадают в двусмысленное положение, так как, будучи в союзе с национальными силами, они теперь либо вынуждены отказаться от всяких компромиссов с буржуазией, либо должны поставить под сомнение ценность независимости, если таковая не вписывается в движение к социализму или не отвечает интересам революционного центра — «Советской России, которая в глазах международного пролетариата является революционным авангардом».

Но не столько Нариманов или Рыскулов, связанные с течением мусульманского коммунизма, которое поддерживал Султан-Галиев, сколько «независимый беспартийный» Мутишев, делегат от Кавказа, пророчит революционную судьбу Востоку. Не следует забывать, что выражение «народы Востока» заменило выражение «мусульманские народы». Рыскулов, несомненно, был сторонником «объединения всего Востока»; он называет национальные движения «мелкобуржуазными», а следовательно, не лишёнными элемента непоследовательности. Что до Мутишева, то он сводит Восток к мусульманскому Востоку, ограничивая его рамками Азии без арабских народов: «Мусульманский Восток включает: Тур-

цию, Персию, Белуджистан, Афганистан, Бухару, Хиву, Туркестан, Индию и отчасти Китай». Он останавливается на исламе — «колоссальном собрании идей, составляющем духовную культуру этих стран». По его мнению, если революция — крестьянская («центром тяжести, вокруг которого разворачивается социальная революция, являются крестьянские массы»), то это одновременно и культурная революция. Ислам может возродиться благодаря «пролетарской культуре» и «коммунистической науке». Это «романтическая» и «гуманистическая» перспектива, утверждает Мутишев, цитируя и Лермонтова, и одну бакинскую песню. Место духовного Востока в момент его зарождения оказалось между двумя противополоствующими полюсами. «На нашей планете есть два центра: центр буржуазного угнетения — Версаль, и центр пролетарской борьбы — красная Москва... У народов Востока нет иного выхода, как тесный союз с Советской Россией, вождем мирового революционного движения».

Безусловно, это гораздо более искреннее заявление, чем то, которое направил конгрессу Энвер-паша; в нем этот турецкий генерал объявляет о своем присоединении к антиимпериалистическому лагерю: Москва в ту пору еще не сделала своего выбора в пользу Мустафы Кемаля. Это также служит поводом для разногласий, которые в атмосфере энтузиазма и единодушия ощущаются на бакинском съезде, равно как и крайнее возмущение русским колониализмом, «узконационалистическими тенденциями европейцев», как отметил представитель Туркестана Нарбутабеков. Точно так же Сафаров, говоря о тяжести колониального гнета, поделится своими мыслями по восточному вопросу на основе собственного туркестанского опыта: «„Восточного коммунизма“ быть не может. Мелкобуржуазный, «народнический» утопизм на Востоке непременно начнет восхищаться демократизированным пантюркизмом, враждебным интересам пролетариата. Тем не менее развитие международной пролетарской революции требует особого революционного подхода к проблемам Востока»⁶⁴.

Ленин пытался сформулировать такой подход на II конгрессе Интернационала, предвидя возможность его применения к самой коммунистической организации. В заметках, написанных во время заседаний конгресса, Ленин указывал на необходимость «приспособить как советские учреждения, так и коммунистическую партию (ее состав, ее особые задачи) к уровню крестьянских стран колониального Востока».

Однако это наводит на мысль о том, что дальше такого понимания национального движения дело не идет: восточный

---

⁶⁴ G. Safarov. Problèmes orientaux. Pétersbourg, 1922, p. 183; *Id.* La révolution coloniale, l'expérience turkestanais, Moscou, 1921.

вопрос замкнулся на аграрном вопросе, а национальный вопрос отнесен к проблеме союза между рабочим классом и крестьянством. Перенос структуры рабочих и солдатских Советов на крестьянские Советы откроет, вне всякого сомнения, дорогу для коммунистической революции с опорой на крестьянство; китайский коммунизм именно таким образом вольется в марксистское социалистическое движение. Но тогда остается в стороне соображение об угнетенных обществах и деклассировании масс и еще больше — вопрос о признании национального движения как процесса, связанного со стремлением к долговременной политической автономии и дифференциации культур, если не к настоящему столкновению между ними. В то время как советской революции предстояло решать проблемы национальностей, возникшие вследствие русской колонизации Азии, Турция Мустафы Кемаля в 1920 году подходила к проблеме сущности национально-освободительных движений извне, предвосхищая некоторым образом проблемы, с которыми столкнется Китай. Осенью 1920 года Советское правительство обратило взор на Сунь Ятсена и оказало поддержку революции в Монголии, где, по мнению Ленина, задачи «народно-революционной партии» следовало ставить с учетом «перехода к некапиталистическому пути развития».

6. От Турции до Китая

В связи с тем, что в русской революции заключена иллюзия мировой революции, с самого начала возникает неразбери́ха между курсами партии большевиков и ориентациями Советского правительства. Возьмем, например, множество противоречащих друг другу мер, принимаемых Комиссариатом иностранных дел и Центральным комиссариатом по делам национальностей. Разделение компетенций — результат поворота 1920—1921 годов. После вторичного поражения революции в Германии в марте 1921 года Зиновьев признает реальности международной обстановки, хотя несколько сглаживает углы: «Время мировой революции, по разным причинам, потекло медленнее»⁶⁵. После кронштадтского мятежа в год жестокого неурожая нэп санкционирует поворот во внутренней политике, а в области внешней политики Советское правительство, которое уже подписало ряд соглашений с пограничными государствами (от Прибалтийских стран до Польши, от Ирана до Афганистана), подписывает в марте 1921 года договор о дружбе с Анкарой. Урегулирование вопросов о границах свидетельствует, что революция замкнулась в рамках России. Заключение в том же 1921 году торгового

⁶⁵ "L'Internationale Communiste" № 16, 31 mars 1921.

соглашения с Англией влечет за собой отказ советской стороны от «каких бы то ни было попыток путем действий, или военной, или дипломатической пропаганды, или любым другим путем поощрять какие-либо народы Азии к какой-либо форме враждебных выступлений против британских интересов или Британской империи»⁶⁶. Советская дипломатия включается, таким образом, в систему межгосударственных отношений, в результате чего возникает противоречие между государственными интересами и интересами революции, которые теперь входят в компетенцию лишь Интернационала и коммунистических партий. Показательным в этом смысле является договор с Турцией, в связи с которым встает вопрос о национальном движении в этой стране и об автономии коммунистической партии. Соглашение было заключено уже после зверского убийства кемалистами семнадцати турецких коммунистических руководителей (в числе которых был Мустафа Субхи) и свидетельствует о коренном изменении линии: если раньше Советское государство ставило имеющиеся у него средства на службу революции, то теперь проект создания коммунистической партии под сенью националистической турецкой партии ставится в зависимость от дипломатического соглашения. Естественно, между дипломатической акцией и политической акцией за границей нет непроницаемой перегородки.

Попытка установить контакты со II Интернационалом при посредстве Союза социалистических партий (II ¹/₂ Интернационала) выглядит как поиск компромисса, который, однако, сразу оказался невозможным в том же 1920 году⁶⁷. Аналогичная ситуация сложилась в связи с переговорами, начатыми с Германией (которые приведут к соглашению в Рапалло), и в связи с экономической конференцией в Рапалло. Советская внешняя политика стремится использовать конфликты между капиталистическими странами, проводя в жизнь ленинскую концепцию «передышки» в отношении антисоветской угрозы и разумного использования мирного существования, опираясь главным образом на побежденных (каковыми они стали по Версальскому миру) и проявляя при этом вызывающее удивление понимание немецкого национализма, как это было в случае Рурской забастовки 1923 года против французской оккупации. Кажется, что именно немецкий коммунизм познакомил Запад в общих чертах с политикой национального коммунизма, хотя в те годы национализм подвергался осуждению, если речь шла не о колониях, да и к революционному национализму не было благосклон-

⁶⁶ Carr. *La rivoluzione bolscevica*, p. 1067.

⁶⁷ A. P. Donneur. *Histoire de l'Union des parties socialistes pour l'action internationale (1920—1923)*. Sudbury (Canada), 1967.

ного отношения. Это заметно по тем изменениям, которые произошли в советской политике на Кавказе и в Азии. Сталин тогда стоял у истоков раздела Туркестана и ликвидации оппозиции в Грузии, а также замены «национальных комитетов» в Средней Азии (вышедших из национальных движений) «пролетарскими кадрами». За всем этим, кстати сказать, последует арест и осуждение Султан-Галиева в июне 1923 года, которому вменялись в вину все грехи панисламизма и пантюркизма⁶⁸. «Следует помнить, — предупреждал Сталин на XII съезде как бы в оправдание этой новой линии, — что, кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение». Интересы защиты Советского Союза определяют стратегию, в которой Запад выполняет ту же роль, что и Восток: Восток обеспечивает расширение массовой поддержки, Запад — поддержку со стороны рабочего движения, являющуюся средством давления на политику капиталистических государств. Роль того или иного региона будет меняться в зависимости от конъюнктуры.

Последствия такого подчеркивания интересов Советского государства проявятся на III конгрессе Интернационала в июле 1921 года. Мировое положение и задачи Коммунистического Интернационала оцениваются на нем с учетом «паузы», наступившей в революционном движении; восточный же вопрос сходит с повестки дня. Дискуссия по национальному и колониальному вопросам перенесена в комиссию, заседания которой были примечательны тем, что на ней отсутствовали главные делегации, как во времена II Интернационала. Эта дискуссия была поставлена в повестку дня конгресса в последний день, а выступления были ограничены пятью минутами, несмотря на протесты Роя и французского делегата Шарля Жюльена⁶⁹. Для европейского движения конгресс принимает тактику единого фронта, подкрепленную лозунгом «К массам», который провозглашает «Манифест» Исполкома от 17 июля 1921 года, где нет и намек на борьбу вне Европы⁷⁰. Но хотя IV конгресс, состоявшийся в декабре 1922 года, не перестает подчеркивать важность единого фронта, он опять придает большое значение национальным движениям Востока, которые снова становятся «неиссякаемым источником революционной энергии». Реальное независимое развитие новой Турции, оказавшейся способной выйти из-под анг-

⁶⁸ Bennisgen, *Quelquejay*. Les mouvements nationaux, p. 170 ff; высказывание Сталина см. в: *И. Сталин*. Соч., т. 5, с. 265.

⁶⁹ "Protokoll des III Kongresses der Kommunistischen Internationale" Hamburg. 1921, S. 211 ff.

⁷⁰ Agosti. La Terza Internazionale, p. 471, 478; последующие цитаты из материалов IV конгресса см.: *ID*, p. 645, 627—628.

лийского влияния без каких-либо уступок другим империалистическим державам, делает «кемализм» образцом национального революционного движения:

Интернационал вновь переходит в наступление по колониальному вопросу, обращаясь прежде всего к европейским партиям с призывом стряхнуть с себя инертность. Ссылаясь на свою борьбу против колониализма и знание ислама, Сафаров позволяет себе упрекнуть, в частности, Французскую компартию в великодержавном национализме и в отказе признать обоснованность национального освобождения колоний. Коммунистическая федерация Туниса, которая самостоятельно разрабатывает теорию национального вопроса в странах ислама, выносит на суд Интернационала вопрос о позорной позиции алжирских коммунистов европейского происхождения⁷¹. Секция города Сиди-Бель-Аббеса, которая «в сущности выступает за империалистическое господство французского капитализма», подвергается резкому осуждению, и Интернационал дает указание опираться в колониях «на лучшие туземные элементы, и прежде всего на туземную пролетарскую молодежь», равно как и на эмигрантов из колоний, живущих в капиталистических метрополиях. Во Франции развернут свою деятельность Межколониальный союз под руководством Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) и газета «Ля Патри». Чтобы противостоять наступлению капитала, IV конгресс определяет две главные задачи, стоящие перед колониальными и полуколониальными странами: «создать ядро коммунистических партий, представляющих общие интересы пролетариата», и «всеми силами поддерживать национальное революционное движение, направленное против империализма, стать авангардом этого движения и в пределах национального движения пробудить и усилить социальное движение»⁷². В указании о том, что «рабочее движение колониальных и полуколониальных стран прежде всего должно завоевывать положение самостоятельного революционного фактора в общем антиимпериалистическом фронте», ощущается уступка позициям Роя, однако оно касается весьма далекого будущего, потому что «молодому пролетариату колоний предстоит еще длительная борьба на протяжении целой исторической эпохи...».

Несомненно, Рой был согласен с лозунгом единого фронта: «Бок о бок с единым фронтом рабочих западных стран мы должны создавать единый антиимпериалистический фронт в колониальных и полуколониальных странах». Но, делая раз-

---

⁷¹ Nationalisme et communisme: documents sur la naissance et les relations des deux mouvements en Tunisie. — In: "Pluriel-débat", № 7, 1976, p. 45—65.

⁷² *Agosti*. La Terza Internazionale, p. 651.

личия между странами и стадиями развития — патриархальной, феодальной, буржуазной в соответствии с принятым в марксизме делением,— он стремится в качестве классовой основы революционного движения угнетенных стран выдвинуть пауперизованные массы, которые идут дальше буржуазного национализма; тем самым его представление о едином антибуржуазном фронте, направленном против партии Индийского национального конгресса, идет вразрез с директивами Интернационала, который готов на любые союзы, лишь бы революционные призывы услышало как можно больше людей. После соглашения с кемализмом наметилось сближение с Китаем, где гоминьдан становится вторым примером национально-революционного движения. В защиту аналогичной линии в отношении индонезийского «Сарекат ислам» («Исламский союз») выступает Таң Малака, который пытается пересмотреть вопрос об осуждении панисламизма. Стремясь положить начало широкому межклассовому движению, индонезийский делегат старается объяснить европейским коммунистам, каким могучим средством национальной борьбы является ислам. «Панисламизм на самом деле имеет совершенно особое значение: это борьба за национальное освобождение, потому что ислам для мусульманина — это все. Это не только религия, но это и государство; экономика, пища, вообще все. Следовательно, панисламизм сегодня — это братство всех мусульманских народов, борьба за освобождение не только арабского народа, но и индийского, яванского, всех угнетенных мусульманских народов».

IV конгресс уделяет внимание также движению американских негров и panaфриканизму и в особых тезисах относит «негритянский вопрос» к «движениям жертв империализма Азии и Америки», центрами которых, однако, указываются Китай, Персия, Турция и Египет, хотя утверждается, что Коммунистический Интернационал — это также Интернационал «угнетенных цветных народов всего мира»⁷³. За этой фразой угадывается идея создания колониального Интернационала, тем более что такая оценка культурных различий идет дальше тезисов II конгресса, пусть и со ссылкой на них.

В том, что было названо «завещанием» Ленина, последний обеспокоен и национальным вопросом, и тем, что связано с политической автономией, и ролью национального движения в переходе к социализму, и необходимостью культурной революции. Заметка, написанная в декабре 1922 года, в то время как на съезде Советов шло обсуждение конституции, отражает тревогу, которую вызывают проявления великорусского шовинизма и в самой партии, и в государстве,

---

⁷³ Ibid., p. 806.

наихудший пример чего подал Сталин⁷⁴. Не обсуждая принципа объединения Советских республик, Ленин все же думает, что этот принцип должен ограничиться лишь военной и дипломатической областями, «восстановив полную самостоятельность отдельных наркоматов». Его критика Сталина направлена против националистического извращения государственной власти: «„Свобода выхода из союза“, которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».

Взволнованность Ленина — это не просто беспокойство, вызванное мерами, которые являются вызовом чувствам угнетенных народов, возмущению неравноправием, унижением. В данном случае он боится, что социалистическая революция, уже прекратившаяся в Европе, прекратит теперь развиваться и на пути, избранном революционным национализмом.

Его последняя статья, продиктованная в феврале 1923 года, «Лучше меньше, да лучше», расширяет перспективу революционных возможностей⁷⁵: система международных отношений, созданная войной, открывает возможности для возникновения напряженности в отношениях между побежденными странами — прежде всего Германией — и странами-победительницами; в то же время растет антагонизм между империалистическими державами и угнетенными странами. Если капитализм благодаря некоторым уступкам эксплуатируемым классам может продолжать существовать на Западе в условиях «некоторого подобия социального мира», то будущее социализма, для которого русская революция создала лишь «политические предпосылки», зависит от самой возможности воспользоваться «передышкой», возникшей благодаря наличию противоречий между капиталистическими державами, и обеспечить экономическое развитие Советского Союза; последнее можно почувствовать главным образом на Востоке, который «втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения». И в заключение Ленин говорит: «Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, — этому большинству нужно

⁷⁴ Записка по национальному вопросу была продиктована Лениным 30 и 31 декабря 1922 года и опубликована лишь в 1956 году (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 45, с. 356—362). См.: E. H. Carr. *La morte di Lenin*. Torino, 1965, p. 247—248.

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 403, 404.

успеть цивилизоваться. Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Социализм, следовательно, развивается в двух измерениях — экономическом и культурном, которые обуславливают длительный процесс развития, ведущий к выходу из отсталости. Так Ленин развивает свои соображения об отставании Азии и о тех препятствиях в области культуры, которые являются составной частью русской революции. В статье «О кооперации», относящейся тоже к началу 1923 года, Ленин говорит о необходимости «культурной работы для крестьянства», а также о «той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»⁷⁶. Может быть, здесь будет уместно заметить, насколько в этом случае отказ от указаний Бауэра по национальному вопросу служит помехой для большевистской мысли, которая не поднимается до рассмотрения национального феномена как коллективной основы для развития демократии. Если Ленину удастся более определенно, чем его товарищам по партии, взглянуть на проблему культурного неравенства, то в различии культур он все же не видит основы социально-культурных отношений, на которые опирается коллективное сознание и само политическое сознание. Его концепция культуры связана с прогрессом знания, однако она имеет тенденцию к неприятию идеи о ее пролетарском или социалистическом содержании; значит, он замыкается на этом в своем понимании явлений культуры и противоречий социальной революции. Признание необходимости политической автономии вполне очевидно, когда это связано со стремлением воспрепятствовать торжеству бюрократии; это совершенно ясно для тех, кто всегда боролся за централизованную партию, против культурно-национальной автономии. Централизованная партия, безусловно, была подходящим для Востока орудием захвата власти; Ленин же способствовал тому, чтобы сделать централизм нормой Советского государства и международного коммунистического движения.

V конгресс Коммунистического Интернационала, который собирается после смерти Ленина в июне 1924 года, выражает эту остановку в развитии теории и проистекающий из нее идейный регресс. Превозносится мировая революция и восхваляется антиимпериализм колониальных стран, а понимание возникающих на Востоке проблем сводится к классовой схеме, которая ограничивается переносом на условия Востока «блока рабочих и крестьян» и сведением национальной проблематики к классовому содержанию. Если в европейских странах такое понимание вещей может представлять социо-

---

⁷⁶ Там же, с. 376, 377.

логическую ценность, то в угнетенных странах оно становится абстракцией, ибо там преобладает составляющий значительное большинство населения сельский элемент, переживающий активное обнищание и массовый уход в города при очень ограниченной пролетаризации.

Естественно, что Интернационал стремится поддерживать борьбу за независимость (тем более важную после того, как вновь осенью 1923 года революция в Германии потерпела поражение, и после репрессий в Болгарии) и пытается вмешиваться в нее через своих посланцев и на Дальнем Востоке, и в Латинской Америке. V конгресс констатирует нестабильность обстановки⁷⁷ и называет девять новых секций: Китай (800 коммунистов), Ява (200), Персия (600), Египет (700), Палестина (100), Турция (600) и ячейки, действующие в Корею и Японии. Эти коммунистические организации кажутся на заре своего существования очень изолированными, даже если названные цифры и занижены и в них не учтены ни возможности распространения коммунизма через профсоюзы, ни возможности коммунистического призыва в деревне.

V конгресс вновь осуждает равнодушие европейских компартий к колониальным проблемам и рабский дух коммунистов Алжира. Зиновьев, призванный руководить судьбами Интернационала и возымевший намерение разыграть эту карту в борьбе за власть в СССР, начинает серию обвинений. Однако внимание всех гораздо больше привлекают призывы, вроде призыва Хо Ши Мина. Эти выступления положили начало кампании за оппозицию войне против Рифской республики и Сирии; в ней отличились молодежные коммунистические движения, красные профсоюзы и компартии Франции и Испании, вызвав широкий резонанс в арабских странах и в колониальном мире. Может быть, уместным будет заметить, что в те годы солидарность с борьбой за независимость выражалась отдельным народам или движениям, которые ставили под сомнение законность вновь образованных государств или расчленение колоний, как это было с Марокко; аналогично поступает и Интернационал, когда обращается к существующим в Европе меньшинствам или к балканским народам с призывом объединиться в одну большую федерацию⁷⁸. Только после 1945 года, и особенно в эпоху деколонизации, коммунисты выступают за уважение суверенитета существующих государств.

На V конгрессе Интернационал ещё может принять самые смелые проявления колониального национализма. Роя призывают к порядку именно потому, что его пролетарский марксизм ставит под сомнение национальные союзы, суще-

⁷⁷ См. сборник документов и резолюций V конгресса, выпущенный в 1967 году издательством «Фельтринелли», с. 322—323.

⁷⁸ «L'expérience soviétique et le problème national», v. II.

ствующие в Индии, Турции, Китае, Индонезии. Молодой Хо Ши Мин может говорить, что центр тяжести революционного движения переместился: «Все вы знаете, что сегодня яд и жизненные силы империализма сосредоточены в колониях в гораздо большей степени, чем в метрополиях. Колонии поставляют сырье и солдат. Колонии — база контрреволюции. А вы, говоря о революции, презираете колонии»⁷⁹.

С гораздо большим вниманием, чем призыв к азиатскому национализму, выслушивается призыв к антиимпериалистической борьбе, которая становится частью стратегии обращения к Востоку; однако мы немедленно сталкиваемся со схемой, например у Мануильского, который в Исполкоме начинает играть все большую роль. «В последнее время,— утверждает он, — мы могли заметить в ряде стран среди широких слоев трудящихся тенденцию к созданию рабоче-крестьянских партий с относительно радикальной программой борьбы против империализма. Среди этих партий следует назвать, например, Рабоче-крестьянскую партию Голландской Индии, в частности яванскую, а также партию гоминьдана в Китае».

Понятие «революционный национализм» теряет свое значение, завися теперь от простой смены названия, под которым к рабоче-крестьянскому блоку присоединяется буржуазия или некоторые ее фракции, вся мелкая буржуазия или ее часть.

Национально-колониальный вопрос теряет прежнюю ясность; это видно, в частности, из дискуссии о построении социализма в одной стране, которая развивается в форме полемики в период между смертью Ленина и XIV съездом партии в декабре 1925 года. Выводы изложены Сталиным в «Вопросах ленинизма», где он стремится выработать теоретическую основу для «марксизма-ленинизма». Троцкий со своей стороны уже заявлял в работе «Уроки Октября» (1924); что развитие революции должно пойти «далее демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», к «рабочему правительству»; нельзя сказать, чтобы он недооценивал роль крестьянства, но все же он доходит до идеализации пролетарской партии, основы и вождя мировой революции⁸⁰. В результате Троцкий подходит к проблемам, которые выдвигает Восток, таким образом, что оказывается, будто национальное движение угнетенных стран является эквивалентом лишь буржуазно-демократической революции, простым этапом, который не снимает необходимости пролетарской революции. Уже во время Октябрьской революции противодействовали друг другу «две главные тенденции: одна из этих тенден-

⁷⁹ «Le marxisme et l'Asie», p. 274 ff; см. также приводимое ниже высказывание Мануильского.

⁸⁰ «La "rivoluzione permanente" é il socialismo in un paese solo». Roma, 1963, p. 77 ff; последующие цитаты см. в: Ibid., p. 44; 114, 140, 167, 213 ff.

ций — основная — была пролетарской, она указывала путь мировой революции. Другая была «демократической» или мелкобуржуазной тенденцией, в конечном счете она вела к подчинению пролетарской политики нуждам буржуазного общества, которое реформировалось». Точно так же, как он едва касается национально-колониального вопроса, признавая лишь временное участие в революции крестьянского движения, он и здесь, по существу, сводит империализм к концепции неравномерного развития. В отличие от Сталина, который интересуется вопросом напряженности отношений и противоречиями между капиталистическими государствами, Троцкий с его «центростремительным» видением явлений замечает внутри капиталистического целого такие связи, которые способны вновь протянуться к центру и образовать с ним единое целое, что сразу объясняет главенствующую роль Соединенных Штатов в послевоенный период.

Обращаясь к тезисам II конгресса Интернационала по аграрному вопросу, Бухарин отмечает, что большую часть населения Земли составляют крестьяне; однако, развивая теорию построения социализма в одной стране, он остается верным концепции мировой революции как конечной исторической цели и критикует Троцкого, который ратует за сокращение промежуточных этапов. Для него блок рабочих и крестьян не временная мера, а единственный способ для наиболее многочисленной части общества взять на себя ответственность за проведение дифференцированной стратегии развития, связанной с поступательным движением передовых капиталистических стран во всемирном процессе обобществления.

Таким образом, он предстает перед нами как истинный теоретик связи между национальным и колониальным вопросами: «Разногласия, которые у нас были, в основном, как известно, касались блока рабочих и крестьян, союза рабочего класса с крестьянством и гегемонии пролетариата внутри союза или блока. Сейчас... мы ясно видим, насколько обширна эта проблема... На самом деле речь идет не о проблеме союза между рабочим классом и крестьянством в наших советских республиках, а о важной, в некотором смысле кардинальной проблеме международной революции. С точки зрения мировой революции суть такого злободневного, жгучего вопроса, каким является для капитализма жизненно важный колониальный вопрос, заключается не в чем ином, как в союзе промышленного пролетариата Западной Европы и Америки с крестьянством колоний. Хотя и верно, что колониальный вопрос — это в значительной мере вопрос отношений между пролетариатом и крестьянством, все же он состоит не только в этом... Однако совершенно ясно, что в своей социальной основе колониальный вопрос — это крестьянский вопрос».

Своим успехом большевистская революция обязана тому обстоятельству, что она выполнила аграрную программу эсеров, предварительно проведя операцию «военный коммунизм»; экономическое развитие СССР обеспечивается преимущественным вкладом крестьянства; мировая революция может произойти только при поддержке национального крестьянского движения. Остро предчувствуя, что будущее коммунизма — на Дальнем Востоке, Бухарин представляет себе революционный национализм главным образом крестьянским

Зиновьев, который пользуется авторитетом вождя Интернационала, противопоставляя перманентной революции мировую, также выделяет — по крайней мере начиная с 1924 года — роль, которая принадлежит крестьянству. В его работе «Лицом к деревне» и в написанном в 1926 году «Ленинизме» ощущается явная склонность к дидактике, которая приводит его к схематичности характеристик и перечислению революционных факторов, а затем к выделению периодов и стадий и цитированию Ленина. Его ленинизм — это в основном иллюстрация тезисов II конгресса, пересмотренных с учетом опыта Бакинского съезда народов Востока (одного из предметов его гордости). Вначале он делает упор на аграрном вопросе, затем на мировой революции в соответствии с собственной политической позицией: от союза со Сталиным он переходит к союзу с Троцким. Все же он обвиняет последнего в том, что тот не понимает должным образом проблемы угнетенных наций. Отсюда — непонимание борьбы между буржуазией и пролетариатом за завоевание крестьянских масс и освобождение угнетенных наций. Для Зиновьева также «вопрос об угнетенных нациях — это в значительной степени крестьянский вопрос»; но, подчиняя русские интересы целям мировой революции и отказываясь уступить «национальной ограниченности», он в конце концов столкнется со Сталиным, который придерживается противоположных позиций.

В дискуссии о построении социализма в одной стране Сталин выступает меньше, чем этого можно было ожидать; для него это строительство смешивается с усилением мощи советского государства, даже если, говоря об этом, он стремится придерживаться строго марксистско-ленинской терминологии. На XIV съезде его выступление выглядит менее значительным, потому что он уже изложил свои тезисы на прочитанных в апреле 1924 года в Свердловском коммуниверситете лекциях, которые были опубликованы под заголовком «Об основах ленинизма». Сталин также отталкивается от работы Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», беря у него рассуждения о финансовом капитале, монополиях и экспорте капитала. Оригинальным моментом работы является то, что Сталин выявляет противоречия, возникшие в ре-

зультате нового передела мира, указывая слабые места, которые может выгодно использовать советская политика. Поэтому его версия остается тесно связанной с кризисом империализма, который вызван восстанием колониальных и зависимых стран, а также внутренними трудностями великих держав⁸¹. Чтобы доказать возможность построения социализма, Сталин превозносит силу русского пролетариата и его способность повести за собой крестьянство. Он также объединяет крестьянский и национальный вопросы в одно целое, повторяя, что «национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата»⁸². Это положение о пролетарском пути выводится из роли партии в контексте Октябрьской революции: недаром «та замечательная организация сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик... является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве».

Еще больше он превозносит СССР в написанной в декабре 1924 года работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Теперь уже явно нет никакой необходимости говорить о построении социализма в одной стране, поскольку русская революция отождествляется с пролетарской революцией. Ее постоянной целью является укрепление Советского Союза, и эта задача подается как имеющая универсальное значение, поскольку она тесно связана с такими принципами революционного марксизма, как: власть принадлежит пролетариату, новое государство принадлежит пролетариату, руководство осуществляет пролетариат, партия — пролетарская. Естественно, возможны и другие революции, но непременно по образу и подобию советской.

«Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариата этих стран со стороны пролетариата империалистических государств... Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма».

Это наводит на мысль о том, что такая постановка с ног на голову теории империализма Сталиным (империализм оце-

---

⁸¹ И. Сталин. Соч., т. 6, с. 17, 106 и далее.

⁸² Там же, с. 141; следующие цитаты см. там же, с. 148, 398—399.

нивается относительно СССР) зависит от ставшей почти навязчивой озабоченности окружением. Несомненно, речь идет о реальности, но описанная правда, состоящая в том, что на самом деле существовала враждебность к СССР и «санитарный кордон» государств, оборачивается доказательством тотальности империализма, настолько всеобщего, что он охватывает и зависимые страны, и все мерзости системы. Поэтому Сталин выдвигает задачу «окончательной» победы социализма в России и заявляет, что «мы можем и должны построить полное социалистическое общество» и что на самом деле имеется «все необходимое и достаточное для этого построения». Отсюда необходимость укреплять государство, или диктатуру пролетариата, под твердым руководством партии. Концепция империализма поставлена в зависимость от Советского государства, как это было в случае с национальным вопросом.

Китайский вопрос часто приводится в качестве свидетельства против такого эмпиризма, который претендует на то, чтобы быть подлинным выражением марксизма-ленинизма, но диалектика которого на самом деле состоит в смещении разделительной линии между союзниками и противниками в плоскость до предела упрощенной классовой борьбы и в варьировании применения концепций «национально-революционного». Фактически китайский вопрос находится в центре борьбы против Сталина, и закономерен ее эпилог, выразившийся в устранении «левой оппозиции», в которой объединились Троцкий и Зиновьев. Оппозиция выдвинула наступательную платформу, так как катастрофа грозила уничтожением коммунистов и разрушением если не партии, то профсоюзов. Некоторые связывают это столкновение с историей Коммунистического Интернационала, изображая это столкновение как бы водоразделом между двумя великими революциями XX века с момента, когда советская революция, все больше запутываясь, отходит от революционного движения, которому принадлежит будущее⁸³. Может быть, эта трактовка и форсирует события, придавая им масштабы, которых они еще не имеют. Коммунистический Интернационал, равно как и Советское правительство, исполняет свои прямые и сознательно взятые на себя обязанности неровно, следуя зачастую такой генеральной линии, которая доводит компромисс до крайности. Следует иметь в виду, что речь идет об отношениях на расстоянии; эмиссары принимают меры на местах в соответствии с полученными инструкциями, но вряд ли с

---

⁸³ О борьбе оппозиции против Сталина см.: "La question chinoise dans l'Internationale communiste (1926—1927)", Paris, 1965; см. также: *H. Isaacs*. The Tragedy of the Chinese revolution. London, 1938; *L. Bianco*. Les origines de la révolution chinoise. Paris, 1967; *R. Schlesinger*. Il Comintern e la questione coloniale. — In: "Annali" dell'Istituto Feltrinelli, 1968.

учетом глобальной обстановки. Словом, несчастья, которые обрушиваются на китайский коммунизм — вовсе не дело рук недоброго божества. Как раз за эмоциями, которые вызывает китайский вопрос, и теряется из виду то неравенство возможностей для маневра, отличающее эту связь-оппозицию между национальным движением, которое в течение примерно 15 лет набирало силу, и только что созданной коммунистической партией, еще очень слабой и немногочисленной. В то время как гоминьдан располагал значительными вооруженными силами, кстати, благодаря и советской помощи, китайская коммунистическая партия еще не преодолела интеллектуальную изоляцию.

Рассматриваемые здесь проблемы затрагивают и национальный вопрос, то есть отношение к национальному фронту, по поводу которого не было единодушия, хотя практика коммунистических партий предполагает союз с национальным движением, согласно указаниям II конгресса Интернационала, который, с другой стороны, не выработал четкой линии относительно сохранения автономии коммунистами. Ленин выступал за создание народно-революционной партии в Монголии, а Интернационал использовал эту идею для Индонезии⁸⁴. Кемализм и гоминьдан расцениваются как типичные национально-революционные движения, поэтому, считаются возможными аналогичные движения и в других странах. Эта концепция партии, которая сливается с концепцией перехода к социализму, характерна для революционного национализма; ее стремятся подогнать к особому классовому составу угнетенных обществ, который складывается в условиях стремительности социальных и культурных преобразований, происходящих под действием обнищания и деклассирования.

На заре своего существования, в июле 1921 года, а еще больше в момент установления первых прочных контактов с Интернационалом и русской революцией на съезде трудящихся Дальнего Востока, который проходит в Иркутске, Москве и Петрограде в январе 1922 года, продолжая работу, начатую Бакинским съездом народов Востока, китайская коммунистическая партия намечает свою политическую линию в соответствии с директивами III конгресса, где указывается на необходимость наличия самой коммунистической партии и проявления особой осторожности в выборе союзников в национальной борьбе. Однако год спустя эта позиция была пересмотрена, и в единый антиимпериалистический фронт вошел гоминьдан, так что компартия должна была влиться в это национальное движение. В июне 1923 года на III съезде китайской компартии не без борьбы было одобрено положе-

⁸⁴ См. статьи о Монголии О. Латтимора и об Индонезии Ж. Леклерка в: "L'expérience soviétique et le problème national", v. II, p. 277—294, 221—232.

ние об индивидуальном приеме в партию и об объединении: «Гоминьдан должен быть ведущей силой революции, должен руководить ею... Все революционные элементы общества объединятся в составе гоминьдана, с тем чтобы ускорить реализацию национальной революции»⁸⁵.

Речь идет прежде всего о том, чтобы преобразовать гоминьдан по модели коммунистической партии в национально-революционную партию, тем более что его, как и КПК, породило национальное движение молодой интеллигенции, которая в начале века во многих странах — от Средиземноморья до Востока — создавала силы и течения (например, младотурок или младоперсов), привлеченные модернизацией и научной мыслью, которые пришли с Запада. Но в то же время эти силы стремились возродить прошлое, которое рассматривали как воплощение национального (и государственного) величия и высочайшего расцвета культуры. Именно такого основного курса придерживаются основатели КПК Ли Дачжао и Чэнь Дусю, который в мае 1920 года превозносит в одной из статей «хунаньский дух» как залог того, что «китайское государство не погибнет»⁸⁶, а Ли призывает китайскую молодежь «заклучить великий союз с молодежью всей Азии». Это сознание мощи Азии, которое одновременно является выражением негодования по поводу пережитых унижений, проявился в 1923 году в виде расовой концепции, когда Ли Дачжао, став марксистом, согласится с определением нации «как исторической и культурной общности» и противопоставит «азиатскую» расу «миру белых» в рамках классовой борьбы во всемирном масштабе. В годы союза с гоминьданом революционный национализм Сунь Ятсена выражается в виде «трех народных принципов: благосостояние народа — это цель, национализм — средство... демократия — всего лишь метод»; самое главное — подготовить «нашу нацию к участию в классовой войне против других наций мира».

Во время оккупации Рура в 1923 году Гао Юнью сравнивал Китай с побежденными народами и пророчил ему революцию: «Мы, малые и слабые народы мира, являемся противниками империализма... Нашей самой главной задачей является объединение всех слабых и малых народов с Советской Россией для отпора империализму».

В самом деле, Октябрьскую революцию связали с младонационалистскими движениями, Атаюрка объединили с Лениным как выразителей братства между народами, угнетенными «вот уже более века», как об этом писал друг Мао Цзэдуна Кай Хэшэнь, отмечая победу турецких националистов: «Среди великих и древних народов, которые подверг-

⁸⁵ J. Guillermaz. Histoire du parti communiste chinois. Paris, 1975, v. I, p. 81.

⁸⁶ "Le marxisme et l'Asie", p. 291, 287, 304—310, 302—304.

лись гнету империализма, нет других народов, которые пострадали бы больше, чем Турция и Китай».

Словом, империализм — это общий враг; восхищение русской революцией толкает многих молодых националистов к эгалитарному народничеству, которое, становясь коммунистическим, берет на вооружение пролетарские лозунги, распространяя их на борьбу угнетенных масс.

Эта транспозиция идеалов и политических целей осуществляется целым поколением учителей средних и начальных школ, которые в старом обществе служат связующим звеном с современными науками и западными идеями; среди последних — марксизм, привлекающий их своей смелостью и многообещающим предвидением лучшего будущего. Таким образом, формируется интеллектуальный коммунизм той интеллигенции, которая отождествляет себя с пролетариатом. Китайские студенты, в частности, одними из первых (русская интеллигенция тоже пережила нечто подобное) превращают интеллигенцию в часть пролетариата через посредство революционной партии; именно поэтому ленинская, и особенно сталинская, партия, сформированная как партия пролетариата, будет иметь такое большое влияние в «третьем мире». Для интеллигенции это один из способов политического выдвижения, а иногда и политический аспект социального выдвижения; в то же время для угнетенных народов это одна из форм реализации революционным путем надежды на мщение. Все тот же Кай Хэшэнь пишет своему другу Мао из Франции: «Давно уже мы, пролетарии, отказываемся переносить страдания... отказываемся сдерживать свой гнев... строим планы проведения нашей пролетарской революции... Наша социалистическая пролетарская партия должна организовать безработных нашего класса, низший слой бедняков»⁸⁷.

Это национальное народничество, принявшее пролетарские формы, указывает также на родословную связь с крестьянством или плебсом; они вроде идущих в народ, особенно в деревню, подвижников, которые останутся чуждыми рабочему синдикализму городов. В январе 1925 года IV конференция КПК впервые поднимает «крестьянский вопрос», с тем чтобы создать «систему» крестьянских организаций и вовлечь их в «экономическую и политическую борьбу»⁸⁸.

В марте 1926 года, именно тогда, когда Исполком Коминтерна принимает в свои ряды гоминьдан как «сочувствующую партию», а Чан Кайши — как «почетного члена» своего Президиума, последний выступает против коммунистов военной академии Вампу. Несмотря на попытки спасти союз, разрыв

⁸⁷ Ibid., p. 293—344.

⁸⁸ Guillermez. Histoire du parti communiste chinois, v. I, p. 97—98.

завершается жестоким подавлением профсоюзного движения Шанхая (весной 1927 года) и Кантонской коммуны (в декабре 1927 года). Северный поход, организованный за год до этого общими усилиями, вызвал «землетрясение», «ураган», по словам Мао Цзэдуна. Это повлекло за собой крестьянские выступления, не чуждые революционным целям. Мао подведет итоги этой акции в своей работе «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань». Крестьянское восстание было одной из причин резкого изменения позиции гоминьдана. Одним из первых последствий этого был переход на подпольное положение КПК, вынужденной действовать в деревне сначала потому, что ей нужно было укрытие, а потом потому, что ей нужна была массовая база. По формуле Мао Цзэдуна, война должна стать «высшей формой классовой борьбы», в которой социальная база — крестьянство, а идеологическое обоснование в значительной степени определяется причинами национального характера.

В Интернационале борьба сосредоточивается вокруг проблемы классов. За основу берется «блок четырех классов», который мартовский пленум 1926 года определил как «революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской буржуазии». В связи с единым антиимпериалистическим фронтом о нем говорит Бухарин, его неоднократно превозносит Сталин. Стратегию фронтов энергично защищают от нападок троцкистов, и еще в мае 1927 года Сталин, цитируя Ленина, дает пояснение, что блок четырех классов — это типичный блок, который должна поддерживать «народно-революционная партия». В резолюции VIII пленума говорится, что «блок буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата развился и начал превращаться в блок пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии при все возрастающей руководящей роли пролетариата»⁸⁹. Следует учесть, что из этих классовых изысканий исчез национальный вопрос, и буржуазия оказалась лишенной каких бы то ни было признаков национального характера.

Китайский вопрос довел схематизм до крайности. Даже Троцкий в своем осмыслении зависимых обществ не идет дальше и в свою очередь использует по отношению к ним классовые схемы времен восходящего капитализма. В своем небрежно написанном возражении по поводу тезисов VI конгресса Коммунистического Интернационала 1928 года (работа написана в алма-атинской ссылке)⁹⁰ он говорит «о буржуазном и пролетарском полюсах китайской нации», один из которых связан с иностранным империализмом, а другой —

⁸⁹ "Inprekorr", ed. ted., 7 giugno 1927, p. 1247 sgg.; «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932» М., 1933, с. 719.

⁹⁰ См.: *L. Trotskij. I. Problemi della rivoluzione cinese e altri scritti su questioni internazionali (1924—1940)*. Torino, 1970, p. 213 sgg.

жертва советской стратегии, и считает, что крестьянство не сможет играть революционную роль, поскольку, как показывают «история и условия, в которых оно живет, — это наименее интернационалистский из всех классов». Единственная возможность подтолкнуть его на путь революции — это политика, твердо проводимая пролетариатом. С другой стороны, следует признать, что такая неясность в национальном вопросе и непонимание социальных и культурных движений зависимых стран отмечаются и в Коммунистическом Интернационале, который после 1928 года, и особенно в 1930—1931 годах, призывает к установлению «рабоче-крестьянского правительства» в Берлине, как где-нибудь на Яве или в Иерусалиме.

Во всяком случае, антиимпериалистическая борьба продолжается, в том числе благодаря связи между национальным и колониальным вопросами, на которой настаивает Бухарин. Весной 1926 года была создана Лига борьбы против империализма и колониального угнетения, которая, как может показаться, дублирует Интернационал в том, что касается национально-революционных движений; на самом деле ее задачей является создание антиколониальной массовой организации. Первый конгресс Лиги, подготовленный в Берлине, проходит в Брюсселе с 10 по 18 февраля 1927 года, до того как китайский кризис предстанет во всей своей трагичности⁹¹.

Открытый всем ассоциациям и группам «без различия расы и национальности» конгресс принимает представителей 35 стран, среди которых — и это совершенно новый факт — представители Латинской Америки. Было внесено предложение учредить постоянную организацию со штаб-квартирой в Париже, способную объединить «силы национального освобождения» с рабочим движением и ставящую своей целью освобождение колониальных и угнетенных народов. Обличение империалистических войн напоминает о послевоенном пацифизме и антимилитаризме, и не случайно в этом движении участвуют Лига прав человека и другие ассоциации, выступающие за расовое равенство и за мир. Деятельность Лиги борьбы против империализма и национального угнетения носила преимущественно пропагандистский характер и велась главным образом среди студентов, эмигрировавших в Европу. Однако крах коммунистической стратегии в Китае, ликвидация «левой» оппозиции, нападки Сталина на Бухарина и тот факт, что Коммунистический Интернационал в вопросе об антиимпериализме не идет дальше подчинения его узким целям защиты СССР, приводит к тому, что Лига полностью приходит в упадок. На II съезде, состоявшемся в июле 1929 года во Франкфурте, становится очевидным разрыв меж-

⁹¹ "L'expérience soviétique et le problème national", т. I, p. 585—622.

ду революционным национализмом и коммунизмом пролетарского толка⁹². Следует отметить, что Лига занимает свои позиции на том водоразделе, на котором марксизм переходит в «марксистствующий» национализм «третьего мира», о чем свидетельствует алжирский «мескализм», если учесть, что Мескали на конгрессе в Брюсселе был глашатаем «североафриканской звезды». Хотя националистическая интеллигенция порывает с коммунизмом, она заимствует у него не только модель единственной партии, называемой авангардом, а также модель подчинения ей массовых организаций, но и пример и опыт мобилизации масс, особенно революционную терминологию, основанную на концепции угнетенного народа⁹³.

VI конгресс Коммунистического Интернационала в августе — сентябре 1928 года и VI съезд КПК, также созванный в Москве в июне — июле того же года, проходят под знаком поражения китайских коммунистов; однако они сохраняют еще ряд особенностей, которые спасают их от схематизма и повстанческой активности, типичной для «третьей фазы». В докладе об общей обстановке Бухарин пытается снять всякую ответственность с Интернационала и взвалить всю вину на КПК, которая якобы «препятствовала движению масс» и слишком долго пребывала в «согласии с национальной буржуазней»⁹⁴. Однако, как и VI съезд КПК, Бухарин пытается защитить крестьянство в национально-революционном движении. Крестьянские объединения могли стать организациями борьбы, и коммунистам предстояло «овладеть традиционными тайными обществами» крестьян и сделать их ядром будущих Советов: та же партизанская война могла послужить подготовке советской революции.

Мао Цзэдун тем не менее упрекает VI конгресс за непонимание роли сельских слоев и длительного характера демократической революции⁹⁵. Речь идет о требовании крестьянской автономии в пролетарской революции, раскрывающей концепцию демократии, которая будет разработана в виде идеи «новой демократии» в 1940 году. В ней отразится нежелание ограничиваться только фронтом рабочего, крестьянского и мелкобуржуазного классов и стремление заменить его политическим национальным народным фронтом, способным возродить основные идеи революционного национализма.

VI конгресс уже создает, что время наступательных национальных движений прошло, и выражает недоверие «нацио-

---

⁹² "Kommunistische Internationale", № 38, 25 September 1929, S. 1310—1318.

⁹³ "Mouvement ouvrier, communisme et nationalisme dans le monde arabe". Paris, 1978, p. 21—29.

⁹⁴ См. доклад Бухарина в: "La correspondance internationale", № 72, août 1928.

⁹⁵ Guillerma. Histoire du parti communiste chinois, p. 175 ff.

налистическим буржуазным» движениям. В заключительном выступлении Куусинена, который теперь заменил Бухарина, и в тезисах «Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах» осуждается буржуазный национализм, квалифицируемый теперь как форма реформизма, подобного в предательстве и пособничестве империализму, реформизму социал-демократии, колониалистские позиции которой громит Эрколи (Тольятти)⁹⁶. Включение в повестку дня вопроса о национал-реформизме ведет к тому, что в центре дискуссии вновь должен оказаться вопрос об Индии. При этом любопытно возвращение к той аргументации, которая напоминает тезисы Роя. Действительно, концепция, ориентированная на пролетариат, берет верх, хотя индийский делегат Наваиян не соглашается с параграфом программы Интернационала о том, что «движения пролетариата в колониях должны развиваться под руководством движения революционного пролетариата метрополии», и отвергает опеку Коммунистической партии Великобритании⁹⁷. Конгресс отводит возражения обвиненного в троцкизме Тан Малака, который, чтобы защитить сотрудничество с мелкой буржуазией, ссылается на Ленина. Более благосклонно был заслушан Султан-заде, который подчеркнул роль финансового капитала и вывоза капиталов в использовании нефтяных богатств Персии, призвав также к дифференцированному подходу к колониальным обществам, от которого сейчас отошли.

И конгресс Интернационала, и съезд КПК указывают на необходимость создания пролетарской партии, которая должна быть пролетарской как по своему составу, так и по проводимому курсу; она должна внедриться в профсоюзы и массовые организации, пропагандировать пример Советов и готовиться к вооруженному восстанию. Однако мы находим здесь и некоторые неувязки: с одной стороны, говорится, что «проблема аграрной революции является стержневым вопросом буржуазно-демократической революции», а это связано с определенным этапом капиталистического развития; в то же время в своем докладе Куусинен оставляет возможность для некапиталистического пути. Национальное движение связано (особенно у Бухарина) с массовыми «рабоче-крестьянскими» движениями, как сказано в тезисах, но вместе с тем оперируют формулой (которая перечеркивает классовый анализ) «трудящиеся массы»: суть стратегии — «в единстве промышленного пролетариата с трудящимися массами колоний».

VI конгресс известен главным образом тем, что он установил иерархию трех сил в коммунистическом движении, ко-

---

⁹⁶ "Correspondance Internationale", № 122, 15 octobre 1928; № 15, 4 octobre 1928; № 117, 8 octobre 1928; № 128, 20 octobre 1928.

⁹⁷ "Le marxisme et l'Asie", p. 327—328.

которые выделяет советская доктрина, не утратившая своей значимости и по сей день: во главе стоит пролетариат СССР, затем рабочее движение капиталистических стран, руководимое Интернационалом, и, наконец, «трудящиеся массы колоний, борющиеся против империалистического рабства» и составляющие вспомогательную, хотя и мощную армию мировой революции. В центре антиимпериалистической борьбы находится СССР, а основной задачей всех является «борьба против опасности империалистической войны, угрожающей родине социализма».

7. Кризис империализма или кризис капитализма

Уже в 1921 году Интернационал начинает задаваться вопросом об эволюции капитализма. В ту пору для объяснения его живучести говорят об общем и окончательном кризисе капитализма. В своих тезисах о международном положении III конгресс подробно рассматривает кризис, который обрушился на капиталистический мир, и «циклические... неизбежные... подъемы и спады... даже в пору агонии, подобные тем, которые сопровождали его в юности и зрелости»⁹⁸. Словом, начинается «инвентаризация» конъюнктуры, с которой с той поры начинаются все доклады коммунистов, хотя Бухарин еще позволяет себе очень обобщенно показать соотношение мировых сил после заключения Версальского договора и отношения между мировой революцией и коммунистическими партиями, которые должны создать собственные руководящие группы и искать собственные революционные пути⁹⁹. Таким образом, вырисовывается стратегия, которая влечет за собой необходимость длительной интеллектуальной и практической подготовки, для того чтобы атаковать систему цитаделей капитализма. Эта идея революции в капиталистических странах Европы путем постепенного развертывания борьбы и сил и завоевания гегемонии имеет много общего с разработкой Отто Бауэра и с теми соображениями, которые позднее выскажет Грамши; именно эти направления развития Бухарину хотелось включить в программу Интернационала¹⁰⁰.

Тем не менее внимание IV конгресса в декабре 1922 года по-прежнему сосредоточено на кризисе капитализма: «То, что происходит сейчас с капитализмом, есть не что иное, как его гибель. Крушение капитализма неизбежно»¹⁰¹. Евгению Варге,

⁹⁸ Agosti. *La Terza Internazionale*, v. I, p. 401.

⁹⁹ "Inprekorr", № 108, 27 giugno 1923, p. 933—934.

¹⁰⁰ E. Ragionieri. Il programma dell'Internazionale Comunista. — In: "La Terza Internazionale e il partito comunista italiano" Torino, 1978, p. 119 sgg.

¹⁰¹ Agosti. *La Terza Internazionale*; v. I, p. 644.

чья компетентность в области экономики была известна еще по его довоенным работам, посвященным монополиям и картелям Венгрии, после подавления Венгерской Советской республики было поручено организовать в Берлине институт статистической документации по экономике крупных капиталистических государств. В «Корреспонданс интернасьональ» с этого момента ежеквартально будут появляться его обзоры, в которых он анализирует конъюнктуру подъемов и спадов капитализма в свете общего его кризиса. В докладе на V конгрессе (июнь—июль 1924 года) будет сделана попытка увязать подходящие данные по некоторым позициям, например в области инфляции и кредитоспособности, с тезисом о неминуемом крахе и, следовательно, обострении классовой борьбы¹⁰².

Этой одержимости конъюнктурой противостоит (правда, в более ограниченных масштабах) стремление углубить теорию империализма, с тем чтобы в ней были учтены новые формы организованного капитализма и совершенствования экономики. Бухарину, отказывающемуся пересматривать программу «каждые пятнадцать дней», приспособливая ее к конъюнктуре, на какое-то время удается заставить принять собственную оценку — в 1925 году Исполком Интернационала признает «относительную стабилизацию капитализма». На IV конгрессе Август Тальгеймер сослался (и не без дерзости, ибо «люксембургизм» было осуждено) на мнение Розы Люксембург об империализме. Если уже Ленин задавался вопросом о «безграничности возможностей накопления» при капитализме, то теперь вопрос стоял не столько о кризисе капитализма, сколько об изучении новых форм империализма. В немецком коммунизме мы обнаруживаем возврат к идеям Розы Люксембург, в частности в работе Фрица Штернберга (1926), в работах Виттфогеля и в книге Генриха Гроссмана о законе накопления и крахе капиталистической системы (1929). Первоначально в мировоззрении Франкфуртской школы отмечается смешение идей, унаследованных от Розы Люксембург и австромарксизма. Не случайно Виттфогель, в ту пору член Германской коммунистической партии, работавшей в Институте социальных исследований под руководством Карла Грюнберга, первого директора института, прекращает исследования буржуазного общества и посвящает себя проблемам, которые станут основой его первой, опубликованной в 1931 году институтом книги об экономике и обществе Китая.

Как известно, спор Розы Люксембург с Отто Бауэром состоял в том, что в своей «Антикритике» она лишь отвергла

---

¹⁰² Сообщение Варги IV конгрессу, посвященное «закату капитализма», а также исследование, подготовленное к V конгрессу, были опубликованы соответственно в Гамбурге в 1922 и в Москве в 1924 годах.

возражения, высказанные против «Накопления капитала»; в частности, она выступила против математического и обобщающего метода венского марксиста. Вот откуда берут начало две важные работы, развивающие теорию империализма — работы Штернберга и Гроссмана. Роза Люксембург указала промежуточный этап между кризисами капитализма и империализма, распространив процесс абсолютного обнищания на весь мир через докапиталистические общества и поставив для окончательного кризиса «предел», по ту сторону которого не остается более никаких средств для внешнего и торгового стимулирования капиталистического воспроизводства. В работе Штернберга разрабатывается дальше концепция всемирного обнищания с использованием, однако, указаний Бауэра, для которого рост населения становится фактором капиталистического развития. Расширенное воспроизводство становится возможным благодаря тому отрезку времени, который заключен между моментом производства (во время которого как раз определяются издержки производства) и моментом потребления (который наступает, когда покупательная способность выросла и население увеличилось): именно возрастание этих двух параметров и содействует воспроизводству, а дополнительный рынок остается внутри капитализма, или, точнее, империализма, поскольку следует учитывать и общий рост населения Земли¹⁰³.

Таким образом, Штернберг вновь обращается к проблематике перенаселения, от которой ортодоксальный марксизм отошел в эпоху II Интернационала, и ставит вопрос об освождении рабочей силы для стран, в которые проникает капитализм. Капиталистические страны достигают «предела внутреннего перенаселения» тем быстрее, чем быстрее механизация ускоряет рост безработицы, тогда как обнищавшие страны с докапиталистическим укладом хозяйства не в состоянии выдержать бремени перенаселения. К антагонизму между трудом и капиталом прибавляется новый, созданный империализмом антагонизм между капиталистическим центром и государствами — резервами рабочей силы, которые создают новый всемирный пролетариат¹⁰⁴. Работа Штернберга — одна из первых марксистских работ, указывающая на тенденцию к столкновению в процессе деколонизации, на напряженность отношений Север — Юг и на разрыв между слаборазвитыми странами и странами развитого капитализма.

Книга Гроссмана, которая создается еще накануне Великой депрессии, освещает период между окончательным кризисом капитализма и результатами, достигнутыми империализ-

---

¹⁰³ F. Sternberg. Der Imperialismus. Berlin, 1926, S. 81—83.

¹⁰⁴ H. Grossmann. Das Akkumulations — und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems. Leipzig, 1929, S. 195 ff.

мом, которые впервые изложены систематизированно и с акцентом на перенакопление и на обесценение капитала. Словом, Гроссман открывается нам как непризнанный и далекий «отец» тезисов о государственно-монополистическом капитализме, которые стали общепризнанными после второй мировой войны. Тем не менее для него гораздо большее значение, чем роль государства, имеет защита революционной концепции классовой борьбы в условиях капиталистического развития Запада. По этому вопросу он полемизирует с большинством социал-демократии, которая в качестве программы принимает тезисы о росте капитализма и прогрессирующем обобществлении, выведенные Гильфердингом из собственной концепции организованного капитализма¹⁰⁵.

Исходя из пересмотренных и дополненных Отто Бауэром схем воспроизводства, Гроссман, приводя обширные цифровые данные, рассматривает результаты роста органического состава капитала. Бауэр делал свои расчеты на временном отрезке в четыре года, Гроссман же доходит до 35 лет, находясь под влиянием работы Кондратьева о «длительных циклах», то есть выходя за временные рамки десятилетних кризисных циклов, периодического исчерпания сбережений, а также оборота и обновления основного капитала¹⁰⁶. Доля постоянного капитала продолжает возрастать по сравнению с другими его частями, производительная способность в результате превышает не столько возможности потребления, сколько возможности рентабельности капитала, соответственно логике капитализма. Амортизация капитала и процент с основного капитала обеспечиваются все меньше и меньше независимо от того, какие противоборствующие тенденции направлены на ограничение производства в период кризиса, и независимо от результатов, полученных за счет ускорения транспортировки, оборота запасов, сокращения второстепенных расходов, расширения обмена, всемирной власти рынка — то есть всех тех средств, которыми располагают монополии. Для этой стадии империализма характерно противоречие между перенакоплением и обесценением капитала. «Катастрофа наступает в том случае, если не удастся получить достаточной прибавочной стоимости, чтобы продолжать накопление, сохраняя его на том же уровне»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ R. Hilferding. Die Aufgabe der Sozialdemokratie in der Republik. Berlin, 1927, p. 168. Гильфердинг здесь отмечает: «Что касается нового, то им является вмешательство государства в сферу, которая затрагивает судьбы пролетариата: упорядочение рынка рабочей силы, страхование против безработицы, коллективные трудовые соглашения, арбитражные суды, установление продолжительности рабочего дня».

¹⁰⁶ Фундаментальная статья Кондратьева о «длительных конъюнктурных циклах» опубликована по-русски в 1925 году в «Вопросах конъюнктуры» и переведена на немецкий язык в: "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", v. 56, 1926, p. 573—609.

¹⁰⁷ Grossmann. Das Akkumulations—und Zusammenbruchsgesetz, S. 131.

Анализ Гроссмана имеет в виду не только Веймарскую республику (хотя он ясно сознает опасность «перегрева» конъюнктуры и безработицы), но и вообще экономику капиталистических стран, ставшую жертвой собственной дряхлости и колониальной системы. Так, например, английский капитализм, развившийся на основе накопления капитала в масштабах империи, рискует пострадать от морального износа средств производства. Колонизация в эпоху империализма, концентрации монополий и ускоренного оборота техники и оборудования может иметь катастрофические последствия в виде сокращения заработной платы, обострения классовой борьбы, роста противоречий в сфере экспорта капитала.

Эти исследования империализма, проводившиеся и в Германии, и в других странах, пересекаются во времени с развертывающейся в СССР борьбой за власть, которая резко обострилась в связи с новой кампанией индустриализации и принудительной коллективизации в деревне.

На XV съезде в декабре 1927 года Сталин, чтобы оправдать ускорение темпов индустриализации, выдвигает тезис об окончании периода относительной стабилизации и новой революционной волне. Этот тезис, подхваченный Исполкомом Интернационала в феврале 1928 года, подробно проиллюстрирован Варгой в преддверии VI конгресса Интернационала в его исследовании по экономике периода заката капитализма после стабилизации. Естественно, Варга как крупный эксперт по экономической статистике и показателям не упускает случая отметить резкие колебания в показателях роста, но всякий раз сводит их к воспроизводству «на более высоком уровне» противоречий капитализма. Так, в пятой главе исследуется «прогресс техники и его последствия», однако эти усовершенствования ведут к росту производства, увеличивают опасность перепроизводства и конкуренцию при завоевании рынков. В то же время автор допускает, что рационализация снижает издержки производства, а рост производительности лишь воспроизводит «противоречие между производством и возможностью сбыта для капиталистического мира в целом»¹⁰⁸. Уже в заключительных документах V конгресса развернуто наступление на рационализацию, с тем чтобы подвергнуть критике Гильфердинга и косвенно задеть Бухарина, так как оба они говорили о возможности организации капитализма главным образом при посредстве вмешательства государства. Варга, напротив, интерпретирует это явление как форму конкуренции, присущую капиталистической анархии: «Индивидуально применяемая капиталистами рационализация (то есть сокращение рабочего времени, а

¹⁰⁸ Отсылаю читателя к французскому изданию работы *Varga. L'économie de la période de déclin du capitalisme après la stabilisation*, Paris, 1928, p. 27.

следовательно, сокращение доли участия рабочего класса в создании продукта) должна неизбежно привести, с одной стороны, к возникновению постоянной промышленной резервной армии, а с другой, к увеличению трудностей сбыта и, следовательно, более частому повторению, большей длительности и обширности кризисов, потрясающих капитализм»¹⁰⁹.

В ту пору исчезают понятия «финансовый капитал» и «государственный капитализм». Хотя и делаются ссылки на банковскую концентрацию, но внимание сосредоточивается на промышленных трестах, и тогда единственным убедительным аргументом становится монополистическая концентрация. Если говорится о роли государства, то имеется в виду тоже вмешательство монополий в чистом виде, поскольку государство считается орудием не буржуазии, а наиболее сильных трестов: «Современное государство не является более государством всей буржуазии, это государство небольшой клики монополистических капиталистов». Таким образом, государство и сама теория империализма поставлены в зависимость от промышленных монополий¹¹⁰.

Естественно, что в ходе подготовки VI конгресса предпринимались отдельные попытки воспротивиться такому упрощению. Так, Клара Цеткин, обращаясь к конгрессу с чем-то вроде своего политического завещания, резко критикует узость оценок в связи с общим кризисом капитализма и обращается к революционным силам мира, угнетенным массам Запада и Востока, женщинам, испытывающим двойной гнет, и к молодежи¹¹¹. Ее критика программы может показаться довольно близкой к некоторым оценкам Франкфуртской школы, когда она говорит, что в программе не затронуты «явления разложения надстройки буржуазного общества: науки, административно-судебного аппарата, здравоохранения, просвещения, парламента и других органов буржуазного государства», а также когда она говорит о фашизме, «мистицизме, пессимизме и цинизме, которые определяют интеллектуальный облик» буржуазного государства.

Тем не менее программа, принятая конгрессом, и сам доклад Бухарина выглядят как некий компромисс, как некая форма нового догматизма, претендующего быть ленинским и отражающего теоретические метания, в которых видна попытка уловить происходящие в мире перемены. Два первых ее пункта отражают как бы поиски равновесия:

1) мировая система капитализма, ее развитие и неизбежный крах;

---

¹⁰⁹ "Correspondance Internationale", № 59, 25 juin 1928, p. 693.

¹¹⁰ E. Varga. L'économie, p. 75, 95.

¹¹¹ Статья Клары Цеткин опубликована в: "Correspondance Internationale", № 64—65, 11 et 14 juillet 1928.

2) общий кризис капитализма и первая фаза мировой революции¹¹².

В своем докладе Бухарин упоминал о финансовом капитале и государственном капитализме, когда критиковал факт излишней переоценки «паразитической тенденции в период упадка капитализма». Согласно его точке зрения на мировую революцию, пролетариат ведет за собой крестьянские массы и колониальные народы, диктатура пролетариата упрочивает союз промышленных стран и угнетенных народов, «городов и деревень мира»¹¹³. Но Бухарин, как, впрочем, и программа Интернационала, вновь возвращается к критике «суньятсенизма», квалифицируемого как «мелкобуржуазная, народническая идеология социализма». В учении о «трех принципах» (национализме, демократии и социализме) понятием «„народ“» прикрывалось и маскировалось понятие „классы“»¹¹⁴.

Представитель коммунистической партии Эквадора, как бы привлекая внимание к вступлению Южной Америки в Интернационал, повторит мысль о «городах и деревнях мира», когда будет говорить о зависимости от Соединенных Штатов, а также когда вспомнит о сельском пролетариате и индейских общинах. Через год 50-летний юбилей Сталина явится подходящим поводом для того, чтобы приписать ему авторство программы, подаваемой как «марксистско-ленинский» документ, способный помешать «контрабандному» проникновению ошибочных концепций, и, например, бухаринская теория «организованного капитализма» окажется прямо противоречащей подходу программы к вопросу о монополиях и конкуренции¹¹⁵. Времена теоретических исследований империализма миновали.

Параллельно с этими дискуссиями приближается момент окончательного осуждения Султан-Галиева. Хотя и непросто составить себе ясное представление об этом событии, которое осложнено политическим процессом по обвинению в заговоре, несомненно то, что в разоблачении «буржуазного национализма» присутствует стремление сталинизма держать на расстоянии национальные движения угнетенных стран. С другой стороны, Сталин вновь подтверждает свою теорию национального вопроса. В работе «Национальный вопрос и ленинизм», которая появляется с подзаголовком «Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим» (март 1929 года), Сталин дает определение нации, утверждая, что существует «два типа наций» — буржуазные, явившиеся порождением капитализма, переживавшего подъем, и «советские нации». Далее он уточняет: «Рабочий класс и его интернационалисти-

¹¹² Agosti. La Terza Internazionale, v. II, p. 989 sgg.

¹¹³ "Correspondance Internationale", № 92, 25 août 1928, p. 979—988.

¹¹⁴ Agosti. Op. cit., v. II, p. 1040.

¹¹⁵ E. Ragionieri. La Terza Internazionale. Torino, 1978, p. 209 sgg.

ческая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими»¹¹⁶. Советская национальная политика основывается на развитии национальных языков, она отвергает идею ассимиляции, стремясь к возрождению всех национальностей. Эти идеи взяты на вооружение и развиты в докладе XVI съезду ВКП (б) в июне 1930 года, на котором дается определение общей культуры советских наций как национальной по форме, но «социалистической по содержанию».

В этой ситуации позиция Интернационала в отношении китайского коммунизма окрашена повстанческой активностью «третьей фазы», которая является главной политической линией, особенно в годы, предшествовавшие войне с Японией (февраль 1932 года). При этом главными являются две следующие цели: большевизация партии и образование рабоче-крестьянского правительства. Теперь эти цели противоречат стремлениям китайских коммунистов, направленным, напротив, на то, чтобы на тех сельских базах, на которые им пришлось отступить, прочно закрепиться среди крестьян и создать армию, но не для общего восстания, а для партизанской войны. Летом 1930 года была предпринята неудачная попытка выступить с базы в Цзянси, и это заставило придумать Мао Цзэдуна. Вот откуда призыв к порядку. С февраля 1928 года, два месяца спустя после кантонских репрессий, IX пленум Исполкома Интернационала потребовал подготовки «общих и координированных выступлений... в городе... в широком масштабе», рекомендуя «бороться против увлечения партизанскими боями»¹¹⁷. В феврале 1929 года указывалось на необходимость применения таких «методов борьбы пролетариата, как всеобщая революционная забастовка и общая забастовка железнодорожников», а в резолюции по китайскому вопросу (июль 1930 года) рекомендовалось «организовать и привести в боевую готовность центральное советское рабоче-крестьянское китайское правительство» для «осуществления гегемонии пролетариата». В августе 1931 года смещение генерального секретаря КПК Ли Лисяня было объяснено проводимой им линией на создание коммунистической армии, которая по своему составу не имела ничего общего с «Красной армией рабочих и крестьян».

Можно сказать, что такая позиция в отношении китайского коммунизма, который, хотя и по разным поводам, подвергался нападкам вплоть до VII конгресса Интернационала 1935 года, свидетельствует о начавшемся расхождении между советским марксизмом и революционными движениями угнетенных стран.

¹¹⁶ И. Сталин. Соч., т. 11, с. 339.

¹¹⁷ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», с. 765.

И все же чем дальше распространяется сфера приложения советских указаний, тем проще местному коммунизму связать лозунги и навязываемую центром линию с национальными чаяниями. Может быть, наиболее показательным в этом плане является вьетнамский коммунизм, который, формально следуя директивам Интернационала, проводит собственную особую политическую линию. Точно так же латиноамериканский коммунизм может пользоваться известной автономией. Зато в Индонезии (и отчасти в Индии) коммунисты испытывают затруднения в связи с нападками на «реформистский национализм»¹¹⁸. Напротив, облегчение панисламизма (в сочетании с усиленной антирелигиозной пропагандой) позволяет выдвинуть чисто арабские национальные цели, как это было на «рабочих арабских конгрессах» в Хайфе и Алжире в 1930 году или в документах, адресованных египетской, сирийской и палестинской партиям¹¹⁹. В апреле 1929 года Сталин настойчиво проводит тезис о новом революционном подъеме, что ведет к обострению борьбы с «социал-фашизмом», а в июле 1929 года на X пленуме Исполкома Мануильский и Куусинен выступают с требованием, чтобы европейский коммунизм разделался с социал-фашизмом и движением буржуазного национализма в колониях¹²⁰.

Здесь уместно напомнить о теоретической противоречивости, если можно так выразиться, этой линии Интернационала; это подтверждают такие основные документы по вопросу об общем кризисе капитализма, как работы Варги и параллельно готовившиеся доклады Сталина о международном положении. Биржевой крах и кризис 1929 года как будто бы говорят за то, что прав венгерский экономист¹²¹, поскольку его предсказания кажутся тем более дальновидными, что западные экономисты оказались в замешательстве. На деле же самыми дальновидными оказались экономисты, которые вновь обратились к теориям империализма, развивая проблематику Розы Люксембург, связанную с предварительным спросом и условиями воспроизводства, и даже сумели указать на средства, к которым может прибегнуть капитализм в целях обеспечения экономического подъема. Примером может служить Калецкий, который в 1930 году, намного раньше знаменитой работы Кейнса (1936), публикует свои «Опыты по теории флуктуаций»¹²². В них чувствуется влияние Кондратьева, исследования которого как раз в феврале 1930 года осудил в

¹¹⁸ "L'expérience soviétique", v. II, p. 102 ff, 167—201.

¹¹⁹ "Mouvement ouvrier", p. 25 ff, 49 ff, 147 ff.

¹²⁰ *Manouïlsky*. La crise économique et l'essor révolutionnaire. Rapport au Presidium élargi du Comité exécutif de l'Internationale Communiste (18—28 février 1930). Paris, 1930, p. 23—27.

¹²¹ "Correspondance Internationale", № 46, 1929, p. 660.

¹²² *M. Kalecki*. Essays in the theory of fluctuations. London, 1930.

своём докладе Мануильский. Экономический подъем в капиталистической системе предполагает наличие платежеспособного спроса, который может стимулироваться государством, поддерживая потребление при помощи социальных мер.

Анализируя кризис, Варга настаивает на том, что он отмечен чертами глубокой депрессии и его нельзя отнести к обычным циклическим кризисам. Оставаясь верным сделанному раньше собственному наблюдению по поводу кадров, занятых в производстве, он отмечает, что, каковы бы ни были относительное или абсолютное обнищание, равно как и бремя принявшей невероятные размеры безработицы, число рабочих в крупных промышленных странах может уменьшаться, и это не станет признаком их ослабления; напротив, произойдет перемещение рабочей силы в другие сферы, например в сферу услуг. Варга строит свое объяснение кризиса на утверждении, что речь идет о кризисе исключительно монополистического производства. «Повсюду мы видим один и тот же процесс: формирование отдельных гигантских монополий, которые сражаются между собой» ввиду «неравномерности развития, меняющегося спроса на тот или иной вид сырья и развития технического прогресса, который выводит на первый план или, наоборот, отбрасывает назад ту или иную отрасль производства и в конце концов приводит к скачкообразному развитию данной страны»¹²³.

Такая оценка неравномерности развития свидетельствует о переходе от теории империализма к обобщению анархичности капиталистического производства. Эта неравномерность не указывает более ни на противоречие, которое может развиться в антагонизм между империалистической державой и экономикой подчиненной страны, ни на неравенство отношений между экономиками и государствами капиталистического центра; она указывает на безусловно имеющую важное значение форму промышленной конкуренции и технологического обновления. XII пленум Исполкома, который проходит в сентябре 1933 года, изображает милитаризацию и подготовку войны против СССР как попытку преодоления кризиса, а Варга в феврале 1934 года пишет, что «мировой кризис создает сегодня не только экономические, но и политические предпосылки для революционного кризиса и мировой войны»¹²⁴.

Каково же тогда значение теории империализма для определения фашизма как *«открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»*¹²⁵?

---

¹²³ "Correspondance Internationale", № 94, 1929, p. 1287.

¹²⁴ Ibid., № 84, 8 octobre 1932.

¹²⁵ Г. Димитров. Избр. произв. в 3-х т. М., 1983, т. 2, с. 64.

Обличение этого основанного на репрессиях варварства делает особенно значительным доклад Димитрова на VII конгрессе (2 августа 1935 года), поскольку доклад отражает опыт, пережитый коммунистическим антифашизмом. Призыв к новым формам единых действий звучит очень энергично, однако, если необходимость антифашизма доказана, оценка фашизма аргументирована недостаточно. Фашизм как явление порожден «интересами ультраимпериалистов», но стремление Димитрова дать объяснение «классового характера» фашизма представляется противоречащим ссылке на ультраимпериализм—«высшую форму» финансового капитала. Единственное, что полностью соответствует концепции финансового капитала (и чуждо советскому марксизму в том, что касается механизмов контроля и экономических решений и даже власти над трестами), — так это определение «диктатуры крупной буржуазии», которое раскрывает могущество концентрации монополий, дающей возможность действовать лишь небольшим, особо мощным группам.

Именно потому, что в ту пору еще не был переосмыслен национализм, антифашизм VII конгресса кажется простым повторением или более активным выражением того, что говорилось об антиимпериализме. Ссылка на «финансовый капитал», на узкие круги, на небольшие правящие группы не мешает все же всему населению, всем классам, кроме класса монополистов, создать единый фронт. Основываясь на опыте народных фронтов, особенно французского, Димитров адресует свой доклад прежде всего европейскому рабочему движению, отводя единому антиимпериалистическому фронту относительно скромное место. Из доклада совершенно неясно, что уже покончено с обличениями «реформистского национализма», и только представители колониальных стран уточняют в своих выступлениях, что этот единый антиимпериалистический фронт есть прежде всего «национальный фронт», открытый всему национальному движению.

Финансовый капитал глумится над национальными интересами, и раз буржуазия не в состоянии более представлять нацию, то наследовать ей и организовать национальное движение должен пролетариат. Димитров призывает коммунизм обратиться к народному прошлому, чтобы «исторически правильно, в подлинно марксистском, марксистско-ленинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы *увязать свою теперешнюю борьбу с революционными традициями в прошлом*». В единой борьбе против монополий объединяются, таким образом, национальные интересы и интересы пролетариата: «Социалистическая революция явится спасением нации».

Учение Ленина и Сталина по национальному вопросу (хотя у них, несомненно, имеются различия) превратилось в на-

ставление по «народному национализму», как это показывает пересмотр советской историографии и тот факт, что в национальную историю включается теперь любая коммунистическая партия в ее якобинском варианте, то есть как унитарная партия, созданная по модели времен Французской революции¹²⁶. Эта концепция нации, народа и национальной культуры является апологией формирования государства путем присоединения провинций и этнического слияния. Подобная унификация и ассимиляция были перенесены на модель (и ее будущее) социалистического устройства СССР, родины народов, родины советского народа, родины социализма, руководимой Сталиным, «великим и мудрым вождем».

Такая реставрация идеи нации и народа преследует цели, идущие гораздо дальше стратегических соображений, продиктованных потребностью в поддержке масс перед угрожающей СССР военной опасностью. В своем заключительном выступлении Димитров формулирует центральную тему конгресса: «Наш конгресс является конгрессом борьбы за сохранение мира, против угрозы империалистической войны». Признание значимости нации и национальных тенденций в самих странах капиталистического центра идет дальше ленинской теории империализма о делении на империалистические державы и угнетенные нации, способной оправдать освободительную борьбу подчиненных народов и одновременно осудить великодержавный шовинизм. Возвращение к принципам национальной защиты приведет, помимо прочего, к ограничению коммунистического антиколониализма¹²⁷, а это такое идеологическое изменение, которое делает спорным само создание III Интернационала, рожденного в борьбе против великой националистической войны 1914—1918 годов. Если этот поворот открыл возможности для национальных путей к социализму, он выявил также и некоторые фундаментальные противоречия интернационализма¹²⁸.

---

¹²⁶ См. работу Тамары Кондратьевой о советской историографии в: „L'expérience soviétique“, v. I, p. 405 ff.

¹²⁷ Ibid., v. II, p. 27—70.

¹²⁸ Выражаю свою признательность и благодарность за ценную библиографическую работу: *Enrica Collotti Pischel* и *Chiara Robertazzi*. *L'Internationale communiste et les problèmes coloniaux. 1939—1945*. Paris — La Haye, 1968.

Роберто Финци

НАЦИОНАЛЬНАЯ АНОМАЛИЯ: «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

1. «Народ становится зрячим»

В конце марта 1919 года Ленин записал на граммофонные пластинки восемь коротких выступлений. Последнее из них — яростная атака против антисемитской кампании, с помощью которой «капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы». Но «эта старая крепостническая темнота проходит. Народ становится зрячим»¹. Это классический пример, который, как и в этой статье, часто приводится с целью начать разговор об отношении большевиков к «еврейскому вопросу»². Интерес к нему вызван его политической обусловленностью. В момент далеко не из легких в жизни молодой революции Ленин хочет довести точную мысль до сознания всего русского народа, но для широких безграмотных масс страны это можно сделать только с помощью живой речи. Это происходит на пороге развития радиовещания, которое пройдет через целую серию «необходимых новинок, увидевших свет в период с 1914... по 1927—1928 годы»³. В то время вождь большевиков не мог положиться на микрофон и вынужден был использовать инструмент, без которого «XX век, век танго, рэгтайма и джаза, жил бы совсем в другом ритме», — граммофон⁴.

Восемь речей, записанных на граммофонных пластинках, следующим образом связывают ленинскую мысль. Советская власть, хотя она и испытывает невероятное давление извне, обладает большими внутренними силами, чтобы устоять. Это гарантируется как личными качествами ее деятелей (речь, посвященная памяти Свердлова), так и ее международными классовыми союзами (на примере характера и целей III Ин-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 242—243.

² См.: L. Poliakov. Dall'antisionismo all'antisemitismo. Firenze, 1971, p. 19.

³ D. Doglio, G. Richeri. La radio. Origini, storia, modelli. Milano, 1980, p. 20; см. также: B. S. Landes. Prometeo liberato. Trasformazioni tecnologiche e sviluppo industriale dell'Europa occidentale dal 1750 ai giorni nostri. Torino, 1978, p. 560.

⁴ M. McLuhan. Gli strumenti del comunicare. 5-a ed. Milano, 1979, p. 292.

тернационала) и развитием революционного европейского движения (речь о положении в Венгрии). Но чтобы использовать эти потенциальные возможности в полной мере и перейти к победоносному контрнаступлению, необходимы: сильная армия (обращение к Красной Армии); способность привлечь к революционной власти социальные слои, имеющие сходные интересы с городским и сельским пролетариатом (речь о крестьянах-середниках); ясность в указании как общих целей, так и средств их достижения («Что такое Советская власть?», «Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов?»); единство трудящихся (речь об антисемитизме).

Центральное значение антисемитизма как орудия после-революционной политической борьбы подтверждается той ролью, которую придавали ему противники Советской власти. Представители Центральной рады утверждали, что антисемитизм — основное оружие их пропаганды и что против него «никакой большевизм не идет в сравнение»⁵. Так, например, считал и «верховный правитель» «белой» Сибири адмирал Колчак, который за несколько недель до выступления Ленина, 15 февраля 1919 года, так обращался к солдатам Красной Армии: «Восстань, русский народ, возьми в руки дубину и бей пудейское отродье, которое губит Россию... В Германии, во всей Польше, в Галиции, Киеве... эти каналы были побиты и изгнаны. Только вы по собственной глупости и простодушию продолжаете подчиняться приказам Троцкого, Нахамкиса, Цедербаума и компании»⁶.

Существует целая «литература» подобного рода, которая «вдохновлялась» тем, что в большевистских рядах, в особенности в верхах Советской власти, было много революционеров еврейского происхождения; поэтому делались попытки воспользоваться пугалом «еврейского или еврейско-немецкого заговора» с целью оживить призрак старых, но все еще живых предрассудков. И чтобы придать убедительность этой нелепице, с помощью целого ряда фальшивых документов, «проданных в трагическом Петрограде 1917—1918 годов журналистом Евгением Симоновым американскому дипломату Эдгару Сиссону», «доказывается», что «большевики, и в первую голову Троцкий, финансировались «Рейнско-Вестфальским синдикатом» через еврейского банкира Макса Варбурга». В этом бреде, полном, однако, расчетливого цинизма,

---

⁵ E. H. Carr. *La rivoluzione bolscevica (1917—1923)*. Torino, 1964, p. 294, nota 3.

⁶ Цит. в: L. Poliakov. *Histoire de l'antisémitisme*. Paris, 1955—1977, v. IV, p. 203—204. Как известно, Нахамкис — это Стеклов, Цедербаум — фамилия Мартова. Здесь, возможно, было желание с помощью этой последней фамилии указать на Ленина, проводя вполне определенную операцию антисемитского типа, о которой будет сказано ниже.

Ленин-Ульянов становится Лениным-Цедербаумом, то есть не кем иным, как Лениным-Мартовым! А Антонов-Овсенко «евреизируется» в призрачного Овсея Герша Аронова. В 1905 году в расчете на самые отсталые силы, замечает Самюэль Эттингер, «из еврейского вопроса... сделали одну из самых крупных политических проблем России XX века», а затем разгорелась самая настоящая кампания погромов. Подсчитано, например, что между 1918 и 1920 годами только на Украине было зверски убито не менее 60 тысяч евреев.

Картина международного еврейского заговора была привычной пищей не только для сил внутреннего фронта бывшей царской империи. Подобные сведения черпались полными пригоршнями и из «более чем достоверных источников» и доводились до мирового общественного мнения. К примеру, 11 сентября 1917 года читатель такой авторитетной и выдержанной газеты, как «Таймс», мог прочитать на ее страницах о том, что Петросовет, «аккредитованный только при самом себе», «состоит из идеалистов, теоретиков, анархистов... по большей части типичных представителей международного еврейства... кое-кто из которых известен тем, что находится на содержании у немцев». А после взятия Зимнего дворца, 23 ноября, оракул британской прессы писал, что «Ленин и многие его сторонники — это авантюристы еврейско-немецких кровей на содержании у Германии». В то же время 15 октября французская газета «Лёр» повторила «версию» о Ленине-Цедербауме. Одиннадцать месяцев спустя тезису о еврейском заговоре стали придавать официальный и научный вид: правительство Соединенных Штатов, как мы уже видели, замешанное в фальшивке и поддержке версии о финансировании большевиков евреями, проконсультировавшись с «двумя компетентными историками», опубликовало серию документов под названием «Немецко-большевистский заговор», главными действующими лицами которых были двурушники-евреи, члены главного штаба революции ⁷.

Большевики реагируют. Едва придя к власти, они в своих обращениях подчеркивают контрреволюционный характер антисемитской кампании. Летом 1918 года Петербург * объявляет антисемитизм вне закона. В конце того же года в партии создается еврейская секция (обычно именовавшаяся «евсекция») ⁸. Но если благодаря этим инициативам «народ ста-

⁷ Ibid., p. 199—202, 205, 302; S. Ettinger. Les juifs de Russie à l'époque de la révolution. — In: "Les juifs en Union Soviétique depuis 1917" Ed. de L. Kochan. Paris, 1971, p. 31.

* Еще в 1914 году Петербург был переименован в Петроград. — *Прим. ред.*

⁸ Дж. Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957; V. Serge. L'anno primo della rivoluzione russa. Torino, 1967, p. 272. Z. Y. Gitelman. Jewish nationality and Soviet politics. The Jewish Sections of the Cpsu, 1917—1930. Princeton, 1972, p. 123 sgg.

новится зрячим», то для того, чтобы горизонт окончательно прояснился, необходимо было развернуть самую настоящую кампанию даже в том случае, когда многие заинтересованные лица готовы были увидеть в ней очередное подтверждение «иудейской революции»⁹.

Так какую же идею доносит голос Ленина до народных масс бескрайних русских просторов?

«Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом... Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди всех наций».

Стереотип иудея-ростовщика, эксплуататора, на который опирается массовый антисемитизм, таким образом, абсолютно фальшив. Это средство разделения трудящихся отвергается, и те, «кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям»¹⁰, покрываются позором.

Мерзкому облику еврея, нарисованному антисемитами, еврея с его коварством, его двойственностью, его «иудейским» характером (в сговоре с врагом он хочет навязать свою власть с помощью революционной идеологии), Ленин противопоставляет научный анализ. Евреям свойственно то же классовое разделение, что и всей мозаичной реальности России: кроме капиталистов и эксплуататоров, у евреев есть даже *кулаки*. Хотя, как мы вскоре увидим, еврейские общины были в основном городскими, но момент, подчеркнутый Лениным, — это вовсе не искусственный прием с целью уподобить евреев неевреям: достаточно, например, прочитать страницы Троцкого о его детстве¹¹.

При классовом анализе еврейского сообщества, его поляризации, присущей обществам с капиталистическим способом производства, объективно проявляется тенденция рассматривать евреев как «народ» среди народов, а вовсе не как аномалию в национальном вопросе. Действительно, в ленинском тексте можно выделить по крайней мере три пункта, по которым отношение еврей — нация на первый взгляд кажется вполне ясным. Однако все обстоит иначе, если рассматривать это отношение в связи с политическими спорами об антисемитизме и в более общем комплексе ленинских размышлений о еврейском вопросе.

---

⁹ L. Poliakov. Dall'antisionismo, p. 11.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 242—243.

¹¹ «Мой отец был землевладельцем, сначала очень мелким, потом богаче... Он купил... более ста десятин и арендовал еще двести». В общем, отец будущего революционного вождя имел более 320 га, много скота, много наемных крестьян. Он был «состоятельным землевладельцем», несмотря на вновь введенные в 1881 году для евреев ограничения на покупку земель. См.: L. Trotzky. La mia vita (Tentativo di autobiografia). Milano—Vèrona, 1930, p. 4—5, 23, 72—73, 77.

2. Каста или нация?

От Мартова до троцкиста Леона через Бебеля, Бауэра, Каутского и Ленина в научном социализме прослеживается линия, интерпретирующая особые черты единого еврейства, которое можно обобщенно определить как народ-класс (Леон). Это вариант и развитие тезисов Каутского, согласно которым «если характеризовать роль евреев в средневековой Восточной Европе и их роль в настоящее время, то, пожалуй, лучше считать их кастой, а не нацией»¹². Полемический намек обращен к Отто Бауэру, для которого в средние века «евреи, несомненно, были нацией»¹³, но это был лишь иной, более резкий способ сопротивления сионистским тезисам, против которых неуклонно выступал, впрочем, и сам Бауэр. В общем, в этом вопросе оба социал-демократических лидера выражают одно и то же мнение и примерно в одних и тех же выражениях. Будь то «каста» или «нация» — в средние века евреи играют особую роль, «поскольку являются представителями денежного капитала, унаследованного от римской эпохи в рамках натуральной варварской экономики древних германцев»¹⁴. Капиталистическое общество, сущность которого — обмен, исключает это условие, исключает именно этот способ жизни еврея в «порах» феодального мира, и, подобно «торговым народам античности», которые «как боги Эпикура жили в межмировых пространствах»¹⁵, еврейская община теряет свои особые специфические черты, поскольку, как заметил Маркс, «реальная сущность еврея получила в гражданском обществе свое всеобщее действительное осуществление, свое всеобщее мирское воплощение»¹⁶. Стало быть, теоретически мир капитала имеет тенденцию вызывать распад еврейства, то есть ведет к нивелировке характерных черт еврейской нации. Историческая тенденция не может быть ничем иным, как ассимиляцией, и это с помощью целой серии демографических данных пытается доказать Каутский¹⁷. Естественно, конкретные процессы гораздо сложнее. В конце концов, даже Маркс в своей работе «К еврейскому

¹² A. Léon. La conception matérialiste de la question juive. Paris, 1968, p. 61 sgg. Работу Каутского 1908 года о национальности и интернационализме см. в: G. Haupt, M. Lowy, C. Weill. Les marxistes et la question nationale 1848—1914. Etudes et textes. Paris, 1974, p. 136 ff.

¹³ O. Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907, § 23.

¹⁴ Kautsky. Nationalité et internationalisme, p. 136. Примерно те же слова мы находим у Бауэра: O. Bauer. Autonomie, p. 311, где читаем: «Крестьянин представляет натуральную экономику, еврей — денежное хозяйство».

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 148.

¹⁶ Там же, т. I, с. 412.

¹⁷ K. Kautsky. Razza e ebraismo (1914). — In: "Il marxismo e la questione ebraica", p. 441 sgg.

вопросу» — которую так часто искажали¹⁸, — применяя к собственному анализу собственное же методологическое указание, заметил, что «еврейство сохранилось не вопреки истории, а благодаря истории» и что, так как «реальная сущность еврея», универсализируясь в капиталистическом обществе, получила свое действительное осуществление, то «гражданское общество не могло убедить еврея в *недействительности его религиозной сущности*».

Отсюда также следует и то, что истинная эмансипация евреев не может произойти иначе, как из «самоэмансипации нашего времени»¹⁹. Но эта «религиозная сущность», в нереальности которой буржуазному обществу так и не удастся убедить евреев, исторически гораздо больше отличается от того, что можно вывести из метафорических и полных намеков страниц работы молодого Маркса. Она живет в особой, оторванной реальности, навязанной представителю денежного капитала обществом, основанным на натуральной экономике, и евреи «не принимали... почти никакого участия в процессе производства», представляя элемент, «абсолютно чуждый феодальному обществу»²⁰. Поэтому «религиозная сущность» приобретает ярко выраженный характер самозащиты и самоопределения. Возможно, гетто можно было бы определить как корпорацию, но как корпорацию «иностранцев», которые вынуждены жить как иностранцы²¹. Дискриминация-отделение способствовала тому, что благодаря общему языку у евреев появились «собственная надежная идеология, собственные традиции, которые даже внешне отличали их от народа, среди которого они жили»²².

Как мы видим, для Бауэра евреи — все-таки нация, материальная база которой размывается в условиях капитализма, но, если можно так выразиться, последствия этого про-

---

¹⁸ Маркса, писал Х. Б. Дэвис (*H. B. Davis. Nationalism and socialism. Marxism and labor theories of nationalism to 1917* New York—London, 1967, p. 71—72), обвиняли в антисемитизме на основании его работы «К еврейскому вопросу» (1843), в которой он «приписывает евреям то, что они привили капитализму все его типичные пороки: он утверждает, что истинная религия евреев — это жадность к деньгам. Но эту работу нужно прочитать полностью. Если это сделать, то видно, что Маркс не говорит о евреях ничего такого, что отличалось бы от его высказываний о христианах, которые, по его словам, усвоили капиталистическую этику евреев и превратили ее в свою собственную». Таким образом, Марксово исследование только внешне касается еврейского вопроса, но имеет гораздо более общее значение (см., например: *F. Mehring. Vita di Marx. Roma, 1972, p. 70—75*). Утверждать, будто «Маркс... выбрал путь... антисемита... и в международном масштабе направлял свою аргументацию к геноциду» (*R. Misrahi. Marx e la questione ebraica. Firenze, 1974, p. 44*), по крайней мере абсурдно.

¹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, 1, с. 408.

²⁰ *Bauer Autonomia*, p. 310.

²¹ *Kautsky. Razza e ebraismo*, p. 444, 435.

²² *Bauer. Op. cit.*, p. 312.

должают сказываться в пределах еврейского мира и особенно вне его. Внутренняя инерция усиливается и из-за того, что постоянно и хитроумно возбуждается и усиливается образ еврея, усвоенный внешним миром. Если объективность производственных отношений непременно через социальное разобщение евреев и ведет к ассимиляции, то все-таки еще остается «источник жизни» для еврейства — это антисемитизм²³. Процесс ассимиляции к тому же осложнен и неравномерностью развития капитализма, когда мы наблюдаем два различных и параллельных результата: отсутствие интеграции еврейских общин в более отсталых странах, как, например, Российская империя, и миграцию бедных еврейских неассимилированных слоев из менее развитых областей в более развитые, в которых отношения с евреями стран иммиграции «поддерживают евреи Запада, находящиеся на самой низшей стадии ассимиляции»²⁴.

Процесс ассимиляции не может (и не должен) восприниматься как кратковременный. «Естественно, — пишет Бауэр, — не следует переоценивать скорость, с которой он будет происходить». А Каутский как бы в ответ говорит: «Еще медленнее он будет происходить в той же России»²⁵. Но процесс ассимиляции не только длителен, но и непрямолинеен. Еще Бауэр анализировал его достаточно полно. Например, от его внимания не укрылось возрождение еврейской культуры на Востоке, и это, как ему казалось, соответствовало переходному периоду такого социально-экономического развития, когда «нижние слои еврейского населения» могут быть вырваны «из их культурного оцепенения», но еще не включатся «в экономическую и культурную общность других групп населения». Для того чтобы это произошло, «еврейский пролетарий должен стать настоящим современным рабочим». И тогда единственно возможным путем станет ассимиляция, а культурное пробуждение евреев — «не что иное, как предисловие»²⁶ к ней.

Ленин соглашается с этим сложным анализом, по политическим соображениям делает его еще более жестким и утверждает, что евреев можно считать «кастой», а не «нацией»²⁷, поскольку — в том, что касается евреев царской империи, — в рамках рабочего движения их следует рассматри-

²³ *Kautsky. Op. cit.*, p. 449.

²⁴ *Bauer. Op. cit.* p. 326. Со своей стороны Каутский замечает: «Это самые отсталые элементы, самые традиционные элементы еврейства, которые притекают сегодня с Востока к высокопрогрессивному Западу. Первое последствие этого явления состоит в том, что процесс ассимиляции евреев на Западе затормаживается, а второе — в том, что в выигрыше оказывается антисемитизм» (*"Razza e ebraismo"*, p. 461).

²⁵ *Bauer Autonomia*, p. 328; *Kautsky. Razza e ebraismo*, p. 487.

²⁶ *Bauer. Op. cit.*, p. 328—329, 331.

²⁷ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 126.

вать как носителей идеи разрешения собственной национальной проблемы, совершенно иной, нежели проблемы, которыми занимаются большевики.

3. Евреи в царской России

Согласно единственной переписи, сделанной в России до Октябрьской революции (1897), евреев насчитывалось несколько менее пяти с половиной миллионов, что составляло 4,1% всего населения империи и примерно половину всех евреев в мире²⁸. В общем, пожалуй, можно принять то замечание, что, несмотря на несомненный рост населения, относительные пропорции между различными национальностями не претерпевали больших изменений²⁹, даже если учесть, что в те годы евреи Восточной Европы весьма сильно мигрировали, в особенности в Соединенные Штаты, где в период между 1900 и 1915 годами их число возросло с 1 до 3 миллионов, а затем в 1925 году до 4,5 миллиона³⁰. С другой стороны, во всем мире «в период между 1825 и 1925 годами их число увеличилось в пять раз, то есть росло в полтора раза быстрее, чем население Европы»³¹.

Во время переписи, как, впрочем, и позднее, основная часть российских евреев проживала по необходимости в 25 провинциях, по границам которых проходила введенная с 1791 года Екатериной II «черта оседлости», претерпевавшая со временем различные территориальные изменения (в це-

---

²⁸ *Gitelman*. Jewish nationality, p. 18, tabl. I. Итальянская перепись 1901 года в приложении к основному докладу дает таблицу числа евреев на тысячу человек населения в различных европейских странах, согласно которой в округленном процентном выражении оно оценивается следующим образом: Италия — 0,1%, Франция — 0,1; Бельгия — 0,05, Швейцария — 0,4, Нидерланды — 2,0; Австрия — 4,7; Венгрия — 4,4, Германия — 1,0; Великобритания (за исключением Ирландии) — 0,3; Ирландия — 0,1, Дания — 0,1, Швеция — 0,1; Норвегия — 0,03; Россия (включая азиатские области) — 4,1; Сербия — 0,2; Болгария — 1,0; Греция — 1,3; Румыния — 4,5, Турция (европейская) — 1,0, Испания — 0,01, Португалия — 0,01% (*Misc Dirstat. Censimento della popolazione del Regno d'Italia al 10 febbraio 1901, v. V (relazione). Roma, 1904, p. 164—165, tabl. XLIV*). Согласно Леону (*La conception matérialiste*, p. 139), в 1900 году в мире было 10 602 500 евреев. Каутский (*Razza e ebraismo*, p. 454) приводит данные, согласно которым их численность в мире составляла 12,5—13 миллионов человек, из которых 6 миллионов — в России.

²⁹ *Serge*. L'anno primo, p. 93, nota 2.

³⁰ *L. P. Gartner* Immigration and the formation of American Jewry 1840—1925. — "Cahiers d'Histoire Mondiale. — Journal of World History", XI, 1968, № 1—2, p. 297

³¹ *Léon*. La conception matérialiste, p. 139. Эттингер (*Les juifs de Russie*, p. 32) со своей стороны отмечает, что «русское еврейство отличалось повышенным процентом естественного прироста», примерно вдвое большим по сравнению с русскими.

лом в сторону сокращения территории)³². Здесь еврейское население достигает 11,6% по отношению ко всему населению, но поскольку более 4,5% живет в городах, то по отношению к городскому населению они составляют 40%.

Примерно 97% российских евреев называют своим родным языком идиш. Общие религиозные обряды, отрыв от других слоев населения, по отношению к которому они находятся в зависимом положении («формально-юридическое равенство», пишет Троцкий, освобождает евреев по крайней мере от 650 «законов, ограничивающих их права»), укрепили их приверженность своим общим традициям. Большая часть экономически активного еврейского населения занималась ремесленничеством и мелким производством — в основном текстильным, коммерцией, часто мелкой торговлей, а также работой на крупных фабриках. В то время как служащие и лица свободных профессий составляли 4,7% активного населения, городской в основном характер еврейства, естественно, определял весьма низкое их наличие в сельском хозяйстве — всего лишь 2,4%. Это и есть великая аномалия в социальном составе русского (и мирового) еврейства³³.

Испытывая гнет сложных явлений социального расслоения, втянутое в процесс возникновения и развития капитализма в России, который вел к обнищанию масс трудящихся (не обязательно рабочих), попадая в ряды тех, у кого «нет иной поддержки, кроме воздуха»³⁴, в условиях сохранения и обострения дискриминации, все более частого проявления антисемитизма сверху в качестве орудия, с помощью которого направляется определенным образом недовольство масс³⁵,

---

³² «Черта оседлости» в рассматриваемый нами период охватывала польские провинции, вошедшие в Российскую империю в 1770 году и в 1790 году, Белоруссию, Литву, северо-восточную часть Украины и области Причерноморья, колонизированные русскими в начале XIX века. Краткие сведения об изменении «резервации» см. в кн.: *R. Neher-Bernheim. Histoire juive. Faits et documents de la Renaissance à nos jours.* Paris, 1971, v. I, p. 252—254; v. II, p. 103—106.

³³ *N. Levin. While Messiah terried. Jewish socialist movements 1871—1917.* New York, 1977, p. 220—221; *Gitelman. Jewish nationality*, p. 18—20, где мы читаем, что «в конце XIX века на 300 тысяч евреев, работавших в промышленности, 250 тысяч приходилось на кустарные мастерские и лишь 50 тысяч на средние и крупные фабрики» (см. также: *Léon. La conception matérialiste*, p. 137—139). О распространении идиша в России см.: *C. Shmeruk. La cultura ebraica in Unione Sovietica.* — In: *Gli ebrei dell'Urss*, a cura di «Nuovi agromenti» Milano, 1966, p. 147; *Ettinger. Les juifs de Russie*, p. 27; *D. Barnir. Les juifs, le sionisme et le progrès.* — In: «Les temps modernes», XXII, 1967, № 253 bis, p. 423. Об ограничительных законах см.: *L. Trotsky. Storia della rivoluzione russa.* Milano, 1964, p. 929, где приведены цифры из официальных документов (см. также: *V. Gittermann. Storia della Russia.* 2-a ed. Firenze, 1973, v. II, p. 383).

³⁴ *Gitelman. Jewish nationality*, p. 20.

³⁵ *Neher-Bernheim. Histoire juive*, v. II, p. 100 ff.

русское еврейство входит в те годы в прямое соприкосновение с реальностью и прежде всего с политическими идеями Запада через тысячи нитей, связывающих его с общей миграцией молодежи, которая обходит многочисленные ограничения, навязанные ей царскими властями, и заполняет университеты Центральной и Западной Европы. Сознание того, что они отделены и преследуемы, обостряет в еврейской общине России собственное определение еврейства как особого «тела». Сталкиваясь с идеями века, на которые зачастую обрушиваются раввины, это новое чувство принадлежности к «иному» сообществу в отличие от народов, которые их окружают и отталкивают, обнаруживает себя в расширении и углублении той тенденции, которая проявилась со второй половины XVIII века, — тенденции «превращения евреев из сторонников существующей власти в самых ревностных ее противников»³⁶. Существуют два основных варианта подобной позиции: первый сводится к тому, что налицо двойное угнетение еврейских масс, в качестве евреев и в качестве трудящихся, и это угнетение можно будет преодолеть лишь с помощью радикальных политико-социальных перемен, а по второму «еврейский вопрос» может быть решен лишь с помощью восстановления независимой территориальной целостности.

В дальнейшем будут делаться попытки преувеличить поддержку еврейскими массами этой второй перспективы. На самом деле все было несколько иначе. Согласно заслуживающему доверия свидетелю, сионистскому руководителю первой величины, «когда сионизм появился на мировой арене, большинство евреев были против него или просто плевали на него»³⁷. Конечно, на Востоке это было не так ясно выражено, как в более спаянных западных общинах, но и там многие из наиболее сознательных еврейских трудящихся вместе с интеллигенцией выступали за разрешение вопроса в смысле «здесь и теперь». То есть практически они — как это доказывается наличием значительного числа евреев в зарождающемся социалистическом движении в России³⁸ — были сторонниками революционной перспективы. В 1897 году, когда в Базеле собрался I Всемирный сионистский конгресс, в Вильно был основан Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). До 1907—1908 годов он сохранял за собой «абсолютную монополию как представитель еврейского рабочего класса» и в первые годы развития русской социал-демократии был, как писал Георг Хаупт, «самой мощной рабочей организацией Российской империи». И по-

³⁶ Ettinger. Les juifs de Russie, p. 83.

³⁷ N. Goldmann. Le paradoxe juifs. Paris, 1976, p. 97.

³⁸ S. W. Baron. The Russian Jews under Tsars and Soviets. London—New York, 1964, p. 167; Poliakov. Histoire... v. IV, p. 121.

этому он играл первостепенную роль при создании РСДРП³⁹. В 1906 году во время кратковременного объединения всех социал-демократов царской России в РСДРП, согласно данным, которые приводит Ленин и которого, естественно, нельзя заподозрить в симпатиях к Бунду, 31,7% активистов были представителями Бунда⁴⁰. В различных социал-демократических фракциях — но не только в них — также имелись представители еврейской национальности, по большей части интеллигенты, которые отвергали еврейский «сепаратизм». Для этого слоя образованных евреев ассимиляция представлялась частью общего прогресса, который неизбежно приведет к преодолению всех старых предрассудков, в особенности религиозных. Жизнь позаботилась о том, чтобы опровергнуть эту оптимистическую прямую линию. Буржуазная Европа раздиралась противоречиями между тенденцией к эмансипации еврейства, которая в перспективе должна привести к непрерывной ассимиляции, и политическим использованием антисемитизма и стало быть, возрождением идей еврейской исключительности. Впоследствии с учетом различных культурных течений того времени они были переработаны сионистами в еврейское «возрождение». Столкновение между существующей законностью и тем, что можно определить как практику, проявилось, хотя и не впервые, в деле Дрейфуса, которое можно считать показательным хотя бы потому, что оно происходило на родине либеральной и демократической революции. Когда 15 октября 1894 года этот богатый офицер, «гордый тем, что носит военную форму, ярый сторонник всего, что связано с армией», был арестован, со слов его защитника сразу же стало ясно, что, «если бы капитан Дрейфус не был евреем... его никогда бы не обвинили»⁴¹. Европа уже не раз демонстрировала признаки того, что она не оправилась от антисемитской отравы: от тонких и ядовитых запросов, которые в июле 1806 года Наполеон направил еврейскому «синедрону» империи в отношении их общины, до появления в Германии в конце 70-х годов в качестве «истинной политической формации» антисемитского движения, против которого в октябре 1893 года на съезде немецкой социал-демократической партии выступил Бебель, поскольку «по этому вопросу существует некоторая неясность также и в наших рядах»⁴². Отсюда — разочарование, убеж

³⁹ B. Suchecky (pref. de Y. Lestchinsky) Nos revendications nationales. — In: "Pluriel débat", 1979, № 20, p. 73; G. Haupt. Les marxistes face à la question nationale: l'histoire du problème. — In Haupt-Lowy-Weill Les marxistes, p. 53; L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. 2-a ed. London, 1970, p. 29.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 294.

⁴¹ M. Dreyfus. Dreyfus, mio fratello. Roma, 1980, p. 12, 21, 23.

⁴² О том, какие вопросы задавал Наполеон именным евреям, см. в кн.: Neher-Bernheim. Histoire juive, v I, p. 269—273; о речи Бебеля см.:

денность в том, что антисемитизм — это нечто фатальное и уничтожить его можно, только отделив евреев от общества, в котором они живут, как среди «язычников». И путь Теодора Герцля — от ассимилированного и ассимиляциониста до основателя современного сионизма под влиянием шока от дела Дрейфуса — весьма показателен в этом отношении.

В самодержавной отсталой России новый либеральный европейский мир, который положительно, хотя и на короткий срок, повлиял и на еврейскую общину империи, не может, стало быть, служить примером. И это тем более верно, что социальная перестройка, вызванная зарождением капитализма, с одной стороны, вызывает в качестве реакции окаменение и отход к традиционализму, а с другой — в особенности с 80-х годов — ведет к постепенно возрастающему и все более устрашающему политическому применению антисемитизма, который сопровождается самой настоящей кампанией погромов (русское слово, вошедшее во все языки).

И неудивительно, что сионистская перспектива пробилась в еврейской общине царской империи. Но процесс этого проникновения не такой уж быстрый, прямолинейный и радужный, как хотела бы это изобразить определенная историография. В 1902 году — не без гордости рассказывает один авторитетный представитель сионистских правых, соратник Жаботинского, — на I Всероссийской сионистской конференции 500 делегатов представляли 75 тысяч «обладателей шекеля» (нечто вроде квитанции, которая выдавалась тем, кто участвовал в сборе средств в поддержку сионистского движения)⁴³. Эти данные сами по себе не свидетельствуют о массовости сионистской организации, скорее, они говорят о масштабах влияния, аналогичного результатам «выборов», и не отражают конкретной численности постоянных активистов. В этом отношении тот факт, что в момент так называемого объединения 1906 года Бунд насчитывал 33 тысячи членов, говорит о его довольно широком влиянии на еврейский пролетариат⁴⁴.

Подобная интерпретация политической структуры еврейской общины в России включает в себе два неясных аспекта, которые следует рассмотреть. С одной стороны, принимая во внимание социалистический характер Бунда, может показаться, что причастность к сионизму носит определенный классовый характер, с другой — что это классовое столкно-

---

A. Bebel. Socialdemocrazia e antisemitismo — In: "Il marxismo e la questione ebraica", p. 255 sgg.

⁴³ J. B. Schechtman. L'Urss, le sionisme et Israël. — In: "Les juifs en Union Soviétique", p. 142.

⁴⁴ Согласно Лонге. Бунд насчитывал до 50 тысяч членов (J. Longuet. Le mouvement socialiste international. Paris, 1913, p. 385), см. об этом также в работе: Gitelman. Jewish nationality, № 99, p. 55.

вление непосредственно выражает идеологию борьбы «национализм — ассимиляция». Борьба между точками зрения «здесь и теперь» и «там и потом» не может, однако, упрощенчески смешиваться с противоречиями между пролетариатом и мелкой буржуазией. Действительно, начиная с конца XIX века рождаются различные сионистские рабочие организации, обычно объединявшиеся под названием «Поалей Цион» («Рабочие Сиона»), организации, которые вплоть до 1904 года не обладали никакой «особой организационной принадлежностью ни на мировом, ни на национальном уровне...», не навязывали ее никому «и даже не имели определенной единой программы, которая могла бы совместить сионизм и социализм»⁴⁵. Между сионистскими организациями рабочих и Бундом в одно и то же время происходят и столкновения, и контакты, и не случайно Бер Борохов, главный марксистский теоретик рабочего крыла сионизма, признает первородство и роль Бунда в формировании пролетарского еврейского движения⁴⁶.

Руководство Бунда сначала «нейтрально» относилось к национальной еврейской проблеме в надежде смягчить внутренние столкновения между «противоположными тенденциями: националистической, космополитической и ассимиляционистской»⁴⁷. Только в 1905 году VI съезд Бунда окончательно решил один из кардинальных вопросов внутренней дискуссии и сформулировал для евреев требование культурно-национальной автономии⁴⁸. Это повторение тезиса австрийской социал-демократии, принятого в 1899 году на съезде в

---

⁴⁵ P. Merhav, *Storia del movimento operaio in Israele (1905—1970)*. Firenze, 1975, p. 12.

⁴⁶ «У Бунда множество заслуг... и это название золотыми буквами записано в истории рабочего еврейского движения... Он развил классовое сознание еврейских трудящихся, научил их организованной борьбе в защиту своих интересов, дисциплинировал их и воспитал в них демократическое сознание».

⁴⁷ Lewin. *While Messiah tarried*, p. 338.

⁴⁸ «VI съезд формулирует собственную программу решения еврейского вопроса по следующим пунктам: 1) полное гражданское и политическое равенство для евреев; 2) гарантированная законом возможность пользоваться родным языком в суде и государственных учреждениях... 3) культурно-национальная автономия: передача всех функций, связанных с культурными вопросами, из ведома государственной администрации и государственного аппарата местных властей в руки нации в форме создания особых местных и центральных учреждений, избираемых всеми членами нации на основании равного, прямого и тайного голосования». Характер и смысл культурно-национальной автономии хорошо виден из «примечаний» к пункту 3 программы по еврейскому вопросу: «Культурная автономия не влияет на право центральных законодательных органов устанавливать определенные нормы по общим вопросам...» (Merhav. *Op. cit.*, p. 8—9). Таким образом, культурно-национальная автономия является прообразом особой государственной формы федеративного типа, не обязательно базирующейся на территориальном принципе.

Брюнне (Брно)⁴⁹, однако в 1907 году Отто Бауэр сочтет его неприменимым к еврейскому «случаю» — мнение, о котором Ленин не забудет напомнить в подходящий момент⁵⁰. Еще в 1901 году IV съезд Бунда признал, что «понятие «нация» может быть также применено к еврейскому народу», но «в настоящих условиях» считалось «преждевременным требовать национальной автономии для евреев», поскольку основное значение в этой специфической области придавалось борьбе за устранение «особых антиеврейских законов»⁵¹. На V съезде в 1903 году волнения, вызванные погромом в Кишиневе, привели к тому, что этот вопрос был поставлен в категорической форме и в связи с дискуссией о РСДРП и ее структуре. Жесткая федералистская позиция, которая наметилась в ходе этой дискуссии, — явное отражение того, что национальный вопрос стал для Бунда основным.

Нетрудно уловить связь между вновь возникшей злобной и ядовитой кампанией антисемитизма, которая закончилась резней в Кишиневе и волной погромов осенью 1905 года, и тем, что Бунд отказался от «нейтральной» позиции в этом вопросе. Сионизм, укрепляющий свои позиции в связи с возрождением антисемитизма, тоже вынужден изменить своей изначальной сдержанности в отношении политической жизни страны. После 1905 года сионисты решили участвовать в «борьбе за гражданские национальные права евреев внутри страны»⁵², подчеркивая все более острую необходимость принять определенное решение по поводу повторяющихся антисемитских выступлений, которое нельзя было откладывать в надежде на далекую перспективу палестинского возрождения. Впрочем, перед всем мировым сионистским движением стояла эта проблема, и из-за трудностей эмиграции в Палестину возникла полемика по поводу Уганды, африканской территории, предложенной сионистам английским правительством. Этот проект был отвергнут ценой «территориалистского» раскола, который был поддержан некоторыми русскими рабочими-сионистами. Так, например, действовала сионистско-социалистическая рабочая партия, основанная в декабре 1904 года. Еще дальше пошла социалистическая еврейская рабочая партия, известная также под названием партии сѣимистов (от польского «сѣйм»), которая на учредительном съезде в апреле 1906 года заявила: «Основным элементом, характеризующим программу нашей партии, является требо-

⁴⁹ Текст резолюции см. в кн.: *Haupt-Lowy-Weill. Les marxistes...* р. 205—207; о резолюции см.: *A. Agnelli. Questione nazionale e socialismo. Contributo allo studio del pensiero di K. Renner e O. Bauer.* Bologna, 1969, р. 60 sgg.

⁵⁰ *O. Bauer. Op. cit.*, р. 332—335; *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 319; т. 24, с. 224—225.

⁵¹ Цит. по: *Merhav. Op. cit.*, р. 8.

⁵² *Schechtman. Op. cit.*, р. 143.

вание создания национальных, нетерриториальных парламентов... Юрисдикция сейма не должна ограничиваться лишь культурными и образовательными вопросами... а простирается также до... экономических и политических проблем... Что же касается еврейского населения, партия требует, чтобы национальный еврейский сейм среди прочих своих функций имел право принимать необходимые меры по концентрации еврейской эмиграции на свободной и незаселенной территории»⁵³.

Таким образом, сеймисты подчеркивали требование Бунда об автономии, расширяя его до политической, а не территориальной автономии, в то время как, с другой стороны, они придерживались своей сионистской позиции, в сущности «территориалистской» и гуманистическо-социалистической, которая выражалась в заботе об иллюзорной «свободной и незаселенной» стране, в которой можно было бы создать еврейское государство.

Не все социалистическое движение сионистов в борьбе против дискриминации в отношении евреев и за лучшие условия для еврейских рабочих «здесь и теперь» отходит, однако, от первоначальной цели — вновь обрести Палестину. Не отходят от нее именно те, кто пользуется марксистским анализом. Самый известный представитель этого течения, Бер Борохов, в 1906 году пишет «Нашу платформу»⁵⁴, которая становится теоретической основой программы еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион». Борохов считает, что история еврейского народа мало-помалу привела этот народ к отрыву от производства. Результатом такого отрыва явилась социальная структура, которую можно назвать перевернутой — то, что у других народов составляет вершину социальной пирамиды, у евреев является основанием: почти совсем отсутствуют представители сельского хозяйства, очень ограничено число пролетариев, в то время как широко представлены средние слои (от кустарей до лиц свободных профессий), которые в большинстве своем кончают обнищанием. Подобная социальная структура не способствует эффективной классовой борьбе, хотя условия гнета, в которых живут евреи, и процесс обнищания подталкивают многих к объединению с силами прогресса. Стало быть, для евреев необходимо создать условия, в которых они могли бы развернуть настоящую классовую борьбу. Таким условием, пишет Борохов в своем самом известном исследовании «Классовая борьба и национальный вопрос» (1905) — одном из первых исследований, направленных на наиболее полное

⁵³ Приводится у: *Merhav*. Op. cit., p. 25.

⁵⁴ *B. Borochoy* Nationalism and the Class Struggle. A Marxian Approach to the Jewish Problem. Selected Writing. 2-a ed. Westput, 1973, p. 183—205.

освещение национального вопроса с марксистской точки зрения⁵⁵, — «могут стать лишь условия нормального производства», поскольку при его отсутствии «притупляются... классовые противоречия». К тому же «важнейшим материальным условием производства является собственная территория. Это всеобъемлющая основа всех прочих условий производства»⁵⁶. Если еврейский народ хочет стать действующим лицом истории, он должен поставить перед собой вопрос об изменении своей социальной структуры, с тем чтобы в самом народе движущие силы истории, классы, действительно могли развивать свою диалектику. Но для этого евреи должны располагать собственной территорией. И такой территорией может быть только Палестина, поскольку если у евреев отсутствует материальная база для нормальных условий производства, то также верно и то, что история перевела их из категории «народа» в категорию «нации», то есть они связаны между собой «чувством родства, рожденным историческим прошлым». Эта связь, однако, возникает лишь при условии, когда общественные связи зарождаются «в одинаковых условиях производства» и развиваются до понятия «народ». В Палестине наблюдается процесс слияния евреев в единый народ. Палестина — неотъемлемая черта принадлежности евреев к единой нации; в Палестине может произойти возрождение нормального исторического развития еврейского народа.

На пороге 1917 года, несмотря на ряд изменений в организации этих сил⁵⁷, общая картина и основные направления столкновения тем не менее не изменились.

4. Деятели Октября и «еврейский вопрос».

Отношение главных деятелей будущего революционного руководства к еврейской «национальной» проблеме весьма ясно прослеживается в сухом ответе Троцкого одному из руководителей Бунда, Владимиру Медему, в ходе полемики о возможной федералистской структуре партии, предложенной социалистической еврейской организацией. По словам самого Медема, он обратился к Троцкому с вопросом, чувствует ли тот себя больше русским или евреем. «Вы ошибаетесь, — ответил будущий руководитель Красной Армии, — я социал-демократ, и этим все сказано»⁵⁸.

⁵⁵ О начальной позиции Борохова в марксистской дискуссии по национальному вопросу см. статью Р. Галлисо «Дискуссии о нации и национальности в рабочем движении» в настоящей «Истории марксизма», т. 2, (вып. 2).

⁵⁶ B. Borochov. *Classes et nation*. — In: «Partisans», avril 1970, № 52, p. 183, 180, 179.

⁵⁷ См.; например, о Бунде: N. Weinstock. *Storia del sionismo*. Roma, 1970, v. I, p. 40.

⁵⁸ Цит. по: Levin. *While Messiah tarried*, p. 291.

Возможно, психология поможет нам выявить некоторые частности, но суть в том, что Троцкий (и об этом он сам же говорит) вместе с Марксом, Каутским и Бауэром разделяет мнение о том, что неизбежная историческая судьба еврея — это ассимиляция, исчезновение его характерных черт. И это произойдет тем быстрее, чем быстрее будет идти революционный процесс, определяющий распад условий, в которых евреи стали «иными», не такими, как все. У Ленина тоже нет сомнений на этот счет. Приводя в доказательство анализ Каутского, он пишет, что единственным возможным разрешением «еврейского вопроса» является ассимиляция, и отвергает «идею еврейской национальности», которая «противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настраивая „гетто“»⁵⁹ Десять лет спустя, в 1913 году, Сталин, обращаясь к «классикам», повторяет, что историческое развитие «ведет к ассимиляции евреев»; поэтому Бунд ошибается, выступая за «автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!»⁶⁰

Ассимиляционистский тезис был принят — в теории и на практике — также немалой частью евреев, притом не только на развитом Западе. Даже когда речь идет о чисто практических целях — занятии определенных общественных должностей или овладении определенной профессией, — суть его весьма отличается от старого выбора, от того, что дало начало сложному явлению «маранизма»* которое в свою очередь уже характеризовалось равнодушием и отсутствием религиозности. Преимущественно на Западе, но также и в других частях света путь «отречения» идет через особое отрицание норм поведения закрытых групп, не приемлющих брачные союзы вне данной группы: В итоге, пишет Бауэр, «еврейский вопрос» будет разрешен «выбором влюбленных молодых людей»⁶¹. О том, что различные переходы, «обращение в новую веру» идут в двух направлениях, свидетельствует отрыв, отход от старых установок новых поколений, период которыми возникают препятствия, аналогичные тем, что возникали между израильянами и «язычниками». Осмос, определяемый смешанными союзами, заметил Каутский⁶², в действительности представляет собой сложный процесс освобождения современного мира от влияния церкви. Стало быть, ассимиляция является активным выбором, направленным

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 74.

⁶⁰ И. В. Сталин. Соч. т. 2, с. 334.

* От «мараны» — в средние века в Испании евреи и мавры, формально принявшие христианство, но тайно продолжавшие исповедовать свою старую веру — *Прим. ред.*

⁶¹ Bauer. Op. cit. p. 336.

⁶² Kautsky. Razza e ebraismo, p. 447

против общины, целиком пронизанной и руководимой «клерикальным» обскурантизмом. Тем не менее еврей — сторонник ассимиляции и ассимилированный — остается наследником и частью особой исторической реальности, которая создавалась путем дискриминации, изгнаний, преследований. Несмотря ни на что и помимо своей воли еврей продолжает жить — если не практически, то психологически — в обществе (мажоритарном) и вне его: в одно и то же время он и принадлежит этому обществу, и не принадлежит ему⁶³. В политической жизни, в революционных движениях, в особенности в мире культуры, возникают, таким образом, такие явления, которые характеризуются тем, что евреи вносят особый вклад в борьбу, организацию и прогресс познания.

В том, что рабочее движение принимает ассимиляционистский тезис, заключен следующий смысл: открыв, замкнутость евреев в их традиционной и традиционалистской реальности, где господствует и которой руководит «клерикализм» раввинов, могут привести евреев ко всеобщему интеллектуальному оскудению. Заканчивая свою работу «Раса и еврейство», Каутский утверждает: «В настоящее время евреи представляют собой значительный революционный фактор; еврейство — фактор реакционный, это тиря на ноге прогрессивного еврея». Примерно в то же время Ленин пишет, что евреи в странах, где они смогли преодолеть свою «кастовую обособленность», в полной мере смогли выявить «великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи». Против ассимиляции, продолжает Ленин, «кричат только благоговейные созерцатели еврейской „задней“». Но «лучшие люди еврейства» становятся на сторону прогресса — «процент евреев в демократических пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще»⁶⁴.

Занимаясь марксистским анализом «еврейского вопроса», нетрудно выявить те материалы и реальные сюжеты исследования — поведение политико-интеллектуальной элиты и замаскированных общин Запада, — на которые опиралась также критика молодого Маркса. Сквозь призму, разделяющую явления на элементы, видна классическая схема, предвосхищающая то, что в момент наивысшего развития обнаружит и менее развитые «этапы», но именно здесь специальный анализ еврейской проблемы неожиданно выступает в ином

⁶³ I. Deutscher. L'ebreo non ebreo. Milano, 1969, p. 39.

⁶⁴ Kaustsky. Razza e ebraismo, p. 489; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 122—123, 126. В отношении социалистического движения это явление играет важную роль в Центральной и Восточной Европе и намного менее выражено на Западе. См.: M. Beer. Fifty years of International Socialism. London, 1935, p. 103—107.

свете. Верно, что ассимиляция евреев — это результат особого исторического развития, но она не противоречит и не противостоит основному течению, а входит в него как особый случай со своими, более ускоренными темпами развития. Капитализм, пишет Ленин, порождает всемирно-историческую тенденцию «к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к *ассимилированию* наций». И это является решающим моментом, «составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁶⁵. Присущая капиталистическому способу производства «естественная» противоречивость развития определяет, однако, и то, что процесс этот дифференцирован, запутан, сложен. Поскольку развитие капитализма не обязательно побуждает к самостоятельной жизни все нации, рабочее движение должно сознавать, что оно не является поборником всех и всяческих национальных (националистических) требований и что все то, «что есть прогрессивного» в «национальных массовых движениях», является отражением постоянной эксплуатации и «угнетения наций» также и в рамках современного национального буржуазного государства. Для достижения основной цели — единства пролетариата под знаменем революции — необходимо, следовательно, включать в революционную программу и революционную борьбу те национальные требования, осуществление которых мешает капиталу обострять национальное неравенство и еще сильнее зажимать в свои тиски эксплуатируемых⁶⁶. В этом контексте следует рассматривать и утверждение права на самоопределение, отрицание которого «неизбежно означает на практике поддержку привилегий господствующей нации»⁶⁷. Конкретное выражение этого права есть возможность отделения, образования независимого национального государства. И тут становится невозможно найти общий язык с еврейскими массами и их организациями, выступающими за разрешение вопроса «здесь и теперь». Здесь же появляется и нечто вроде «соучастия» с сионизмом, борьба против которого со стороны большевиков будет всегда носить острый характер. Если невозможно иное решение национального вопроса, кроме как путем создания сепаратного государства, какие же перспективы ожидают еврея, который не отрекается от присущих ему специфических особенностей? Таким образом, сионизм получает косвенное теоретическое и политическое подтверждение своей законности.

Возможность создания независимого государства означа-

---

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 125.

⁶⁶ См., например, работу В. И. Ленина «Проект платформы к IV съезду социал-демократии Латышского края» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 203—211).

⁶⁷ Там же, т. 25, с. 288—289.

ет (исторически), что определенная территория принадлежит определенной нации. Общий язык и общая территория «два основных признака... национальности». Ленин оспаривает оба эти понятия по отношению к евреям. Русские евреи, пишет он, образуют общину, «языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости»⁶⁸. Сталин, возвращаясь к тезисам Ленина и систематизируя их, вновь говорит об отсутствии территории и продолжает называть жаргоном язык, который уже дал жизнь великой литературе и блестящему театру и которому сам Ленин не мог отказать в достоинствах как средству национального общения, когда в 1905 году РСДРП приняла решение опубликовать на идиш свои документы⁶⁹. Сталин тем не менее идет дальше. Для того чтобы пояснить «невозможность сохранения евреев как нации», недостаточно объяснения, уже предложенного Каутским⁷⁰, объяснения, касающегося отсутствия территории. Можно проанализировать влияние этой основной категории на социальную структуру еврейского народа, как это сделал Борохов. К тому же самому в аналитическом плане подошел и Сталин, хотя политические выводы носят у него противоположный характер. Русские евреи могут лишь исчезнуть как нация, поскольку для них характерно следующее: почти абсолютное большинство занято в промышленности и торговле, исключительно высок уровень урбанизации и почти нет «связанного с землей ...слоя, естественно скрепляющего нацию не только как ее остов, но и как «национальный» рынок»⁷¹.

Что касается евреев, но и не только их, реальная жизнь вступала в явное противоречие с прямолинейностью теоретической разработки. Кратчайший путь преодоления этого логического затруднения Сталин увидел в различии между «нацией» и «национальным характером», что — хотя и отдаленно — напоминает рассуждения, связанные с определением «нации» и «народа» у Борохова. Сталинское определение известно: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры».

Когда у этого организма, который «подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец», отсутствует хотя бы одна из характерных черт, он теряет отличительные признаки нации («Только наличие всех признаков, взятых

---

⁶⁸ Там же, т. 8, с. 73.

⁶⁹ Там же, т. 10, с. 266—269.

⁷⁰ K. Kautsky. Il massacro di Kischinev e il problema ebraico. — In: Il marxismo e la questione ebraica", p. 341.

⁷¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 333.

вместе, дает нам нацию»). Группа людей, которая определяет себя или определяется по одному или нескольким основополагающим элементам, образующим нацию, — уже (или еще) не нация. Это просто хранительница некоторых национальных черт. В этом понятийном контексте, по Сталину, не являются единой нацией «русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи», а по другим признакам не являются ею также немцы и латыши в Прибалтийском крае⁷². Борохов рассматривал совокупность понятий народа и нации как две последовательные стадии эволюционного процесса: став нацией, народ уже не теряет национального характера. Сталин предлагает менее механистический и прямолинейный подход, не делая, однако, из этого необходимых практических выводов. Политическая перспектива остается туманной и зажатой в тиски концепции отделения через самоопределение либо ассимиляцию. Неразрешенный вопрос заключен в широком и глубоком понятии «национальные признаки». Какую же степень самоопределения и в то же время отделения — дискриминации носят в себе «национальные черты»? Если они определяют отчуждение меньшинства большинством, а стало быть, еще более подчеркивают специфические черты меньшинства, то их значение становится шире, они охватывают всю реальность меньшинства и превращаются в тотализирующее понятие. Тогда нацию можно признать, и она будет признана благодаря этим абстрактно-пристрастным элементам. Историческая роль большинства как питательной среды для особых черт меньшинства проявляется со всей очевидностью. Об этом, и в связи с евреями, уже говорил Спиноза: «То, что именно ненависть людей поддерживает их, давно известно из опыта»⁷³. Таким образом, вновь появляется антисемитизм, основная роль которого — укрепить и возродить еврейство.

Ленин безоговорочно осудил антисемитизм, и в его осуждении чувствуется явное беспокойство по поводу того, что антисемитизм может исказить основную тенденцию к ассимиляции. Но, вместо того чтобы побудить Ленина сделать дальнейшие аналитические шаги, это обстоятельство, по-видимому, сковывает его в его двойной борьбе с проявлениями антисемитизма и против утверждения еврейской национальной общности, за что, помимо сионистов, выступали также и еврейские рабочие организации. Отсюда — упрощение проблемы в плане конкретики, прекрасной иллюстрацией чего является статья, полемический пыл которой направлен против Бунда: «Нужна ли «самостоятельная политическая партия»

⁷² Там же, с. 296—297.

⁷³ B. Spinoza. Trattato teologico-politico. A cura di A. Droetto ed. E. Giancotti Boscherini. Torino, 1972, p. 92.

еврейскому пролетариату», опубликованная в «Искре» в феврале 1903 года. Главная причина столкновения заключается в анализе социальных признаков антисемитизма. Бундовцы, основные выразители идей абсолютного большинства русского еврейства, предлагают в вопросе об антисемитизме особо подчеркнуть участие в антисемитских выступлениях также и рабочих слоев, то есть исключительно революционной части общества. А это, естественно, ведет к постановке иных вопросов, а не только вопроса о признании влияния антисемитизма на прочие слои общества (например, крестьянство) — вопроса, который в свое время ставил и анализировал Бебель⁷⁴. Русские евреи на собственном опыте почувствовали политически реакционный характер антисемитизма и его подчиненность интересам правящих кругов. Они не отказываются (это придет позднее) от мысли, что марксизм, по крайней мере в основных чертах, способен объяснить это явление⁷⁵. Однако, как пишет русская «Еврейская энциклопедия», вышедшая в Петербурге в 1908—1913 годах, они знают следующее: если в основном верно, что «в те ужасные дни ведущая роль выпала на долю мелкой буржуазии», верно и то, что при участии «в погромах всех классов общества, в различных местах именно рабочий класс был, так сказать, их единственным исполнителем»⁷⁶. С точки зрения Бунда, подобный факт подчеркивал необходимость создания особой организации еврейского пролетариата и необходимость «руководства» с ее стороны всеми областями деятельности, которые охватывали еврейских рабочих. Естественно, что такое требование было мотивировано определенным чувством недоверия, которое впоследствии легко могло стать причиной дальнейших расколов, но также очевидно, что в нем в более или менее открытой форме ощущались и определенное беспокойство, и определенное предложение. Беспокойство заключалось в том, что расхождение могло стать еще шире: не стоит забывать, что в те годы на повестке дня еврейской общины и еврейских организаций стоял вопрос об активной и вооруженной самозащите; а предложение заключалось в том, чтобы взять на себя ответственность за весь комплекс проблем, включая борьбу против сионистской пропаганды. Антисеми-

---

⁷⁴ *Bebel. Socialdemocrazia*, p. 275.

⁷⁵ О возможности применения марксистского анализа к пониманию основных направлений антисемитизма я останавливался в моей работе: *R. Finzi. Per una interpretazione materialistica della "questione ebraica"* Предисловие к итальянскому переводу: *Poliakov. Histoire... v. I, p. VII—XXVI.*

⁷⁶ Цит. по: *Poliakov. Histoire...*, v. 4, p. 144. Большевики особо настаивают на мелкобуржуазном характере «участия масс» в «чернотенных демонстрациях» и погромах (см.: *L. Trockij. 1905. Firenze, 1970*, p. 50: книга Троцкого, как известно, написана в 1922 году).

тизм повсюду пускал свои вредные корни, и его искоренение должно было превратиться в сознательные программные действия. Если была ясна его основная роль как опоры реакции — а это было неоспоримо,—то необходимо было бороться с ним повсюду, что было уже общей, а не частной задачей.

Но бундовская полемика тем не менее, кажется, принимает форму особого требования. Во всяком случае, так воспринимает ее Ленин, который видит в ней воскресение «сказки сионистов о вечности антисемитизма». Отсюда и обязательный поворот в ходе дискуссии. Тем, кто считает антисемитизм чем-то вроде категории духа, следует напомнить о его исторической и современной роли классового оружия. Ленин напоминает, что есть *«несомненная связь антисемитизма с интересами... буржуазных, а не рабочих слоев населения... общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих»*⁷⁷

Рецепт лечения этих остаточных явлений феодального способа мышления прост — это организация и культура. Такова программа власти Советов. Однако умы многих евреев волновал вопрос: достаточно ли для этого организации и образования? Этот вопрос встал еще острее, например, в 1907 году, если почитать «Бакинский пролетарий» того времени. На Лондонском съезде РСДРП «большинство меньшевистской фракции составляют евреи... Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи... По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики — еврейская фракция, большевики — истинно-русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»⁷⁸.

Эта плоская шутка в России, по которой волной катятся погромы, выходит из-под пера Сталина, занятого ответственной работой по пропаганде большевистских позиций и разоблачению — как написано в прославляющей его биографии — «классовой природы меньшевизма как мелкобуржуазного критического течения». Но косвенно заметки делегата Джугашвили говорят о широком участии и роли евреев в российском революционном движении: если не учитывать большевиков и допустить, что меньшевистские делегаты еврейского происхождения на съезде составляли не более трети фракции, то получается, что 4,1% населения Российской империи представляли 27% участников съезда⁷⁹.

---

⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 121.

⁷⁸ И. В. Сталин. Соч., т. 2, с. 50—51.

⁷⁹ Там же, с. 48.

5. «Наиболее угнетенная и затравленная нация»

Революция 1917 года освобождает евреев от всякого рода юридической дискриминации, и участники ее мужественно борются против антисемитизма. Это общепризнанный факт⁸⁰. Борьба кончается тем, что виновники и подстрекатели антисемитских выступлений ставятся вне закона. Этот принцип впоследствии был закреплен в советском законодательстве, и каждый, кто разжигал этническую или расовую ненависть, нес наказание⁸¹. Но в отношении антисемитизма применение этого орудия власти, начиная с определенного момента и в дальнейшем, не получило особого распространения в юридической практике.

Ведя борьбу против антисемитов, Советская власть без видимого теоретического обоснования меняет свое отношение к еврейскому «национальному вопросу». Тезисы к X съезду (1921) РКП(б) вполне определены:

«Кроме... наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие ни определенного классового строения, ни определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др. нацменьшинства): Политика царизма состояла в том, чтобы свести на нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равноправие наций проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития»⁸².

Может показаться, что преемственность между либеральным тезисом освобождения и позицией коммунистов преодолена и «еврею как таковому принадлежат все права, евреям

---

⁸⁰ См., например: *Poliakov. Dall'antisionismo*, p. 19—26; *S. Ettinger. Eredità antisemita in Russia e sua influenza nei tempi*. — In: «Gli ebrei nell'Urss», p. 88—89.

⁸¹ «Антисемитизм и еврейские погромы пагубны для дела революции рабочих и крестьян... [Совет] приказывает всем Совдепам принимать все необходимые меры по искоренению антисемитизма. Настоящим декретом постановляется объявить вне закона виновников и подстрекателей погромов». Этот декрет от 27 июля 1918 года приведен в кн.: *B. D. Weinryb. L'antisémitisme en Russie Soviétique*. — In: «Les juifs en Union Soviétique», p. 395. См. также: *W. Korey. La situation juridique des juifs soviétiques: étude historique*, *ibid.*, p. 135—136.

⁸² *И. В. Сталин. Соч.*, т. 5, с. 26—27.

как группе — никаких»⁸³. Конечно, определенные шаги в этом направлении уже делаются, но тем не менее многие вопросы остаются открытыми.

Чтобы понять позицию, которую начинают теперь занимать находящиеся у власти большевики, надо на какое-то время вернуться немного назад. Действительно, различные ленинские высказывания отражают тот факт, что в условиях России трудно было отрицать за еврейским меньшинством право называться нацией. В тех же «Критических заметках по национальному вопросу», в которых Ленин, пользуясь терминологией Каутского (отличавшейся, как мы уже видели, от терминологии Бауэра), определяет восточное еврейство как «касту», он говорит о «наиболее угнетенной и затравленной нации» практически теми же словами, какими говорится в законопроекте о национальном равноправии. Этот законопроект был подготовлен в 1914 году для большевистской фракции в Думе. Он не содержал позитивного предложения для решения национальных проблем, а просто отражал стремление уничтожить узаконенную дискриминацию. Таким образом, законопроект исходил из «классической» либеральной точки зрения на отмену всяческих ограничений, которым подвергались все национальные меньшинства, но «он особенно подробно останавливается на ограничениях против евреев. Причина понятна: ни одна национальность в России так не угнетена и не преследуема, как еврейская»⁸⁴.

Можно было бы умножить число примеров, иллюстрирующих эту разницу между лингвистическим оформлением и теоретической разработкой до и после революции (как, например, в обращении 1919 года) у Ленина, а также у Сталина. Это объясняется разными причинами: ролью, которую играл антисемитизм на российской политической сцене со второй половины XIX века и вплоть до революции; наличием сильного еврейского течения, которое определяло себя как нацию; тем фактом, что в общем сознании масс евреи были «иной» общностью, притом не только и не столько из-за их религии — хотя последняя все-таки являлась фундаментом этого отличия.

Между этими трудными и беспомощными попытками втиснуть реальность русского (да и вообще восточноевропейского) еврейства в рамки традиционных марксистских схем по еврейскому вопросу и еще более тесные рамки тезисов к X съезду стоит ноябрь 1917 года. Для евреев это не только дата взятия Зимнего дворца, но и время, когда все узловые моменты национального вопроса становятся ясно видимыми.

---

⁸³ G. L. Mosse. Il razzismo in Europa. Dalle origini all'olocausto. Bari, 1980, p. 201.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 16.

Как мы читаем в Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 года, написанной комиссаром по делам национальностей Сталиным, после того как пронесся освободительный ветер революции, в бывших царских владениях осталось лишь одно неравенство — это неравенство «народов *России*, терпевших и терпящих гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно». Следующее затем напоминание о царской политике, которая натравливала одних угнетенных против других, вызывая погромы, не могло не вызвать в сердцах всех людей определенного отклика и особого отношения⁸⁵. В то время как российские евреи едва завидели просвет, хотя еще и не разглядели сквозь ячейки плотно связанной теории самоопределения, как их право в качестве определенной группы может быть практически осуществлено, сионизм одержал свою главную политическую победу: 2 ноября 1917 года Хаим Вейцман уже держал в руках столь желанную бумагу — ту самую декларацию, которая вошла в историю под названием «декларации Бальфура» и в которой одна из великих мировых держав, Великобритания, признавала право евреев на «национальный очаг» в Палестине.

Зажатые в тиски между позицией большевиков, которые не видели возможности практического положительного решения проблемы, и сионизмом, который представлялся силой и вызывал глубокий отклик, еврейские рабочие организации «продолжают, — пишет бывший центристский лидер в Бунде, а затем председатель евсекции Мойше Рафес, — вести упорную борьбу против большевистских „утопий” и „демагогии”»⁸⁶. Исторический разрыв, который привел Бунд на сторону меньшевиков, объективно ослабил силы революции и обеспокоил советское руководство. Разумеется, Бунд и другие еврейские рабочие партии не представляли всего еврейства. Еще жив ассимиляционизм, и, более того, он усиливается. Но в крупной игре, которая теперь идет, еврейская пешка также играет свою роль как на внутренней, так и на международной «шахматной доске». Миграционная волна привела к сильной концентрации евреев в различных зонах, особенно в Соединенных Штатах, где многие представители Бунда благодаря своим идеям и способностям оказали значительное влияние на уже существовавшие еврейские организации и вызвали к жизни новые группировки. Социалистическая фракция сионистов развивалась в различных частях света.

⁸⁵ «Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти (октябрь 1917—1918)». М., 1960, с. 81.

⁸⁶ *M. Rafes. Le mouvement communiste israélite. — In: "Bulletin communiste", 1, 22 juillet 1920, № 19—20, p. 25.*

Среди сил социализма, которые в разных странах смотрели на советскую революцию как на основной ориентир, было немало руководителей еврейского происхождения. Нельзя забывать также и о видных деятелях культуры — евреях. Борьба против антисемитизма, этого знамени контрреволюции и реакции, укоренилась в сердцах многих демократов.

Но это еще не все: «декларация Бальфура» добавляет еще один узел в без того запутанный клубок еврейской проблемы. Никто, в особенности коммунистическое движение, занятое укреплением собственных сил с помощью пробуждающегося национального движения колониальных народов, не оставляет без внимания истинный смысл маневра Англии, которая обещает «землю обетованную» одновременно евреям и арабам. Легко видеть, что этот момент налицо, и это понимают деятели III Интернационала. Достаточно, например, сравнить «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», подготовленный Лениным в преддверии II конгресса Коммунистического Интернационала, и тезисы, принятые этим конгрессом в июле 1920 года. Ленин, представляя свой набросок, призывает всех «дать свой отзыв или исправление или дополнение или конкретное пояснение», обращая особое внимание на 15 крупных вопросов, среди которых на втором месте он называет «Польско-еврейский и украинский опыт»⁸⁷. Ленин, который пытается объединить в этом списке наиболее острые проблемы по национальному и колониальному вопросам, уже ясно представляет себе сложность и значение еврейской реальности. Как известно, после бурного обсуждения конгресс принимает текст тезисов и развивает эти указания. С одной стороны, разоблачается антисемитизм как выражение самых закоренелых мелкобуржуазных национальных предрассудков, борьба против которых приобретает тем большее значение, «чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной... в интернациональную», с другой — одновременно с борьбой против панисламистских и паназиятских движений ведется методичная атака на сионизм. Отношению к сионизму посвящен целый параграф, тогда как в ленинском наброске об этом ничего не сказано. «Палестинское предприятие сионистов» и «вообще сионизм, который под видом создания еврейского государства в Палестине отдаст в жертву английской эксплуатации фактически арабское население Палестины», где еврейские трудящиеся представляют лишь «незначительное меньшинство», — «яркий пример обмана рабочего класса угнетенной нации, произведенного соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии соответствующей нации». Сионизм не просто абстрактно неспра-

---

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 41, с. 161.

ведлив, он направлен против интересов слабых наций, чье спасение «в современной международной обстановке» может быть обеспечено лишь с помощью «Союза Советских республик»⁸⁸. Текст предельно ясен. Империалистический «обман... с помощью привилегированных классов угнетенных стран», который следует раскрыть широким массам на примере сионизма, недвусмысленно нацелен одновременно на две жертвы: арабов и евреев. Чтобы вывинтить детонатор и избежать взрыва со стороны этих масс, взрыва, который пойдет на пользу империализму и правящим кругам обеих наций, необходимо во всей полноте осознать глубину проблемы и разрешить ее «здесь и теперь». И речь идет не столько о «еврейском вопросе», сколько о «еврейских вопросах»: там, где существуют различные, отличающиеся друг от друга еврейские общины, для решения этого вопроса необходимо отвергнуть не только сионистскую затею с Палестиной, но и сионизм вообще. Эта попытка — по крайней мере в том, что касается России, — была сделана на X съезде.

Сосуществование признания реальности российского еврейства, с одной стороны, и теоретического анализа необходимости его исчезновения — с другой, показывает, что большевики, стоящие у власти, должны были представлять себе во всем объеме тот практический путь, который надо было пройти от средневековой дискриминации, существовавшей при царизме, до будущего исчезновения еврейства. Этот путь сокращается благодаря активному процессу ассимиляции, чему есть масса доказательств, среди которых не последнее место занимает сионистская пропаганда, осуждающая исчезновение российского еврейства «как одного из звеньев в цепи всемирной еврейской общины», поскольку молодое поколение «постепенно растворяется в населении новой России, усваивая ее идеалы»⁸⁹. Другой путь — это путь признания национального характера еврейства, формально санкционированный заявлением 1932 года, в котором признавалась принадлежность израильтян к еврейской нации, и создания Еврейской автономной области в рамках РСФСР (статья 22 Конституции СССР 1936 года). Таким образом, правовое решение этого вопроса в СССР было принято на территориальных основах. Политическое же (и организационное) направление тезисов X съезда, несомненно, было ближе к теоретическим разработкам проблем культурно-национальной автономии. В этом направлении были сделаны шаги уже в августе 1922 года, когда Белоруссия признала идиш одним из своих четырех официальных языков. Это признание было санкцио-

⁸⁸ «Коммунистический Интернационал в документах». М., 1933, с. 128—129.

⁸⁹ С. Weizmann. Il problema ebraico e Eretz Israel. Città di Castello, 1937, p. 7.

нировано и другими официальными актами в 1921, 1924 и 1927 годах⁹⁰. Итак, в Белоруссии было удовлетворено требование еврейского меньшинства (как и прочих этнических меньшинств) с политических и теоретических позиций партии. Разве Ленин не одобрял в своих «Критических заметках по национальному вопросу», например, наличие в Швейцарии трех официальных языков?⁹¹ Начинали складываться основы такого положения, когда (как говорил Сталин) перед лицом объективно-исторической реальности ассимиляции⁹² субъективная реакция евреев (конкретно говоря, антисемитизм еще не исчез и давала себя знать длительная история преследований), склонных ставить и предлагать прежде всего условия гарантии своих прав в качестве особого сообщества, могла исчезнуть в позитивном процессе слияния с новым строящимся обществом. Но здание, возводимое на фундаменте, заложенном X съездом, должно было строиться по-другому: его строители продолжали верить, что еврейская нетипичность, о которой говорилось в тезисах, должна рассматриваться как отправной пункт не столько в целях нахождения оригинального решения, сколько с тем, чтобы «нормализовать» еврейскую нацию, пусть даже с помощью особых, специфических методов.

Обязательство партии предоставить евреям возможность «полностью осуществить их собственное свободное национальное развитие» было конкретно подтверждено созданием «еврейских секций» в различных комиссариатах, а также и в Российской коммунистической партии, которая вела работу «по поиску соответствующих организационных форм как в общественных, так и в партийных организациях»⁹³. Невозможно проследить сложный путь «еврейских секций» вплоть до их роспуска в январе 1930 года, поскольку — как писал в декабре 1929 года журнал «Октябрь» — «остатки секционности и сепаратизма должны быть ликвидированы. Деятельность евреев должна составлять органическую часть общей работы партии, а ответственность передана партийным комитетам»⁹⁴. Давайте, однако, хотя бы в общих чертах, проследим за направлением деятельности «еврейских секций» и партии, а также рассмотрим последствия этой деятельности, и не только для евреев в СССР.

Отправным пунктом здесь является вновь подтвержденная

---

⁹⁰ *Korey. La situation juridique*, p. 119.

⁹¹ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 24, с. 138—139.

⁹² *И. В. Сталин. Соч.*, т. 2, с. 335—340.

⁹³ *Rafes. Op. cit.*, p. 28. В 1919 году Бунд принимает платформу советского правительства, а в 1920 году — программу большевиков с требованием права войти в коммунистическую партию в качестве отдельной организации, в чем ему было отказано. В 1921 году Бунд был распущен.

⁹⁴ Цит. по: *Gitelman. cit.*, p. 477

в тезисах X съезда нетипичность социальной структуры еврейской нации. Марксизм, застывший в своем экономическом подходе, впрочем во многом присущем и социалистическому крылу сионизма, видел в свободном и реальном развитии еврейства лишь результат устранения этой аномалии: достаточно было посмотреть на цифры и перенести их на географическую карту. Основное отличие, особо характерное для Советской России, было в почти что полном неучастии евреев в сельскохозяйственной деятельности. И вот в январе 1925 года родился Комзет, или на идиш Гезерд, общество землеустройства евреев-трудящихся СССР. Этот план рассматривался как важная идея партии и государства. В состав руководства новой организации был даже включен «все-союзный староста» Михаил Калинин. Многообещающая идея: превратить в сельских тружеников миллион евреев. 40 тысяч семей немедленно просят принять их в эту организацию, но не хватает фондов. Несмотря ни на что, в 1925—1928 годах, особенно на Украине и в Крыму, на земле обосновалось около 200 тысяч евреев⁹⁵. Здесь важно подчеркнуть гомологичный характер этого мероприятия. Оно похоже на сионистскую колонизацию Палестины. Подчеркнем также и преемственность этого плана в свете сталинского определения нации, совпадающего с заметками Сталина и Ленина о еврействе. Создание широкого слоя евреев-крестьян могло привести социальную структуру иудейского меньшинства к общему знаменателю и одновременно способствовать началу преодоления его второй нетипичной характеристики — отсутствия твердой и постоянной связи с определенной территорией. Превратив евреев в крестьян, можно было бы создать и еврейскую территорию, а после поражения и роспуска Бунда сионизм, против которого, впрочем, ведется постоянная борьба, фактически одержит победу. Результаты этого проявились как в начале, так и в конце процесса. Ввиду финансовых трудностей, связанных с привлечением евреев в сельское хозяйство, «руководство Гезерда прибегло к старому еврейскому методу, состоявшему в том, что оно обратилось с воззванием к евреям всего мира с просьбой предоставить необходимые фонды и подписало договор с Американским еврейским комитетом распределения помощи⁹⁶. Убежденные в настоятельной необходимости связи между нацией и территорией, советские руководители намеревались на втором этапе, так сказать, «нормализовать еврейскую нацию», причем в категориях, напоминающих старую и развенчанную идею сионистских «территориалистов»: они просто-напросто выду-

⁹⁵ C. *Abramsky*. Le projet de colonisation du Birobidjan 1927—1959. — In: "Les juifs en Union Soviétique", p. 97—98; Carr. La rivoluzione bolscevica, p. 500.

⁹⁶ *Abramsky*. Op. cit., p. 98.

мывают место поселения евреев на границе с Маньчжурией— Еврейскую автономную область со столицей в Биробиджане, что не отвечает даже установкам советской пропаганды, если верно, что теоретически этот шаг должен был бы соответствовать принципам «добровольного» образования автономных областей «малых народов», населяющих территорию «некоторых союзных республик»⁹⁷.

Тем временем еврейская социальная реальность развивается и изменяется в конкретной обстановке крупных перемен, вызванных революцией и построением новой экономики. Продолжается эмиграция, но прежде всего евреи — по традиции и по своим устремлениям, а также из-за своего преимущественно «городского» характера — смогли способствовать удовлетворению особых требований послереволюционного периода, когда, после того как «большая часть старой русской бюрократии и интеллигенции не приняла революции, покинула страну или, во всяком случае, не стала сотрудничать с новым строем»⁹⁸, образовалась масса вакантных мест и возникла необходимость в новых кадрах квалифицированных специалистов. Евреи отвечают на это широким участием. Вот иллюстрация этого явления. Алек Ноув в своих демографических исследованиях, касающихся еврейства в СССР, восстановил картину наличия евреев в Красной Армии в 1929 году. По отношению ко всему населению евреи составляли 1,7%. Общее число евреев в армии — 2,9%; оно снижается до 1,61% среди унтер-офицерского состава и поднимается до 3,44% среди высших офицеров, до 4,28% — среди офицеров и 8,62% — среди офицеров-политработников. Наум Гольдман, будущий президент Всемирного еврейского конгресса, аккредитованный в качестве наблюдателя при Лиге Наций, познакомился там с советским министром иностранных дел Максимом Литвиновым. Он рассказывал: «Однажды Литвинов приехал в Женеву в составе делегации из 14 человек. 11 из них были евреями. Я спросил министра: «Зачем вам этот миньян?» Литвинов, очень хорошо владевший идишем, рассмеялся и объяснил: „Все очень просто. Мне нужны люди, говорящие по-французски, по-английски и по-немецки, а в России только евреи знают иностранные языки”»⁹⁹.

Дистанция, отделяющая нас от того времени, может быть показана на примере еще одного разговора Гольдмана с другим министром иностранных дел, Андреем Громыко. Дело происходит где-то в середине 70-х годов. Еврейский руково-

⁹⁷ V. Karpinski. Struttura sociale e statale dell'Urss. Mosca, 1949, p. 53.

⁹⁸ Ettinger. Eredità antisemita, p. 88.

⁹⁹ Goldmann. Le paradoxe juif, p. 40. Миньян — собрание по крайней мере 10 молящихся. Что касается цифровых данных, см.: A. Nove, J. A. Newth. La population juive: évolution démographique et structure professionnelle. — In: "Les juifs en Union Soviétique", p. 218.

датель обращается с просьбой к некоторым экспертам исследовать вопрос о наличии лиц еврейского происхождения среди советских дипломатов. Процент оказывается исключительно низким и поэтому весьма показательным в глазах Гольдмана. Об этом сообщают Громыко, но он считает, что этот факт ничего общего не имеет с антисемитизмом, и объясняет, что, «в сущности, евреи — народ интернациональный». Это не говорит о том, что они нелояльны, но, «на наш взгляд, у них слишком много друзей, родственников и связей. Аналогично и положение с украинцами, у которых много общин за границей»¹⁰⁰. Эта версия похожа на правду, хотя возможны и другие версии.

Две крайние точки зрения высказываются в ходе весьма жаркой полемики о положении евреев в СССР. Критики СССР считают, что еврейская община — это преследуемое сообщество. Официальная же пропаганда утверждает, что это — национальная группа, целиком интегрированная обществом. Между этими двумя точками зрения обнаруживается — при менее пристрастном анализе — еще одна, занимающая промежуточное положение. Хотя она и признает, что наследие антисемитизма отвергнуто, она в то же время констатирует постоянное недоверие к евреям, отчего в их психологии постоянно живы призраки святой Руси. По этому пути трудно двигаться вперед, поскольку он усеян многочисленными пропагандистскими капканами. Жизнь советских евреев в качестве определенной группы населения кажется довольно трудной, и на живом теле страны там и сям появляются очаги открытого антисемитизма, с которым когда-то как с идеологией и практикой было покончено твердой рукой — но эта твердость впоследствии куда-то пропала. Постоянное отрицание каких-либо проявлений антисемитской политики официальных властей, осуждение антисемитизма в качестве формы шовинизма, пережитка «человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма»¹⁰¹, не могут рассматриваться иначе, чем просто выражения, хитроумно защищающие официальные истины с целью скрыть совсем иную политику. Вопрос, мне кажется, надо переформулировать так: можно ли объяснять двоякую правду о евреях СССР вне всякой зависимости от пропагандистской «лживости»? Мало, конечно, ссылаться на недостаток воспитательной работы в борьбе против бациллы, которая таилась и таится в глубинах индивидуального и коллективного сознания. Мало также и потому, что этот недостаток в какой-то степени есть и следствие. А именно, он следует из «отличия»,

¹⁰⁰ Goldmann. Op. cit., p. 206—207

¹⁰¹ Так в 1931 году Сталин отвечал на запрос Еврейского телеграфного агентства. Этот ответ был впервые опубликован в «Правде» в ноябре 1936 года (см. И. В. Сталин. Соч., т. 13, с. 28).

«непохожести» евреев, как это было представлено народам СССР, а получилось так из-за разрыва между конкретной исторической реальностью еврейства и решениями, найденными для евреев и осуществленными Советской властью. Это в одно и то же время признание и практическое отрицание их национальных особенностей: признание еврейской национальности де-юре и осуществление ее прав на азиатской территории, не имеющей отношения к требованию евреев «здесь и теперь», как и к их истории. Почему именно биробиджанский «территориализм», а не палестинский сионизм, если составляющей частью «национального характера» является, по Сталину, общность «психического склада, проявляющегося в общности культуры»? Еврей, обосновавшийся в городе, не приемлет этой автономной области, которую, как мы видели, теоретически должны были основать сами евреи, с тем чтобы потом получить формальное признание. Власти — и об этом ясно говорят Хрущев и Громыко — всегда могут связать с подобным отказом все неразрешенные проблемы¹⁰². Неосознанное наследие антисемитизма в массах будет питаться этой возрожденной «непохожестью». Новые доказательства верности этим предрассудкам найдутся в том же самом вовлечении евреев в революционную борьбу, в новой советской реальности, в положительном отношении к эмансипации, за которую боролись Советы, со стороны евреев, которые вместе с другими народами вносят свой вклад в дело развития социалистического общества; а отсюда — тенденция к ползучей дискриминации¹⁰³.

Из этого беглого наброска мы исключаем и оставляем в тени многие — даже немаловажные — стороны вопроса: использование антисемитизма в политических целях задолго до создания Еврейской автономной области¹⁰⁴, его постепенное возрождение¹⁰⁵, психологические и политические результаты

¹⁰² См., например: *Goldmann. Le paradoxe juif*, p. 201; *O. Eliasch. Il pogrom inventato*. — In: «Il filo rosso», I, maggio 1963, № 2, p. 90—91.

¹⁰³ См., например: *Korey. La situation juridique*, p. 129—131.

¹⁰⁴ «Антиеврейские намеки сталинской пропаганды казались Троцкому настолько чудовищными, что он, обычно весьма сдержанный в этом вопросе, не мог не реагировать и в марте 1927 года написал Бухарину: .....как может быть верным, как может стать возможным то, что в нашей партии, в Москве, в первичных рабочих партийных организациях так безнаказанно ведется антисемитская агитация?» (*Deutscher L'ebreo non ebreo*, p. 89—90).

¹⁰⁵ Среди многих примеров у нас есть прямое свидетельство Артура Лондона, которому сталинские инквизиторы в Чехословакии кричали: «Вы и ваша грязная раса, вы все будете уничтожены!.. Гитлер был тем, кем он был, но он уничтожил евреев, и это уже много! Слишком много спаслось от газовых камер, но куда не добрался он, доберемся мы» (*A London. La confessione. Nell'ingranaggio del processo di Praga. Milano, 1969*, p. 49). Некоторое время спустя сталинский режим сфабриковал «заговор врачей», антисемитский характер которого сразу же стал ясен. Почему же Хрущев, который осудил эту фальшивку, даже и не намекает

истребления нацистами евреев, поворот, определивший возникновение Израиля, который стал защищать собственную независимость, только что санкционированную международным сообществом, с помощью оружия из стран восточного блока, а затем и все развитие ближневосточного конфликта. Но исторические корни растущей некоммуникабельности, возможности двусторонней пропаганды в духе взаимных обвинений, основанных с обеих сторон на умышленном смешении евреев и Израиля, сионизма и еврейства, а стало быть, антисионизма и антисемитизма, — все это свидетельствует о неспособности в теоретическом и политическом плане преодолеть рамки освобождения хотя бы и последовательно либерального толка, а затем, разобравшись в его непригодности, избрать путь, который может привести к разрешению проблемы и который требуется в связи с особенностями еврейства. Правда, еще надо доказать, что для этого необходим марксистский анализ. Ибо в те же годы возникают признаки как раз противоположного порядка.

6. От «еврейского вопроса» до палестинской проблемы

В мае 1970 года один журнал, который, изменив курс, стремился стать инструментом идеологического анализа с целью подготовки «плацдарма общей борьбы революционеров ближневосточного региона»¹⁰⁶, организовал colloquium по «материалистическому пониманию еврейского вопроса». Открывая эту встречу, Максим Родэнсон, не вызвав особых возражений, предложил два основных ориентира для дискуссии: теории Борохова и Леона. Первый был и сионистом, и социалистом и умер в конце 1917 года, за несколько дней до взятия Зимнего дворца и до того, как сионисты добились принятия «декларации Бальфура»; он был одним из главных действующих лиц дооктябрьских политических столкновений и теоретических дискуссий. Второй в возрасте 26 лет погиб в Освенциме. Придя к троцкизму через «бороховизм», он в разгар войны размышлял о судьбах евреев, создавая труд, который окажется в центре внимания лишь после его переиздания в 1968 году¹⁰⁷. Выбор Родэнсона, а с ним и участников париж-

---

на это в своем знаменитом секретном докладе? О ползучем распространении антисемитских настроений в сталинский период см. также меморандум, опубликованный в кн.: R. Medvedev. Lo stalinismo. Milano, 1977, v. II, p. 630—632.

¹⁰⁶ См. предисловие к: "Israc", 5 (gennaio-mazzo 1971), p. 2.

¹⁰⁷ Книга Леона вышла на французском языке в 1946 году, в 1950 году появилось английское издание, которое, по словам итальянского переводчика, гораздо информативнее в своей библиографической части (A. Léon. Il marxismo e la questione ebraica. Roma 1968, .p. 5), но это тем не менее еще следует проверить (один из примеров приводит-

ского симпозиума в мае 1970 года явно пристрастен. Он вдохновлен противопоставлением революции реформизму, и поэтому из поля зрения анализа априорно исключалось все, что считали неревolutionным. Определив, таким образом, область исследований, перешли к определению ориентиров на основании вполне определенных политических оценок: с одной стороны, отвергался теоретический и практический опыт КПСС, а также традиции и модели, связанные с этим опытом, с другой—выдвигалась единая марксистская мерка сионистского социализма с целью как извлечь здесь указания о возможности совместной борьбы, так и отказаться от нее как аналитически фальшивой и двусмысленной в конкретном плане ¹⁰⁸.

Несмотря на пристрастность, выбор Родэнсона тем не менее выявляет один весьма существенный аспект: после Октября и вплоть до последней дискуссии 70-х годов марксизм в теоретическом плане, похоже, обходит «еврейский вопрос». Это происходит под действием различных факторов; мы здесь не можем их полностью анализировать, и, с моей точки зрения, они связаны с очень глубоким теоретическим застоем в развитии основных сторон национальной проблемы, обсуждение которой все-таки широко продолжается. Мне кажется, не случайно и не только из-за привычки возвращаться к классикам наблюдается недавний возврат к размышлениям о марксизме и национальном вопросе, причем преимущественно в связи с периодом на рубеже XIX и XX веков ¹⁰⁹. Именно в этой области делаются самые большие усилия в направлении последовательной концептуализации, и именно сюда зачастую самовластно вторгается этническая субъективность автора.

Среди специфических причин, которые влияют на неспособность марксизма идти дальше в разработке национального вопроса, дальше теорий, предшествовавших 1917 году или последовавших за ним, некоторые следует рассмотреть— пусть и очень бегло, — с тем чтобы понять, почему углубленное рассмотрение «еврейского вопроса» задерживалось.

Исчезновение многонационального габсбургского государства приводит к тому, что в политической борьбе австрийской социал-демократии вопрос о национальностях теряет актуальность и фактически устаревает ее «изобретение» культур-

---

ся в кн.: *R. Finzi. Gli ebrei nella società italiana dall'unità al fascismo.* — In: "Il Ponte", XXXIV (1978), № 11—12, p. 1377, № 16). Затем книга была переиздана на различных языках в 1968 году.

¹⁰⁸ См.: "Israc", 5, p. 28—34.

¹⁰⁹ Кроме уже цитировавшейся работы Дэвиса и «Антологин», которую мы тоже уже упоминали, под ред. Гаупта, Лови и Вейлля, см. также два выпуска "Partisans", № 60—61 (соответственно за май—август и сентябрь—октябрь 1971 года), посвященные теме «национального очага».

но-национальной автономии. Как следствие ослабевает и постепенно прерывается линия исследований, которая в контексте множества марксизмов по крайней мере позволила яснее разглядеть, а может даже, и полностью осознать необходимость (что определенным образом отражается также и в сталинском определении нации) интегрировать в концептуальных рамках научного социализма понятие (впоследствии выработанное антропологией) культуры и цивилизации, «фатальным образом абсолютно чуждое», как говорил Пьер Видаль-Наке, классическому марксизму¹¹⁰. Это реальное обеднение марксистских поисков происходит в обстановке общей геополитической реорганизации Европы, которая на первый взгляд идет по линии усиления «территориальной» концепции нации (хотя и со всеми вытекающими отсюда ограничениями и переходными моментами, обусловленными равновесием между державами), а в рамках революционного движения благодаря укреплению советской государственности территориальный признак приобретает все более обязательное значение в определении и идентификации «нации». Выделение признака «территориальности» не является функциональным лишь по отношению к созданию государства Советов. Право на самоопределение — это одно из связующих звеньев между рабочим революционным движением и национально-освободительными движениями в колониальных странах, которые обычно рассматриваются как движения, возникающие из геополитической реальности. Они обусловлены исторически, обусловлены также и историей империализма и воспринимаются как таковые. Если классовые столкновения, похоже, полностью объемлют все и всяческие формы угнетения в метрополиях, то антиимпериалистическая борьба в определенной степени охватывает и прочие противоречия колоний, которые проявляют тенденцию (следовательно, не абсолютно), к организации собственного освобождения в зависимости от обстановки. Эта сугубо реалистическая точка зрения приводит, в конкретном плане, к тому, что постоянно существующие и в разной степени острые национальные вопросы в Европе отходят на задний план. Она затуманивает основные требования национальных — зачастую деклассированных — меньшинств колониального мира, низводя их до уровня «феодаловых пережитков»; во всяком случае, она ведет к упрощению анализа сложных проблем и предлагает единственную универсально приемлемую — модель советскую.

Исчезновение Бунда (все еще продолжавшего действовать в Польше в качестве автономной политической силы), объективное ослабление теоретических позиций, с которых защищалась возможность решения национального «еврейского вопроса» «здесь и теперь» в связи с развитием освободительной

¹¹⁰ "Israc", 5, p. 25.

борьбы пролетариата, похоже, не оставляют для тех, кто, выступая в защиту еврейства, стремится построить новое общество, свободное от эксплуатации человека человеком, иного пути, кроме социалистического варианта сионизма. Не остается ничего, кроме как ожидать возрождения всех народов, в рамках которого «еврейский вопрос» также найдет свое решение. Это очень напоминает смесь прозорливого реализма и утопии в позициях Троцкого и его последователя Леона. Почти автоматический процесс ассимиляции, в который верила большая часть социалистов — будь то революционеры или «реформисты», — стал предметом широкой дискуссии, как подчеркнет затем Троцкий в одном из интервью в январе 1937 года, в связи с ходом «исторического развития последней четверти века». Впрочем, тот же Троцкий говорит об этом в одном из писем в декабре 1938 года: «Палестина кажется трагическим миражем, Биробиджан — бюрократическим фарсом». Оба эти обмана имеют одни и те же корни: идея возможности «местного» разрешения еврейского вопроса, в то время как «еврейский вопрос... неразрывно связан со всеобщим освобождением человечества». Как мы видим, у Леона тут, по сути, речь идет о возвращении к нескольким чуть-чуть смягченным тезисам молодого Маркса, во всяком случае об осознании того факта, что социализм не может по мановению волшебной палочки избежать «всех трудностей, которые создаются препятствиями на пути решения еврейского вопроса», что и подтверждается примером СССР, где особая социальная структура еврейства вызвала к жизни особые проблемы¹¹¹.

Не случайно тезисы Леона — какова бы ни была ценность исторического анализа, на котором основывается его оригинальное понимание «еврейского вопроса», считающееся «самой острой интерпретацией еврейской проблемы»¹¹², — будут постоянно фигурировать в крупных дискуссиях после 1968 года. Сионисты, не слишком отличаясь от либералов и от выразителей советской точки зрения, также показали свою неспособность разрешить «еврейский вопрос». И дело здесь не

¹¹¹ *L. Trotsky. Sur la question juive. Interview. donnée au journal "Der Weg" (Mexico) et à l'Agence télégraphique juive. — In: Léon. La conception matérialiste, p. 183; Trocki e la questione ebraica. — U. Caffaz. Le nazionalità ebraiche. Firenze, 1974, p. 107; Trotsky. Op. cit., p. 185; Léon. La conception matérialiste, p. 176.* Сартр также будет придерживаться того мнения, что социалистическая революция, хотя и неотъемлемая предпосылка, все-таки не «необходимое и достаточное условие уничтожения антисемитизма» (*J.-P. Sartre. Ebrei. Milano, 1948, p. 149*).

¹¹² *E. Lobel. Gli ebrei e la Palestina. Premessa a S. Geriès. Gli arabi in Israele. Roma, 1970, p. 83.* Тот факт, что Леон использует «неподходящие исторические средства», как говорил Видаль-Наке (*"Israël", 5, p. 23*), показан в: *M. Rodinson. Op. cit. (Préface à Léon. La conception matérialiste, p. XXVII)* и особенно в: *B. Blumenkranz. Juifs et Chrétiens dans le monde occidental, 430—1006. Paris — Le Haye, 1960.*

только в численности населения, поскольку в Израиле проживает не более 18% евреев мира, но, наверное, в чем-то более сложном, так как наиболее вдумчивые сионисты подчеркивают: «То, что существование Израиля необходимо, не значит... что [еврейское] государство объединяет в себе все ценности еврейства». С другой стороны, кажется верным и замечание о том, что «еврейская проблема в настоящее время — в какой-то степени порождение существующего сионизма» со всем тем, что из этого следует ¹¹³. В свете возникшей после 1968 года великой революционной иллюзии, знаменовавшей собой несостоятельность исторических (либеральных, советских, сионистских, в особенности в их социалистическом варианте) решений, точка зрения Леона снова стала казаться актуальной.

Социалистический выбор сионистов, хотя и приобретает сторонников, все-таки остается выбором национального меньшинства среди евреев мира. Несмотря на ползучий антисоветизм внутри американского общества, в великом сообществе Соединенных Штатов быстро идет процесс интеграции, который, возможно, ускорился потому, что еврейская община весьма положительно приняла принципы либеральной терпимости, санкционированные американской конституцией еще во времена страшных гитлеровских преследований. На европейском Западе процесс ассимиляции, похоже, идет безостановочно, и — до уничтожения евреев во время второй мировой войны — политическая позиция евреев всегда была связана с определенными классовыми интересами и с определенными личными убеждениями. Там, где в еврейской общине сильнее всего чувствуется национальный характер и национальная принадлежность, там не отдается преимущества сионистскому выбору. Исаак Дойчер говорил, что «до начала второй мировой войны большая часть восточноевропейских евреев была против сионизма», а среди них «самыми фанатичными противниками сионизма были именно рабочие». В доказательство этого он приводит Польшу, где Бунд продолжал действовать вплоть до второй мировой войны. В 1939 году евреи в последний раз выбирают представителей собственных общин и Бунд завоевывает большинство. Таким образом, еврейская община в Польше выражает свою волю к социальному возрождению и в то же время нежелание отречься от своих прав. Сионизм в ее глазах олицетворял победу антисемитизма, который «практически признавал законным и действенным старый клич: „Еврен, убирайтесь вон!“» ¹¹⁴. Гитлеровская бойня из-

¹¹³ *Goldmann*. Le paradoxe juif, p. 98—99; *Lobel*. Gli ebrei e la Palestina, p. 120.

¹¹⁴ *Deutscher*. L'ebreo non ebreo, p. 81—82. См. также: *R. Abramowitsch*. Zionism, Judenfrage und Sozialismus. — In: "Der Kampf" 1929, S. 510.

менит это отношение, в особенности из-за изоляции, когда основные организации польского Сопротивления, за исключением компартии, фактически бросили на произвол судьбы сражавшихся евреев, в частности не поддержали восстания варшавского гетто ¹¹⁵.

В отношении заселения Палестины социалистические течения в сионизме постепенно завоевывают большинство. По мере того как новые эмигранты обосновываются в Палестине и сионистский социализм задолго до провозглашения израильского государства превращается в «правителя» еврейских колоний в Палестине, его руководители приобретают все возрастающий вес во всемирном сионистском движении и занимают видные места в международной политике сионизма.

«Сионистский социализм» — это этикетка, прикрывающая сложную реальность, раздираемую острыми противоречиями, которые, как всегда, тем сильнее, чем более узко поле деятельности. Марксизм же выступает здесь как позиция меньшинства. Но как бы ни были серьезны эти столкновения, для всех течений сионистского социализма единым является то, что отвергается старая «политическая» установка Герцля, по которой еврейская партия играет на досках великих держав. Этому противостоит «практическая» — кое-кто сказал бы «самодетельная» — точка зрения. Еврейский «национальный очаг» в Палестине, думали такие «конструктивисты», может быть создан с помощью завоевания земель — пядь за пядью ¹¹⁶. В сущности, речь шла о создании целой серии ячеек нового государства. Отсюда ясно, почему земли, с таким трудом полученные с помощью фондов, собранных евреями всего мира, должны быть и оставаться не чем иным, как исключительной собственностью израильтян. Конечно, сюда примешиваются и старые религиозные воззрения, и эгалитарные понятия, но основное заключается в другом. Любая приобретенная земля — это кусочек еврейского государства (еще не созданного); ее принадлежность народу, а не той или иной группе, — это, в сущности, утверждение политического суверенитета евреев на приобретенной земле, то есть того, что простое индивидуальное или коллективное владение не гарантирует. И тут мы видим разницу между желанием арабских продавцов и намерениями сионистских покупателей, разницу, которая явится одной из причин последующего конфликта.

Новые поселенцы прибывают из самой различной социальной и политической среды. Унификация такого разнообразнейшего опыта кажется невозможной, разве только путем

---

¹¹⁵ L. Poliakov. Il nazismo e lo sterminio degli ebrei. Torino, 1960, p. 302.

¹¹⁶ U. Avnery. Israele senza sionisti. Bari, 1970, p. 102.

сведения его к нулю. Коллективные поселения, которые, исходя из различных идеологий, приобретают в киббуцах формы подлинного коммунизма¹¹⁷, отвечают практическому требованию, имеющему, однако, прочные теоретические корни. Социалистический сионизм в целом уверен, что разрешение «еврейского вопроса» с возвращением в Сион должно повлечь за собой глубокие перемены в социальной структуре, а следовательно, и в образе мышления еврейского народа.

Утвердившись в своем практическом «конструктивизме», сионистский социализм, включая его марксистский компонент, не приведет к новому анализу «еврейского вопроса». Его теоретическим знаменем в большей или меньшей степени останется Борохов. И совершенно ясно почему: дело уже не в общем анализе еврейской специфики в целях разрешения вопроса, а в борьбе *ex ante* (за заранее известное решение) — за построение социализма в новом еврейском государстве и его составляющих ячейках.

В этом плане конфликт перемещается также и в международное рабочее движение. Характер еврейских поселений и сионизм вновь находятся в центре внимания Социалистического Интернационала, что приведет в 1928 году к созданию Социалистической лиги для трудящихся Палестины¹¹⁸. Дискуссия, которая развернулась между теми, кто, как Эмиль Вандервельде, относился сугубо положительно к опыту еврейских поселений в Палестине, и теми, кто выступал против¹¹⁹, касалась также и природы сионизма, а стало быть, неизбежно и главных положений «еврейского вопроса», однако в общем она не дала реально ничего нового в теоретическом плане. Да и эмпирические знания, на которые опирается анализ и благодаря которым он развивается, в сущности, остаются без изменений¹²⁰.

Марксистское крыло сионистского социализма с интересом и опаской посматривает на СССР и коммунистическое движение. Непосредственно до и после создания израильского государства¹²¹ чувствуется постоянная напряженность на пути налаживания и укрепления отношений, которые смогли

¹¹⁷ H. Darin-Drabkin. Le kibboutz société différente. Paris, 1970.

¹¹⁸ О развитии отношений между сионизмом и Социалистическим Интернационалом вплоть до Брюссельского конгресса 1928 года см. в кн.: Abramowitz. Zionismus..., S. 510.

¹¹⁹ E. Vandervelde. Die jüdischen Siedlungen in Palästina. — In: "Gesellschaft", 1928, 2, S. 163—171 (ID. Le pays d'Israel. Un marxiste en Palestine. Paris, 1929); J. Hannak. Die Krise des Zionismus. — In: "Der Kampf", 1927, S. 455.

¹²⁰ B. Borochov. The economic development of the Jewish people (1916). — In: ID. Nationalism and the Class Struggle, p. 66—67; M. Singer. Judenfrage und Zionismus. — In: "Der Kampf", 1927, S. 575—576.

¹²¹ См., в частности, документы учредительного съезда МАПАМ в кн.: Merhav. Op. cit., p. 143—144.

бы обеспечить поддержку сионистской колонизации со стороны революционных сил. Уже на следующий день после потрясения, вызванного пражскими процессами начала 50-х годов, представители марксистского крыла Израиля подчеркивают, что «национальные теории Сталина и Борохова не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга», а посему «бороховская теория национализма рано или поздно должна быть принята революционным миром», хотя, естественно, не было недостатка и в резкой критике сталинских тезисов, заклеянных как метафизические¹²². Советская сторона и коммунисты подчеркивают и постоянно ужесточают приговор сионизму, а его Пражский конгресс 1933 года был охарактеризован «Рундшау» как «редкостное переплетение национал- и социал-фашизма»¹²³. В этих рамках ничего нельзя было позволять сионистским «левым», которые, согласно анализу III Интернационала, «составляют единое целое с еврейскими фашистами и выступают в поддержку английского империализма и сионистской буржуазии»¹²⁴.

Жесткость Коммунистического Интернационала нельзя объяснить лишь одной традиционной ненавистью к сионизму, идущей от Ленина, а через него и от Каутского. «Декларация Бальфура», можно сказать, «извлекла» узловые проблемы сионизма из кокона «еврейского вопроса» и привела их в непосредственное столкновение с проблемами империализма. Стало быть, уже нет политического предложения по разрешению «еврейского вопроса», а есть прежде всего политическая сила, действующая на исключительно деликатной почве, как это отмечали деятели того же Социалистического Интернационала¹²⁵. В качестве таковой она и оценивается в контексте требований революционного движения, которые постепенно отождествлялись с государственными нуждами СССР — конечно, в результате определенных изменений в суждениях, не лишенных также и многозначительных умолчаний (как в Манифесте Исполкома Коммунистического Интернационала в ноябре 1936 года по случаю годовщины Октябрьской революции, где и намека не было на беспорядки в Яффе в апреле того же года, которые послужили началом всеобщей забастовки арабского населения, продолжавшейся с середины апреля до 21 октября). Рассмотрение всех этапов и всего размаха этих колебаний заставило бы нас дать новый обзор всей совокупности проблем Ближнего Востока за период ме-

¹²² Ibid., p. 169—170.

¹²³ Цит. по: "Storia dell'Internazionale". A cura di J. Degras, cit., III, p. 281.

¹²⁴ "Estratti da una risoluzione della Segreteria politica del Ceic sul movimento insurrezionale in Arabia (16 ottobre 1929)", p. 92.

¹²⁵ M. Bileski. Palästina im Rahmen der Orientpolitik. — In: "Gesellschaft", 1925, 2, S 345—352.

жду двумя войнами, а с появлением Израиля — также и с 1948 года до сегодняшнего дня. Одна из многих нитей этой сложной интриги непосредственно отражена на этих страницах. Коммунистический Интернационал считал единственным способом оживить революционные силы Палестины создание смешанной арабо-еврейской организации трудящихся. Но и тут, при вынесении открытого приговора сионизму, вновь подчеркивается тяжелое экономическое положение иммигрантов¹²⁶. По этому пути не могут идти марксисты-сионисты, за исключением небольшой группы активистов, из которой образуется Коммунистическая партия Палестины. Есть много объективных препятствий, и прежде всего весьма скромные размеры территории, заселенной евреями. В этих условиях было трудно рассчитывать на реальное двунациональное решение вопроса, за что впоследствии будут выступать некоторые силы в Израиле, особенно руководство «Аль Фатха», поскольку существовала опасность, что при подобном решении евреи вновь окажутся меньшинством. Двунациональное решение, предложенное Коммунистическим Интернационалом, вступало в противоречие и с сионистским марксизмом не только в практическом плане: бороховская традиция, как и весь сионизм, страдает недооценкой конкретных аспектов арабской проблемы в Палестине. Тем, кто обвинял сионистов в подготовке порабощения и изгнания палестинских арабов, Борохов в одной из речей, произнесенных в сентябре 1917 года, отвечал, что, согласно последним данным, Палестина способна принять «десятки миллионов жителей», и это позволило бы обеспечить мирное сосуществование палестинцев и новых евреев-иммигрантов. Кроме того, Борохов был на стороне тех сионистов, которые не считали, что создание еврейского государства будет означать решение еврейского вопроса в форме концентрации евреев всего мира на одной территории¹²⁷. При таком не только идиллическом, но и спорном взгляде, в свете экономического анализа палестинской реальности, прежде всего самым решительным образом исключается возможность учета и удовлетворения национальных требований палестинцев. Напротив, Борохов и его последователи принимают вместе со всеми сионистами концепцию о том, что переселение *европейских* евреев привело бы к повышению уровня цивилизации местного, *колонияльно-*го населения¹²⁸. В этом контексте можно было бы оттенить

¹²⁶ J. B. La Palestine sous lord Plumer. — In: "La correspondance internationale", VI, № 32 (13 mars 1926), p. 290.

¹²⁷ B. Borochov. Eretz Yisrael in Our Program and Tactics. — In: *ID.* Nationalism and the Class Struggle, p. 129—130; *ID.* Our Platform, p. 196—197.

¹²⁸ Ibid., p. 198, 202, 205. Об отношении сионистов см.: R. Finzi. Eretz Israel e l'arabo felice. — In: "Classe e Stato", 4 1967, p. 70—74.

предположение о том, что социалистическая еврейская колонизация Палестины заменила бы для этих стран этап буржуазно-демократической революции. Но даже под покровом идеологических столкновений (сторонников этой позиции обвиняли в троцкизме) Коммунистический Интернационал ясно разглядел политическое содержание подобного тезиса. «В конкретных условиях Палестины» это означало бы «прежде всего диктатуру небольшой группы еврейских рабочих над широкими массами арабского населения»¹²⁹.

После создания Израиля (за что в ООН голосовал также и СССР), после войн 1949, 1956, 1967 и 1973 годов и в условиях постоянно взрывоопасной ситуации на Ближнем Востоке рабочие силы Израиля, представляющие сионистский марксизм, обязаны начать коренное переосмысление еврейской проблемы. Но плоды этого переосмысления пока что зревают с трудом. Чтобы достичь результатов, необходимо вновь вернуться к прерванному ходу строго осмысления «еврейского вопроса».

---

¹²⁹ "Estratti da una risoluzione", p. 94.

Джанни Софри

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОТСТАЛЫХ СТРАНАХ

1. Дискуссия об «азиатском способе производства» от Маркса до III Интернационала

Маркс занимался Азией, исследуя две группы проблем, которые часто встречались в его работах¹. Первая касается периодизации всеобщей истории, существования в прошлом человеческих обществ с характерными фазами преобладания каждый раз различных способов производства. Вторая группа проблем связана с существованием в различных азиатских странах явлений большого значения (опиумные войны, индийское восстание и т. п.), которые не могли не привлечь внимания такого пристального наблюдателя, как Маркс. В обоих случаях Маркс уделяет основное внимание капитализму. Добуржуазные исторические фазы изучаются им прежде всего как «предыстория капитала», а азиатские события исследуются и оцениваются главным образом с точки зрения тех последствий, которые они могли оказать на развитие капитализма и на возможность его революционного преодоления на Западе. Именно поэтому Маркс не оставил законченной теории ни добуржуазных фаз, ни азиатских обществ.

Со временем менялись основные «источники» Маркса: Гегель — в первый период (но влияние Гегеля он испытывал очень долгое время), экономисты, журналисты, путешествен-

---

¹ Я коротко остановился на темах, которые представляют собой предмет этой статьи в гл. II книги „Il modo di produzione asiatica. Storia di una controversia marxista“ (Torino, 1969; 2-a ed., 1973). Я использовал ее здесь прежде всего в части, относящейся к Троцкому. К этой книге я отсылаю также для общего введения в проблему и ознакомления с библиографией, но должен предупредить, что за истекшее время появились новые, более обширные исследования. Среди них в первую очередь назову такие важные работы: L. Krader. *The Asiatic mode of production*. Assen, 1975; и издание „Ethnological Notebooks di Marx“, Assen, 1974 (краткий синтез мнений этого автора см. в статье «Эволюция, революция и государство. Маркс и этнология» в «Истории марксизма», том I: «Марксизм во времена Маркса»). Что же касается рассматриваемой здесь темы, то наиболее значительным в этой области является труд: M. Sawyer. *Marxism and the Question of the Asiatic mode of production*. Gravenhage, 1977, который я использовал по ряду вопросов. Обширная и новейшая библиография по всем аспектам проблемы, начиная от Маркса и до позднейших дискуссий, имеется в работе: L. Ulman. *The Science of society*. Gravenhage, 1977, которая является монументальной библиографией К. А. Виттфогеля.

ники 50-х годов, этнологи — в последние годы его жизни. Можно сказать, что Маркс рассматривал крупные азиатские страны как отсталые общества, не подверженные изменениям в такой степени, как европейское, более близкое, чем европейское общество, к древним и примитивным формам социальной организации. Лишь один раз он высказался «об азиатском спресе производства», включив его в перечень способов производства («азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный»). Чаще он употреблял такие традиционные выражения, как «восточный деспотизм», или более общие, как, например, «общеазиатские формы собственности», «способы производства древней Азии», «азиатские общества». Он никогда не говорил о рабовладельческой или феодальной фазах в истории азиатских стран. В общем, Маркс крайне осторожно описывал последовательность добуржуазных фаз, ни разу не указывая на обязательную последовательность смены способов производства в истории всех народов. Его изучение этих вопросов оставалось всегда открытым, «in progress» (развивающимся); интерпретация работ, посвященных им Азии (большей частью незавершенных и оставшихся при его жизни неопубликованными), в большинстве случаев является затруднительной. Достаточно вспомнить, что в течение долгого периода Маркс употреблял термин «азиатский» в одном случае как географический признак, а в других — как синоним «примитивного общества».

Маркс был, как мы можем сказать сегодня, скорее европоцентристом (учитывая эпоху, можно было бы удивляться обратному); например, он приписывал зачатки прогресса и трансформации в азиатских обществах больше влиянию Запада и капитализма, чем развитию местных потенциальных сил. Но все же он говорил с уважением о некоторых позитивных моментах в культурах азиатских стран и с большим восхищением — о способности оказывать сопротивление и вести борьбу против западных захватчиков. В большинстве случаев Маркс отмечал, что, если законы экономики и материального прогресса относились в основном к Западу, то вопросы морали и культуры относились скорее к Китаю.

В годы II Интернационала эта сложная Марксова проблематика (известная только частично) была забыта или упрощена. Колониальная экспансия достигала своей кульминации и была направлена в то время прежде всего против африканских стран, выводя на авансцену народы, которые только что преодолели трехвековое рабство и культурные традиции, которые, конечно же, были несравнимы с культурными традициями Индии и Китая. Действительно, в трудах социалистов и в их выступлениях на съездах II Интернационала полно таких выражений, как «народы, враждебные и неспособные к цивилизации», «дикари», «высшая цивилизация»

(имелась в виду, разумеется, европейская цивилизация), «народы, находящиеся в периоде детства».

Дискуссия, которая больше всего затронула работу II Интернационала, касалась следующей проблемы: могут ли, а если могут, то в какой мере, социалисты позволить втянуть себя в колониальную политику, расцениваемую всеми как историческая необходимость? Некоторые (Бернштейн, Ван Колль, Давид, Лабриола, Тревес и другие) говорили о целесообразности проведения «социалистической колониальной политики», то есть активного участия социалистов в колониальных предприятиях, с тем чтобы повсюду уменьшить страдания «местного населения». Другие же, возглавляемые Каутским, предпочитали, как Понтий Пилат, быть в стороне: «Нет, эта работа слишком грязная, чтобы пролетариат мог быть в ней соучастником. Доводить до конца это постыдное дело — историческая задача буржуазии, а пролетариат должен считать, что ему повезло, и он не должен пачкать себе руки».

С другой стороны, продолжал Каутский, не стоило беспокоиться, что буржуазия может пренебречь своей исторической задачей. Роза Люксембург решительно осуждала преступления империализма в колониях, но никогда не думала, что отсталые несвропейские народы могли бы оказаться способными на собственную инициативу для своего освобождения — только победа европейских рабочих могла бы позволить когда-нибудь эмансипировать «примитивные народы». И только Ленин, всегда внимательный к первым сигналам пробуждения Азии и сознававший важность национального вопроса, выступил достаточно решительно против этой линии. Ему пришлось действовать в такой стране, как Россия, которая сама в то время — хотя и отчасти — была отсталой и «азиатской». Уже Маркс в последние годы своей жизни занимался этой проблемой, и его замечания по этому вопросу были продолжены прежде всего Плехановым, сторонником «азиатской интерпретации» истории России. Ленин критиковал Плеханова прежде всего за демобилизующий характер его идей в политическом отношении: если Россия была еще «азиатским обществом», то тогда только буржуазная, а не социалистическая революция могла стоять на повестке дня. Ленин, напротив, утверждал, что буржуазная революция уже давно началась в России и что в середине XIX века Россия решительно вступила на путь капиталистического развития. Однако Ленин никогда не отрицал устойчивость азиатских элементов в России. «Как много старокитайского в русской жизни!» — восклицал он, например, в 1912 году* Но этих элементов было недостаточно для того, чтобы отговорить Лени-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 174. — Прим. ред.

на от революции. Наоборот, революция могла и должна была победить азиатчину и отсталость. Однако после 1917 года и до своей смерти Ленин много раз возвращался к этому вопросу, не без некоторого следа разочарования: «Россия. проделала три революции, а все же Обломовы остались...» *

Итак, возвращаясь к эпохе II Интернационала, мы можем сказать, что дискуссия по поводу Азии принимала скорее непосредственно политическое, чем теоретическое направление. Подчеркивалась идентификация между «восточным, азиатским» и «неподвижным, неизменным, отсталым». Только ленинское крыло признавало за народами Востока способность к национальной революционной инициативе. В общем же сторонники особого, «исключительного» характера Востока (в том числе и России) относились к правому крылу социалистов.

Теоретические работы были еще немногочисленны и посвящались в основном выяснению природы русской истории и русского общества (Плеханов и Троцкий). Что же касается последовательной смены способов производства, то схема первобытный коммунизм — рабовладельческое общество — феодализм — капитализм была уже, без сомнения, распространена, но еще достаточно далеко от того, чтобы превратиться в догму. О специфическом «азиатском способе производства» в том плане, в котором мы приводим цитаты, говорилось мало или совсем не говорилось. Тот же Плеханов предпочитал использовать (как делал в конце концов и Маркс) более общие выражения, как, например: «социальная система» или «социальный порядок» азиатского характера или же классическое выражение «восточный», или азиатский, «деспотизм».

2. Троцкий и русская история

В годы, предшествующие революции, находясь под влиянием Парвуса-Гельфанда и либерального историка Милюкова, Троцкий характеризовал прошлое России вполне в духе Плеханова. Однако выводы их не совпадали.

В 1906 году² Троцкий также считал русскую нацию напо-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 13. — Прим. ред.

² В том году Троцкий написал в тюрьме работу «Итоги и перспективы», опубликованную в книге «Наша революция». Три года спустя, в 1908 году, Троцкий переработал свои очерки, собранные в этой книге. См. также: E. H. Carr *La rivoluzione bolscevica (1917—1923)* Torino, 1964, p. 60, nota; I. Deutscher *Il profeta armato. Trotsky 1879—1921*. Milano, 1956, p. 149, 208 sgg.; P. Vidal-Naquet. *Introduzione*; K. H. Wittfogel. *Le despotisme oriental*. Paris, 1964, p. 26—27; L. Maitan. *Introduzione*; L. Trotsky. *Storia della rivoluzione russa*. Milano, 1964. Б. Кней-Пау. Троцкий: перманентная революция и революция отсталости. — В кн.: История марксизма, т. 3, «Марксизм в эпоху III Интернационала», часть I, «От Октябрьской революции до кризиса 1929 года».

ловину азиатской и наполовину европейской, основой которой является «примитивное и застойное общество». В течение столетий развитие этого общества определялось не какими-то внутренними импульсами, а военным воздействием извне. Для борьбы с татарскими, польскими, литовскими и шведскими захватчиками Русское государство требовало от своего народа нечеловеческих усилий, а это в свою очередь препятствовало образованию класса собственников и тормозило развитие производительных сил. Одновременно, однако, организационные и административные потребности побуждали государство поощрять сплочение привилегированной группы, своеобразной бюрократии. Государство и в самом деле было двигателем русского общества до такой степени, что даже капитализм в России казался его детищем. Результатом всего этого были слабо развитые городские слои и средние классы. Большой удельный вес государства, господство иностранного капитала, стоящая на низком уровне развития буржуазия — все это делало невозможным утверждение либерализма в России. И если добавить, что быстрый рост капитализма за короткий срок породил немногочисленный, но сконцентрированный, как в немногих других странах, пролетариат, то станет ясным особое предназначение рабочего класса России. Пролетариат должен был превратить буржуазную революцию в социалистическую до того, как на Западе вспыхнет искра социалистической революции. Опыт 1905 года убедил Троцкого в том, что «в стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой»³.

Троцкий вновь обращается к этой теме в статье, написанной шесть лет спустя⁴. Необходимость защищать огромные пространства России породила государство-Левиафан, которое обрело русский народ на нищету и отсталость, преградив ему путь к типичному для Запада культурному и экономическому развитию: «Тысячелетиями мы прозябали в убогих деревянных домишках, затыкая щели мхом: о каких же готических волютах и сводах мы могли мечтать?»

Троцкий считал, что наиболее типичным для всей русской истории было явление, которое он назвал «замещение»: «Вначале верхушка движения декабристов 1825 года выражала идеи среднего класса, который в то время только-только зарождался. Затем народники пытались говорить от имени крестьянства — в то время еще глухого и немногого. И в конце концов интеллигенция взяла на себя задачу выражать чаяния слабых, добившись лишь пробуждения сознания у индустриальных рабочих. Все они ставили дух класса выше самого класса».

³ Цит. по: Carr. La rivoluzione bolschevica, p. 60.

⁴ I. Deutscher. Il profeta armato, p. 258 sgg.

Это явление, однако, полностью исчезло в ходе революции 1905—1906 годов. Во время этих событий пришла в движение вся масса рабочих, которая начала выступать самостоятельно. Фактически, как было уже отмечено выше⁵, Троцкий стал предлагать «замещение» нового типа: молодой российский пролетариат должен был взять на себя задачу довести до конца демократическую революцию, то есть сделать то, что была не в состоянии выполнить слабая русская буржуазия. Но это было «замещение», обреченное на быстрое исчезновение, с переходом без промежуточной остановки от буржуазной к социалистической фазе развития революции. После революции Троцкий неоднократно обращался и углублял свои идеи относительно «азиатского» прошлого России. В июле 1922 года в двух номерах «Правды» был опубликован его ответ историку Покровскому. Последний критиковал концепции Троцкого относительно итогов революции 1905 года (изложенные в незадолго до того переизданной его работе), отрицая, в частности, «среди бытовавших тогда многочисленных легенд идею некой оригинальности исторического процесса в России»⁶. В полемике с Покровским (позднее назвав его «неистощимым изобретателем исторических схем, изяшно декорированных и отлакированных марксизмом») Троцкий резко критиковал теорию обязательных и необходимых фаз развития: «С точки зрения того мнимого марксизма, который ограничивается историческими шаблонами, формальными аналогиями, превращает исторические эпохи в логическое чередование негибких социальных категорий (феодализм, капитализм, социализм; самодержавие, буржуазная республика, диктатура пролетариата), — с этой точки зрения лозунг завоевания власти рабочим классом в России должен был казаться чудовищным отказом от марксизма»^{*}.

По многим причинам здесь следует вспомнить взгляды Маркса и Энгельса относительно характеристики азиатского общества. Россия, эта громадная страна с невысокой плотностью населения, разбросанного по городишкам и деревням, была крайне отсталой в экономическом отношении. Кустарная промышленность не существовала отдельно от сельского хозяйства и на практике сводилась в основном к крестьянскому кустарному промыслу: «Наша же хозяйственная отсталость находила свое выражение прежде всего в том, что ремесло, не отделяясь от земледелия, сохраняло форму кустарничества. Тут мы ближе к Индии, чем к Европе, как и сред-

⁵ *Da Vidal-Naquet. Introduzione, p. 27*

⁶ *Trotsky. Storia della rivoluzione russa, p. 398*. В этой же книге (с. 495—505) напечатан ответ Троцкого Покровскому. См.: *Rewriting Russian History: Soviet interpretations of Russia's past, a cura di C. E. Black. New York, 1957, p. 9 ff.* · *Vidal-Naquet. Introduzione, p. 32—35.*

^{*} «Правда», 1 июля 1922 года. — *Прим. ред.*

невековые наши города ближе к азиатским, чем к европейским, как и самодержавие наше, стоя между европейским абсолютизмом и азиатской деспотией, многими метрами приблизилось к последней» *

В своей эволюции Россия не знала ремесленных объединений, средневековой науки, схоластики, урбанизации, реформации. Кустарный промысел не смог переродиться в капитализм, и именно европейский капитал, сперва в форме торгового, а затем в форме финансового и промышленного, стал концентрироваться в Российской империи.

Отсюда появление у нас (в России) новейшей капиталистической промышленности: в окружении хозяйственной первобытности — бельгийский или американский завод, а вокруг — проселки, соломенные и деревянные деревни, ежегодно выгорающие, и проч. Самые примитивные начала и последние европейские концы. Отсюда — огромная роль западноевропейского капитала в русском хозяйстве» **

Отсталость страны подчеркивалась даже характерными для русского пролетариата особенностями. Ему не были знакомы гильдии и братства средневековых ремесленников, у него не было вековых традиций цехов: «Его бросили в фабричный котел, оторвав непосредственно от сохи... Отсюда отсутствие консервативных традиций, отсутствие каст в самом пролетариате, революционная свежесть, отсюда наряду с другими причинами Октябрь, первое в мире рабочее правительство. Но отсюда же — неграмотность, отсталость, отсутствие организационных навыков, системы в работе, культурного и технического воспитания. Все эти минусы мы в нашем хозяйственно-культурном строительстве чувствуем на каждом шагу» ***

Впрочем, поражение царизма в первой мировой войне, вызванное чрезвычайно низким уровнем развития промышленности, было последним и решающим доказательством общей отсталости, которая явилась результатом той особенности исторического развития России, которую Покровский упорно старался не замечать.

Троцкий вернулся к этому вопросу в 1929—1930 годах, когда, находясь уже в эмиграции на Принцевых островах, он работал над «Историей русской революции». В первой главе этой книги («Особенности развития России») содержались, возможно, его наиболее завершенные и четко выраженные взгляды относительно истории дореволюционной России. Даже здесь Троцкий исходил из следующего утверждения: «Основная и наиболее постоянная характеристика истории России — это медленное развитие страны. Экономическая отста-

---

* Там же. — *Прим. ред.*

** «Правда», 2 июля 1922 г. — *Прим. ред.*

*** Там же. — *Прим. ред.*

лость, примитивная социальная структура, низкий культурный уровень — все это было последствием такого замедленного развития. Населению огромных и диких пространств, открытых восточным ветрам и набегам азиатов, самой природой был предначертан длительный застой».

Бескрайние просторы, промежуточное географическое положение между Востоком и Западом всегда вынуждали Россию защищаться от того или иного политического, культурного или военного вмешательства, открывали ее для самых разнообразных влияний и заставляли развиваться согласно тому, что «можно было бы определить как закон комбинированного развития. Это в свою очередь объясняет сближение различных фаз развития, комбинирование различных стадий, смешивание архаичных форм с наиболее современными».

«Под влиянием более богатой Европы русское государство поглощало в больших, чем Запад, масштабах часть национального богатства и, таким образом, не только обрекало народные массы на нищету, но ослабляло одновременно и основу существования господствующих классов. Тем не менее государство, нуждающееся в поддержке последних, стимулировало и регулировало их формирование. В результате бюрократизированные привилегированные классы не могли никоим образом развиваться в полную силу, и поэтому русское государство всегда стояло ближе к деспотическому строю Азии».

Относительно проблемы возникновения самодержавия Троицкий, хотя он и отмечал влияние татарского ига на образование государства, более всего подчеркивал (и в этом отношении он стоит ближе к Плеханову), что этот процесс следует рассматривать как возникший сравнительно недавно: «Автократия византийского типа, к которой московские самодержцы стали официально прибегать с начала XVI века, подчинила себе с помощью дворян, крупных феодалов и бояр, покорила знать, отдав им в рабство крестьян. Так возникла абсолютная монархия, монархия петербургских императоров. Отсталость самого процесса объясняется в значительной степени тем фактом, что крепостное право, возникшее в конце XVI века, распространившееся в XVII веке и достигшее своего расцвета в XVIII веке, не было официально отменено вплоть до 1861 года».

Нищета, отмечающая весь исторический путь России, «наиболее полно проявилась в отсутствии типичных для средневековых городов, центров ремесла и торговли». Кустарному промыслу не удалось отделиться от крестьянского земледелия, а города, как и в Азии, остались «административными, торговыми, военными центрами, местом проживания знати и, следовательно, центрами потребления, а не производства».

Процесс европейзации страны, начатый Петром I, был усилен в XIX веке, но он скорее был подражанием Западу, чем постоянным внутренним развитием страны. Троцкий вновь прибегает здесь к своей теории «замещения»: «Класс, который занимается поиском ответов на вопросы, интересующие другой класс, — одна из характерных особенностей отсталых стран».

Да и сама история промышленного развития России представлялась Троцкому дальнейшим доказательством «закона комбинированного развития». Перескочив через множество фаз развития, индустриализация была произведена с необыкновенной быстротой и дала небывалый даже для наиболее передовых европейских стран и США уровень концентрации. Кроме того, наиболее значительные промышленные предприятия, банки и транспорт находились в руках иностранного капитала. Это неравномерное и конвульсивное развитие дополнялось параллельно идущим процессом развития пролетариата: «Здесь следует отметить, что русский пролетариат не формировался постепенно, в течение столетий, волооча за собой бремя прошлого, как это произошло в Англии. Это продвижение шло скачками, с резкими разрывами условий, связей, отношений, существовавших до начала этих перемен. Именно поэтому и особенно в условиях угнетения, усиленного самим существованием царизма, русским рабочим стали доступны наиболее смелые выводы революционной мысли, а отсталая русская промышленность оказалась в состоянии воспринять новейшие достижения в области капиталистической организации производства».

Между узким кругом капиталистов-предпринимателей и народными массами в условиях капитализма не было посредников. Слабость и политическая непригодность буржуазии были порождены «самой природой ее отношений с пролетариатом и с крестьянством».

«Буржуазия не могла тащиться позади постоянно и враждебно сопротивлявшихся рабочих, которые очень быстро научились придавать первостепенное значение своим стремлениям. С другой стороны, буржуазия была в равной степени неспособна тащиться и за крестьянством, так как она была связана одним клубком интересов с крупными землевладельцами и боялась потрясения основ частной собственности, в чем бы они ни проявлялись. И следовательно, хотя революция в России и затягивалась, речь все же шла не об установлении каких-либо дат: причина крылась в социальной структуре страны».

Русско-японская война и события 1905 года нанесли первый удар по царизму, но революция также продемонстрировала неспособность буржуазии понять демократическое движение: «В этих условиях только молодой пролетариат мог

предложить крестьянству программу, знамя и руководство»⁷.

В 1931 году, когда теория «азиатского способа производства» была официально осуждена, «История русской революции» еще не была опубликована. Но взгляды ее автора были уже достаточно известны, и возможно, что как противникам, так и последователям идей Сталина еще были слышны отголоски старых опасений Плеханова, Ленина, да и самого Троцкого относительно «азиатского» прошлого России. На съезде РСДРП в Стокгольме в 1906 году Ленин ответил Плеханову, требовавшему гарантий от возможной «азиатской реставрации», следующими словами:

«Полной гарантией от реставрации в России... может быть *исключительно* социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может»⁸.

Но революция на Западе так и не победила. И «проклятое наследие крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком»⁹ грозно нависло над незрелой социалистической революцией. Можно хорошо понять неприязнь Сталина и его приближенных к любой концепции, которая подчеркивала бы «азиатский» характер истории России (как, например, у Троцкого). В 20-е годы, как мы увидим, даже сторонники теории «азиатского способа производства», помнившие о не угасшем еще полемическом накале, старательно избегали выносить на обсуждение вопросы, касавшиеся истории России.

3. «Китайский вопрос»

В период между Октябрьской революцией и 1927 годом выступления в советской печати и публицистике по вопросу о Китае отличались особой двусмысленностью.

Политика Коминтерна в отсталых странах сводилась в основном к установлению союза между слабо развитым промышленным пролетариатом и так называемой «национальной буржуазией». Подобная политика не могла найти лучшего «историографического» основания, чем перенос на Китай того «классического» исторического процесса, который на Западе привел городскую буржуазию — которая была там рупором зарождающегося капитализма и выразителем демократических требований — к разрушению цепей феодализма. Расстановка сил была предельно ясной: национальная буржуазия и пролетариат, выступающие как союзники на буржуазно-демократической фазе революции, — с одной стороны, иностранный империализм и остатки феодализма, в большей

⁷ Trotsky. Storia della rivoluzione russa, p. 497, 499, 503, 17, 20, 21, 23, 26, 28.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 13, с. 16.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 47—48.

степени присутствующие в китайском обществе, — с другой. Именно это и являлось той идеологической основой, на которой представители Коминтерна строили свою политику в Китае начиная с 1922—1923 годов в союзе с гоминьданом Сунь Ятсена, а затем и с его преемниками.

Подобное было несовместимо с предположением, что китайскому обществу были более присущи устойчивые «азиатские» формы, чем остатки феодализма. Однако для «азиатского общества» (в марксистском понимании) было характерно следующее: почти полное отсутствие или, во всяком случае, малозначительность класса феодалов-помещиков; господство бюрократии, существующей за счет налога на землю; слабое развитие городов. Если принять эти положения, то становилось ясно, что китайская городская буржуазия, отличавшаяся в этом отношении от западной, не могла существовать автономно; она была связана, с одной стороны, с империализмом (компрадорская буржуазия), а с другой — с руководящим классом бюрократии (ремесленники и купцы, занимающиеся производством и снабжением господствующего класса необходимыми благами). В политическом плане результатом подобного анализа китайского общества могло быть только одно: отказ от мысли, что национальная буржуазия, имеющая или не имеющая поддержки пролетариата, была в состоянии совершить демократическую революцию, поскольку это было бы вопреки ее собственным интересам. Отсюда и утверждение, что не союз национальной буржуазии с пролетариатом (которому в политическом отношении соответствовал союз гоминьдана и КПК), а только союз нарождавшегося городского пролетариата с угнетенными крестьянскими массами мог быть необходимой базой для революции, призванной радикально изменить существующие общественные отношения.

Потребовались, однако, годы на то, чтобы эти две линии (и третья — представителем которой был Троцкий и в течение некоторого периода Радек) выявились и противопоставились как логически последовательные и взаимоисключающие политико-идеологические линии. И нужны были годы, чтобы одна из линий в такой степени возобладаала над другой, чтобы полностью ее отбросить. В общем, с одной стороны, был Коминтерн со своей политикой союзов, с другой — существовала значительная свобода обсуждений, которые касались как стадий исторического развития, так и природы китайского общества.

Выражение «азиатский способ производства» в те годы не употреблялось, и для характеристики «азиатских обществ» приводили чаще слова Вебера, чем Маркса (хотя на самом деле Вебера в этом отношении во многом вдохновил Маркс). В период 1920—1922 годов такие русские авторы, как В. Кря-

жин, Я. Янсон, Д. Смургис, давали следующее определение истории и социальной структуре Китая: преобладание патриархальных отношений и форм первобытного коммунизма в деревне; практическое отсутствие частной собственности на землю, и в частности крупных феодальных владений; бюрократия, ее могущество и само существование основывались на проводимых в больших масштабах ирригационных работах. Те же авторы также указывали на застой как характерную особенность истории Китая и считали, что только толчок извне мог бы привести к преобразованиям в сторону капитализма¹⁰.

Рязанов был первым, кто начал ссылаться на работы Маркса по Азии и приводить само выражение «азиатский способ производства». В июне 1925 года он опубликовал в «Правде» написанную Марксом в 1853 году статью «Революция в Китае и в Европе»; позднее, в том же самом году, в теоретическом сборнике Коминтерна он опубликовал под общим заголовком «Карл Маркс о Китае и Индии» серию статей, которые Маркс написал в 50-е годы для «Нью-Йорк дейли трибюн». В предисловии к первой статье, опубликованной в бюллетене Коминтерна, Рязанов подчеркнул устойчивость «азиатского способа производства», которую смог пошатнуть лишь привнесенный извне капитализм. Его вывод был следующим: «...пролетариат готовится встать во главе всех бедных и угнетенных в городе и деревне»¹¹.

В том же самом году советский экономист венгерского происхождения Евгений Варга опубликовал статью «Экономическое положение Китая», получившую широкий резонанс¹². До этого Варга считал, что китайское докапиталистическое общество стояло на уровне феодализма; сейчас, однако, он открыто выступил против своего прежнего утверждения, признавая, что он в долгу как у Вебера, так и у Маркса. Его задачей в этой статье было объяснить, как могло случиться, что в Китае не смог возникнуть собственный капитализм. Варга утверждал, что в отличие от Европы китайское государство «появилось из-за необходимости регулировать гидроресурсы, принимать меры против наводнений и обеспечивать ирригацию земель». Другими словами, государство образовалось не в результате классовой борьбы, а в результате исполнения одной функции: выполнения общественных работ в крупных масштабах. В рамках же классовых отношений именно этот класс чиновников, который объединяла «клановая тирания», по отношению к деревне, препятствовал возник-

¹⁰ *Ulman*. The science of society, p. 136, 551.

¹¹ *D. Riazanov*. Karl Marx et la Chine. — In: "La Correspondance Internationale", 8 juillet 1925.

¹² *E. Varga*. La situation économique en Chine. — In: "La Correspondance Internationale", 16 décembre 1925, № 122, p. 1035—1057.

новению капитализма в стране. Варга утверждал также, что пролетариат определял направление освободительной борьбы в Китае, основной задачей которой была выработка ясной аграрной политики. Варга подчеркнуто обращается, как мы видим, к некоторым выводам Маркса о социальной структуре азиатских стран. Но первым при анализе положения современного Китая употребил выражение «азиатский способ производства» два года спустя Джон Пеппер (псевдоним венгра Иозефа Поганы)¹³.

В 1926 году А. Я. Канторович, который в то время работал в Китае, опубликовал в «Новом Востоке» статью «Система общественных отношений в докапиталистическую эпоху в Китае». В ней он подхватил и развил идею Варги об отсутствии феодализма в Китае. В журнале публиковались в дальнейшем и другие статьи аналогичного содержания¹⁴. В том же 1926 году в дискуссию включается новый автор, которому суждено было стать одним из основных действующих лиц во всей истории спора об «азиатском способе производства», — Карл-Август Виттфогель. Немецкий коммунист, связанный одно время с Коршем и Лукачем, Виттфогель в одной из своих работ, опубликованной в 1922 году, поддержал концепцию однолинейного исторического развития человеческого общества¹⁵. В дальнейшем, находясь под сильным влиянием Макса Вебера, он пишет книгу «Пробуждение Китая», которая была переведена на русский язык и была высоко оценена газетой «Правда»¹⁶. Виттфогель утверждал, что эпоха феодализма в Китае закончилась еще в середине 3 века до н. э., именно тогда, когда бюрократическое общество пришло на смену «классическому» феодализму эпохи Чжоу. К власти пришли должностные лица, контролирующие водные ресурсы и сбор налогов на землю, то есть социальная прослойка, достаточно сильная для того, чтобы помешать реставрации класса феодалов. Параллельно воцарению бюрократии было дано второе рождение клановой организации на уровне деревни. С тех пор главным ограничителем власти сановной бюрократии стали крестьянские восстания, всегда готовые вспыхнуть, когда бремя налогов становилось непосильным, и, следовательно, являвшиеся регуляторами общественного строя.

---

¹³ Статья Поганы «Евро-американский империализм и революция в Китае» была опубликована в «Правде» от 1 мая 1927 г. (см.: *Sawer. Op. cit.*). Как Поганы, так и Варга и Мадьяр (Лайош Мадьяр) являлись видными деятелями Венгерской Советской республики 1919 года.

¹⁴ См.: *Sawer. Op. cit.*, p. 82; *Ulman. Op. cit.*, p. 136.

¹⁵ K. A. *Vittfogel. Von Urkommunismus bis zur Proletarischen Revolution*, v. I: *Ar. Kommunismus und Feudalismus*. Berlin, 1922.

¹⁶ *ID. Das Erwachende China. Ein Abriss der Geschichte der gegenwärtigen Probleme Chinas*. Wien, 1926; *Ulman. Op. cit.*, p. 65.

Противники «азиатского» направления не заставили себя долго ждать. В 1926—1927 годах появились работы М. Волина и Г. Якобсона, в которых они утверждали, что частная собственность в Китае существует, что по своей сути китайская революция — антифеодалная или, точнее, направлена против «остатков феодализма». В конце осени — начале зимы 1926 года к этому тезису неоднократно обращались в официальных кругах, а на VII расширенном Пленуме Исполнительного Комитета Коминтерна его еще раз сформулировал предельно ясно Сталин¹⁷. Начались выпады против «азиатского способа производства», хотя до заключительной схватки было еще далеко. В том же 1926 году только такой человек, как Радек, занимавший высокое политическое положение ректора Университета имени Сунь Ятсена, мог позволить себе пригласить Виттфогеля в Москву и опубликовать положительную рецензию, хотя бы и под псевдонимом, на книгу «Пробуждение Китая». Радек не был сторонником теории «азиатского способа производства», но был противником «феодалной» трактовки современного Китая. В этом отношении он был близок к позиции Троцкого. В 1927 году он полемизировал с Волиным и Якобсоном, утверждая, что феодализм превалировал в Китае только лишь до наступления современной эпохи и что борьба должна быть направлена не против остатков феодализма, а против «торгового капитала»¹⁸.

Однако приближался день «страшного суда», и пришествие его ускорили драматические события 1927—1928 годов в Китае. Примечательная дистанция между политикой Коминтерна и более или менее «академическими» выступлениями по поводу «стадий» исторического развития и природы «азиатского общества», которая была характерна для первой половины 20-х годов, оказалась преодоленной. В тот момент, когда разногласия по «китайскому вопросу» стали наиболее острыми, оказалась невозможной какая бы то ни было дискуссия академического характера. Выступать по этому вопросу означало теперь стать на сторону той или иной группировки.

Как известно, в 1927 году наступил полный и окончательный кризис коалиционного Уханьского правительства Вухана, сформированного на основе соглашения между левым крылом гоминьдана и КПК. Этот год стал годом трагического поражения китайской революции. Всегда подвергавшийся острой критике Троцкого, Сталин решил атаковать его слева, положив начало новой стратегии, не допуская, однако, никакой теоретической ревизии. Как рассуждал Сталин, китайская

---

¹⁷ Ibid., p. 136.

¹⁸ Ibid., p. 80, 137, 539.

буржуазия предала революцию, но это не значило, что линия Коминтерна была ошибочной: ошибочным было лишь ее проведение в жизнь из-за «правого оппортунизма» Чэнь Дусю (секретаря китайской компартии со дня ее основания) и других ее руководителей. Китайская буржуазия не выполнила стоявшей перед ней задачи; напротив, пролетариат в союзе с крестьянством был готов взять ее на себя. Близился новый революционный подъем.

7 августа была созвана чрезвычайная партийная конференция. Чэнь Дусю были предъявлены различные обвинения, и он был снят со своего поста. Секретарем партии был назначен Цюй Цюбо, кандидатуру которого поддерживали представители Коминтерна — Хейнц Нейман и Бесо Ломинадзе, два верных тогдашних соратника Сталина. Последующие месяцы были отмечены рядом повстанческих выступлений, потопленных в крови, — мятеж во время осеннего сбора урожая в Хунани, восстание в Наньчане, Кантонская коммуна. Компартия рассматривала это как решительный поворот влево, достигший своей кульминации на ноябрьском Пленуме ЦК партии. Политическая резолюция пленума призывала к полному неверию в возможности национальной буржуазии и в вероятность переделать гоминьдан в орудие революции. Путь к будущему будет открыт только победоносной революцией рабочих и крестьян и радикальной аграрной реформой. В резолюции утверждалось, что китайская революция соответствует той, которую Маркс называл «перманентной революцией»:

«Китайская революция по своей сути есть революция перманентная, так как китайская буржуазия не способна довести до конца демократическую революцию, которая была бы способна свергнуть правление феодалов-милитаристов; китайская революция в своем развитии не может остановиться на демократической фазе (согласно так называемой «теории двух революций»); китайская революция, в начале решающая лишь демократические проблемы, неизбежно приближается к решению социальных проблем»¹⁹.

Однако этот период длился недолго. Цюй Цюбо, который был лишь частично ответствен за разгром восстаний, был

---

¹⁹ "International Press Correspondence", 1928, № 5, p. 121—123. Троцкий резко критиковал политическую резолюцию, принятую на ноябрьском Пленуме (хотя IX пленум Исполкома Коминтерна квалифицировал ее как «троцкистскую»), назвав ее смесью оппортунизма и авантюризма, утверждая, что для Ломинадзе, как и для Бухарина, перманентная революция значила лишь непрерывный подъем революционного движения (см.: *L. Trotsky. I problemi della rivoluzione cinese, a cura di L. Maifan. Torino, 1970, p. 213—259, passim*). В отношении же «азиатского способа производства» невозможно обнаружить в резолюции ничего, кроме туманных намеков на старый китайский деспотизм, на традиционные азиатские пытки и т. д.

вскоре обвинен в «путчизме», в «плохой организации и плохом руководстве», в «слепом авантюризме» и снят с поста секретаря партии. Новая политическая линия, проведение которой было поручено Сян Чжунфа и Ли Лисяню, ознаменовалась остановкой в развитии и резюмировалась формулой «подготовка к восстанию». Она была одобрена на VI съезде КПК, который проходил в Москве в июне — июле 1928 года под непосредственным контролем Коминтерна. В это же время Коминтерн собирался проводить свой очередной VI конгресс²⁰. Именно в этот период в КПК началось обсуждение «азиатского способа производства», и оно было связано с расхождениями по вопросу о задачах, стоящих перед китайскими коммунистами. В ноябре 1927 года VI пленум ЦК КПК включил в проект программы по аграрному вопросу (вероятно, по указанию Ломинадзе) положение о том, что «азиатский способ производства» доминировал в истории Китая долгие века²¹. Ломинадзе еще раз подтвердил свои выводы на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. Он утверждал, что национальная буржуазия не могла появиться в Китае, потому что отсутствовали необходимые для этого условия. В первую очередь не существовало феодального общества, из недр которого могла бы выйти буржуазия. Традиционное китайское общество не было феодальным; напротив, у него был бюрократический государственный аппарат, существующий за счет крупномасштабных ирригационных работ. Ныне существующая в Китае буржуазия — лишь «производная» от западного империализма, и поэтому она не способна провести демократические преобразования в стране. Гоминьдан, ее политический рупор, уже показал свое истинное лицо, превратившись в банду милитаристов. Идти вперед значило поддерживать революционную борьбу пролетариата и крестьян-

²⁰ Из обширной библиографии по истории КПК этого периода и ее связям с Коминтерном здесь я опираюсь более всего на следующие работы: B. Schwarz. *Chinese Communism and the Rise of Mao*. Cambridge (Mass.). 1951; C. Brandt, B. Schwarz, J. K. Fairbank. *Storia documentaria del comunismo cinese*. Milano, 1963; S. Swarup. *A Study Movement (1927—1934)*. Oxford, 1966; R. C. Thornton. *The Comintern and the Chinese Communists (1928—1931)*, Seattle—London, 1969; Carr. *Op. cit.*, p. 1257—1311; *ID.* *Il socialismo in un solo paese*, tomo II: «La politica estera (1924—1926)». Torino, 1969; R. C. North. *Moscow and Chinese Communists*. Stanford, 1953; H. R. Isaacs. *La tragedia della rivoluzione cinese (1925—1927)*. Milano, 1967; P. Broué. *La question chinoise dans l'Internationale Communiste*. Paris, 1965; R. Schlesinger. *Il Comintern e la questione coloniale*. — In: «Annali della Fondazione G. G. Feltrinelli», IX, 1967, p. 50—135; H. Carrère d'Encausse, S. Schram. *Il marxismo e l'Asia dal 1853 ad oggi*. Roma, 1967. Более обширный библиографический материал см.: I. Chesneaux, J. Lust. *Introduction aux études d'histoire contemporaine de Chine*. Paris — Cravenhage, 1964; e in appendice al saggio di Natoli A. — In: «Storia dell'Asia», a cura di E. Colloni Pischel. Firenze, 1980, p. 121—123.

²¹ Sawyer. *Op. cit.*, p. 84—85; K. A. Wittfogel. *The Marxist View of China*, 2. — In: «The China Quarterly», 1962, № 12, p. 163 ff.

ства. Хотя страна и была отсталой, китайские рабочие и крестьяне созрели для революции, ибо их условия жизни были намного тяжелее, чем у их европейских товарищей. И революция в Китае была готова перейти от стадии «буржуазно-демократической» к стадии «социалистической».

Ломинадзе выступал под впечатлением незадолго до этого происшедшего восстания в Кантоне. Он охарактеризовал это событие как начало новой волны китайской революции (как известно, однако, восстание закончилось новой жестокой резней).

Выступавшие на конгрессе Коминтерна повели борьбу против идей Ломинадзе. Особым нападкам он подвергался со стороны Мифа и Бухарина, обвинявших его в переоценке реальных возможностей китайской буржуазии. Павел Миф, консультант Сталина по восточному вопросу и новый ректор Университета имени Сунь Ятсена, обрушился на теорию «азиатского способа производства», утверждая, что под этим выражением «Маркс подразумевал одно из проявлений феодализма». Полемика между Мифом и Ломинадзе продолжалась на страницах партийной печати в последующие месяцы²².

На XV съезде ВКП(б) от позиций Ломинадзе отошел и Сталин. Именно он поручил Ломинадзе и Нейману в августе 1927 года подготовку и руководство ходом восстания в Китае. Но возможно, что Сталин не хотел, чтобы они претендовали на теоретическое обоснование поворота. Более того, в конце 1927 года, после поражения ряда повстанческих движений, стала превалировать крайняя осторожность. Эти первые признаки частичного пересмотра обрели конкретные очертания на IX чрезвычайном Пленуме Исполкома Коминтерна в феврале 1928 года. На этом пленуме позиция Ломинадзе уже вполне определенно была подвергнута критике. Под ее огнем оказались присущие политике КПК в последние месяцы явления «авантюризма» и «путчизма». Китайской компартии предлагалось укреплять свои ряды перед новым революционным подъемом. Для людей, способных осмысливать происходящее, стало ясно, что начальные строки резолюции по китайскому вопросу относились непосредственно к Ломинадзе: «Ошибочно приписывать теперешней фазе китайской революции признаки революции, уже перешедшей в революцию социалистическую. Также ошибочно считать ее революцией «перманентной» согласно положению, выдвинутому представителем Исполнительного Комитета Коминтерна. Ошибочно было считать положительной тенденцию, расценивающую современный этап развития революции как переход

---

²² Sawyer Op. cit., p. 84—85; Thornton. Op. cit., p. 4 ff; A. Agosti. La Terza Internazionale. Storia documentaria, 6 voll. Roma, 1974—1979, v. II, 2, p. 800—801.

от буржуазно-демократической фазы, одновременно осуждая «перманентную» революцию. Подобная ошибка аналогична ошибке Троцкого в 1905 году»²³

В июне в бюллетене Коминтерна с серией статей по китайскому вопросу выступил и Евгений Варга²⁴. Он исходил из того, что «Китай переживает сейчас период революционного потрясения основ докапиталистического общественного строя с его простейшими формами воспроизводства (по Марксу «азиатский способ производства») и многочисленными проявлениями феодализма; страна находится в переходном периоде от незавершенной фазы полуколониального капитализма к диктатуре рабочих и крестьян».

«Если бы буржуазия, — продолжает Варга, — смогла решить аграрный вопрос на буржуазной же основе, то китайский промышленный пролетариат никогда не смог бы привлечь на свою сторону основную массу крестьянства. Но без помощи крестьянских масс, или, скорее, вынужденному бороться против крестьян, молодому промышленному пролетариату, численно слабому, возможно (sic! очевидно, опечатка вместо «невозможно») сломить господство буржуазии (китайской и иностранной) и милитаристов. Именно поэтому аграрный вопрос играет в Китае первостепенную роль».

Варга считает ошибочной и вредной практику применения понятия «феодализм» к условиям Китая. Ошибочной, потому что китайский феодализм во многом отличался от европейского. Так, например, в Китае существовали четкие интеграционные связи между торговцами и ростовщиками, с одной стороны, и получателями земельной ренты — с другой. Вредной, потому что говорить о феодализме значило бы впасть в оппортунистическое заблуждение, поверив, будто буржуазный «этап» необходим, и, следовательно, нужно хотя бы на время ограничить цели революционной борьбы. Совсем наоборот. «аграрная революция во главе с буржуазией, революция «третьего сословия», революция буржуазии в союзе с крестьянством против господства феодальных землевладельцев в Китае невозможна. Она невозможна потому, что не существует действительно феодального землевладения, так как все слои буржуазии являются одновременно получателями земельной ренты и не могут совершать революцию против самих же себя. Буржуазно-демократическая аграрная революция должна быть завершена в Китае только посредством борьбы против буржуазии».

В следующем месяце VI съезд КПК произвел корректив-

²³ Ibid., p. 857; Thornton. Op. cit., p. 8.

²⁴ E. Varga. Les problèmes fondamentaux de la révolution chinoise. — In: "La Correspondance Internationale", 16 juin 1928, № 56, p. 669—670; 27 juin 1928, № 60, p. 714—715; 30 juin 1928; № 61, p. 728—730; 4 juillet 1928, № 62, p. 735—736; 7 juillet 1928, № 63, p. 750—751.

ровку политики на базе лозунга «завоевания масс» в соответствии с решениями IX пленума Коминтерна. В преддверии нового революционного подъема съезд провел кропотливую работу по укреплению и реорганизации, особенно в сельской местности. VI съезд признал также ошибочным применение теории «азиатского способа производства» к создавшейся в Китае ситуации: «Ошибочно считать существующую в Китае социально-экономическую систему и экономическую систему сельскохозяйственных зон характерной для переходного периода от «азиатского способа производства» к капитализму. Основными признаками «азиатского способа производства» являются: 1) отсутствие системы частной собственности на землю; 2) проведение крупных общественных работ (в особенности строительства плотин и речных путей сообщения), под руководством государства как материальная предпосылка возникновения авторитарного центрального правительства и организаций (клановые или сельские общины) по управлению мелкими производителями; 3) существование сильной общинной системы (на базе промышленности и сельского хозяйства на уровне семьи). Эти условия, в особенности первое, не соответствуют создавшейся в Китае обстановке»²⁵.

Тем не менее в резолюции отмечались различия между китайским и европейским феодализмом. В Китае «сельскохозяйственная экономика типа европейской феодальной собственности практически не существовала», а в деревнях основную массу составляли мелкое крестьянство. В Китае доминировала система, которую определили как «феодално-бюрократическую».

Вскоре после VI съезда КПК открылся очередной конгресс Коминтерна. Но к этому времени Ломинадзе, Нейман и Цюй Цюбо уже приспособились к новым веяниям и не вступали в прения. Ломинадзе признал даже свои прошлые ошибки: «Я выступал в защиту точки зрения, которая значительно отличалась от решений, одобренных впоследствии Политбюро ЦК КПК и IX пленумом Исполкома Коминтерна. Теперь, после того как эти решения одобрены нашей партией и Исполкомом Коминтерна, я полностью разделяю их»²⁶.

Цюй Цюбо ограничился тем, что настаивал на важности аграрной революции и долго полемизировал с Троцким — очевидно, для того, чтобы отвести от себя возможное обвинение в «троцкизме» (в ходе съезда этот ярлык с легкостью приклеивали то одному, то другому).

Один лишь Нейман вновь стал утверждать, что китайскую революцию нельзя рассматривать как революцию буржуазно-

---

²⁵ Wittfogel. Op. cit., p. 165.

²⁶ "La Correspondance Internationale", 20 novembre 1928, № 139, p. 1578.

демократическую, так как она достигла «стадии перехода в революцию социалистическую». Но и он отказался от мысли сделать из этого утверждения определенные политические выводы. Однако все это не помогло злополучной тройке избежать более или менее серьезных обвинений, например со стороны Пеппера.

При воссоздании событий того времени Виттфогель утверждает, что на VI конгрессе Коминтерна Нейман, Ломинадзе и Цюй Цюбо защищали «разжиженную версию» теории «азиатского общества»²⁷.

В действительности же в их выступлениях не было ничего, кроме некоторых неопределенных намеков. В самой ответственной своей речи Цюй Цюбо, выступавший под именем Страхова, говорил, что феодализм в Китае существовал, но отличался от европейского. При этом он добавлял: «Мы не можем удовлетвориться объяснением подобных методов эксплуатации как «азиатских» проявлений»²⁸. Парадоксально, что более прозрачный намек на «азиатский способ производства» содержался в том месте доклада Цюй Цюбо, в котором он обвинял Пеппера в сочувствии подобным взглядам: «[Пеппер] предложил даже включить в программу Коминтерна пункт, в котором говорилось, что Китаю и Востоку не было известно ничего, кроме остатков «азиатского способа производства», ...а это нельзя назвать феодализмом»²⁹.

Трудно дать объяснение подобной позиции. Вполне вероятно, что сюда входят многие соображения: искренняя (хотя бы и частично) самокритика, граничащая с показной простоватостью; и вполне объяснимая осторожность в момент, когда борьба внутри советской компартии была наиболее острой. Более того, невозможно отделаться от впечатления, что, принимая в недавнем прошлом теорию «азиатского общества», ее рассматривали очень поверхностно. Отношение к этой теории мотивировалось скорее случайными политическими соображениями, чем глубокими убеждениями. Во всяком случае, Нейман и Ломинадзе были отстранены от китайских дел, а VI съезд КПК постановил сместить Цюй Цюбо с поста секретаря партии. После этого и в дальнейшем на эту тройку возложили ответственность за грубейшие проявления авантюризма в Китае в период между летом и зимой 1927 года, несмотря на то что в действительности мятеж 1927 года был

---

²⁷ См. *Wittfogel*. Op. cit., p. 165. У Виттфогеля наблюдалась в основном тенденция к переоценке важности этой дискуссии вплоть до того, что он утверждал, что драматические расколы международного коммунистического движения в 20-е и 30-е годы имели своей основой вопрос об «азиатском способе производства».

²⁸ "La Correspondance Internationale", 8 octobre 1928, № 117, p. 1254.

²⁹ Ibid., 27 novembre, № 143, p. 1629.

санкционирован самим Сталиным³⁰. Впрочем, авантюристические установки, в своем большинстве направленные на подготовку новых выступлений в городах, еще должны были проявиться с небольшими отличиями в последующие годы.

Тем не менее то, что вопрос об «азиатском способе производства» еще нельзя было считать закрытым, подтвердил один любопытный случай, происшедший незадолго до начала VI конгресса Коминтерна. В мае 1928 года был опубликован проект программы со ссылкой на «колониальные и полуколониальные страны... в которых феодально-средневековые отношения преобладают как в экономике, так и в политической надстройке». Этот тезис вызвал резкий протест со стороны Л. Мадьяра (венгра по национальности), который осуществлял дипломатическую миссию в Китае в 1926—1927 годах, и считался одним из самых авторитетных «азиатчиков» Коминтерна. В окончательном варианте программы говорилось о странах, в которых преобладают... феодально-средневековые отношения или отношения «азиатского способа производства»³¹.

В том же 1928 году вышла в свет книга Мадьяра «Аграрная экономика в Китае», самая значительная из всех многочисленных его работ, посвященных истории и социально-политическим отношениям Китая. Книга состояла из двух частей. В первой, носившей теоретический характер, рассматривался «азиатский способ производства» в общих чертах и приводились многочисленные цитаты из Маркса и Энгельса. Мадьяр постоянно признавал, что он в долгу у Плеханова, которому он, однако, ставил в вину попытки применить теорию «азиатского способа производства» к условиям России. Во второй части Мадьяр использовал весь свой обширный материал, собранный во время его длительного пребывания в Китае, чтобы набросать схему отношений собственности в сельском хозяйстве страны. Основным его положением было то, что «азиатский способ производства» просуществовал в Китае вплоть до начала XX века, то есть до того момента, когда из Европы были завезены концепции частной собственности, связанной с феодализмом и капитализмом, ранее неизвестные в Китае, и даже в наше время (по утверждению Мадьяра) пережитки «азиатского способа производства» играют важную роль в китайском обществе.

На книгу Мадьяра появились положительные рецензии в

---

³⁰ См.: M. N. Roy. *Revolution and Counterrevolution in China*. Calcutta, 1946; F. Claudin. *La crise du mouvement communiste*, v. I. Paris, p. 333 sgg.

³¹ Agosti. *Op. cit.*, v. II, 2, p. 1026; Sawyer. *Op. cit.*, p. 86. По поводу дискуссии по китайскому вопросу на VI конгрессе Коминтерна см. также: Agosti. *Op. cit.*, v. II, 2, p. 916 sgg.; Thornton. *The Comintern and the Chinese Communists*, p. 14 ff.

некоторых основных органах советской печати. Но именно Варга 6 января 1929 года в своей статье, опубликованной в «Правде», предвосхитил мнение, которое в дальнейшем стали разделять многие: в теоретическом плане книга более убедительна и последовательна, чем в плане анализа современного китайского общества. Впрочем, в прениях тех лет Мадьяр был известен выступлениями скорее более общего плана, более богатыми теоретическими формулировками (часто абстрактно противопоставляемыми друг другу), чем конкретным исследованием отдельных аспектов истории и социальной структуры азиатских стран. Во всяком случае, его идеи находили отклик и брались на вооружение такими историками, как, например, М. Д. Кокин, Г. К. Папаян, А. И. Ломакин. Эти ученые придерживались (как и Плеханов в своей работе «Основные вопросы марксизма») «двулинейной» концепции истории человечества (то есть «азиатского» литературного направления, отличного и оторванного от классического западного), а не общепринятой «однолинейной». Также и С. А. Далин в своей работе о тайпинах вновь обращается к мысли, что крестьянские восстания есть не что иное, как регулирующий элемент «азиатской» системы³²

Но подобное мнение ученых и политиков (в особенности таких наиболее известных, как Варга и Мадьяр) должно было вызывать все большее раздражение у руководящего сталинского ядра советской партии. Оно могло служить базой для политических гипотез, значительно отличающихся от тех, которые многие годы вдохновляли политику Коминтерна в Китае и продолжали вдохновлять ее с незначительными тактическими изменениями.

Кроме того, ясно прослеживались точки соприкосновения с позициями Троцкого, который уже в 1924 году на одном из заседаний Политбюро выступил с критикой, пусть и не слишком настойчивой, по поводу вступления КПК в гоминьдан. Хотя он и не занимался вплотную китайским вопросом вплоть до 1926 года, он неоднократно высказывался против вступления гоминьдана в Коминтерн и отстаивал необходимость того, чтобы политика коммунистических партий и дипломатия СССР развивались на разных уровнях. В 1927 году он высказал свое неодобрение относительно участия коммунистов в Уханьском правительстве совместно с левым крылом гоминьдана, но не настаивал на выходе коммунистов из правительства. После кризиса Уханьского правительства он с острой критикой обрушился на политическую линию Сталина и Бухарина, а также на применение «теории стадий» к условиям Китая. Троцкий утверждал: «Крупная и средняя земельная собственность (существующая в Китае) очень тесно связана с городским капиталом, включая и иностранный капи-

³² См.: *Sawer Op. cit.*, p. 86—88.

тал. В Китае не существует касты феодалов, которая противостояла бы буржуазии. Наиболее распространенный и ненавидимый в деревне тип угнетателя — это кулак-ростовщик, агент городского финансового капитала. Следовательно, аграрная революция имеет как антифеодальный, так и антибуржуазный характер. В Китае не будет — или почти не будет — момента, аналогичного первой фазе нашей революции, в ходе которой кулак вместе с беднотой и средним крестьянством, часто возглавляя их, боролся бы против земельных собственников. Аграрная революция в этой стране означает и впредь будет означать восстание не только против относительно немногочисленных крупных земельных собственников и бюрократического аппарата, но также и против кулаков и ростовщиков».

Троцкий критиковал также идею «феодальных пережитков» и даже утверждал, что в китайской экономике уже достигнуто преобладание капиталистических отношений и поэтому нужна гегемония пролетариата в революционной борьбе: «Конечно, не может быть ни малейшей надежды, если бы в экономике Китая, как утверждает руководство Исполкома Коминтерна, действительно господствовали феодальные пережитки. Но, к счастью, пережитки вообще не могут занимать господствующего положения. Однако и по этому вопросу проект программы не устраняет совершенных ошибок; напротив, он подчеркивает их с туманными оговорками. В проекте говорится о «преобладании феодально-средневековых отношений как в экономике страны, так и в политической надстройке»... Это в корне ошибочно. Но что же означает преобладание? Идет ли речь о вовлеченных в этот процесс массах или же о господствующей роли в экономике страны? Чрезвычайно быстрое внутреннее развитие промышленности, основанное на торговом и банковском капитале и на захвате им страны, полная зависимость от рынка наиболее важных сельскохозяйственных районов, огромная и все возрастающая роль внешней торговли; полное подчинение китайской деревни городу — все это доказывает безусловное преобладание и прямое господство в Китае капиталистических отношений. Конечно, крепостнические и полукрепостнические общественные отношения сохраняют еще большое значение, частично они берут свое начало еще от эпохи феодализма, частично являются новым явлением; своим возрождением прошлое обязано оставанию производительных сил, перенаселению сельскохозяйственных районов, действию финансового капитала и ростовщичества и т. д. Но не «феодальные» (точнее, крепостнические и вообще докапиталистические), а скорее капиталистические отношения играют первостепенную роль. Именно это и позволяет серьезно считаться с перспективой ведущей роли пролетариата в национальной революции».

И еще: «В Китае практически не существует класса помещиков; помещики связаны с капиталистами настолько тесными узами, как это никогда не смогло бы произойти в царской России, в то время как национально-освободительный вопрос играет исключительную роль. Следовательно, китайские крестьяне никоим образом не способны вести независимую революционно-политическую борьбу в большем, чем русское крестьянство, масштабе. Все это подтверждает, что для Китая, который уже имел опыт 1925—1927 годов, формула демократической диктатуры есть ловушка, еще более опасная, чем она оказалась для нас после Февральской революции»³³

Выводы Троцкого (которые частично, по крайней мере до 1927 года, разделял и Радек) сходятся, следовательно, с выводами Варги и Мадьяра о тесных связях между городской буржуазией и помещиками, хотя склонность Троцкого преувеличивать степень развития капиталистических отношений побуждала его видеть в лице земельных собственников простых агентов городского капитализма. Историк С. М. Дубровский, который уподоблял «азиатский способ производства» феодализму, был одним из первых, кто предупреждал, что этот предмет обсуждения станет общим как для троцкистов, так и для сторонников теории «азиатского способа производства»: «Неправильное понимание развития восточных стран, и особенно Китая, привело троцкистов, которые приняли идею какого-то особого «азиатского способа производства», к ряду ошибок как в программе, так и в тактике»³⁴.

Последняя фаза наступления сталинизма, однако, уже началась. 18 января 1929 года в «Правде» была опубликована лекция Ленина «О государстве», прочитанная им около 10 лет назад в Свердловском университете³⁵. Речь шла об одном-единственном случае, когда Ленин не устоял перед соблазном «однолинейной» теории, говоря об «общем законе» развития патриархального первобытного общества к рабовладельческому обществу, к крепостному праву и феодализму. Но, по правде сказать, Ленин и здесь почувствовал необходимость ограничить «общий закон» рамками «громادного большинства стран» (чтобы допустить исключения). Два раза с интервалом в 20 лет он процитировал с фактическим одо-

³³ L. Trotsky. *La Terza Internazionale dopo Lenin*, a cura di L. Maitan. Milano, 1957, p. 198—199, 221—222; *ID.* *La rivoluzione permanente*, a cura di L. Maitan. Torino, 1967, p. 100—101; *Fid.* *Problemi della rivoluzione cinese*, passim. См. также: *I. Deutscher.* *Il profeta disarmato.* Trotsky 1921—1929. Milano, 1961, p. 404 sgg; *Carrère d'Encausse-Schram.* *Op. cit.*, p. 61, 64, 221, 227—231; *Schlesinger.* *Op. cit.*, p. 97—103; *E. Masi.* *La contestazione cinese.* Torino, 1966, p. 18—25; introduzione di Peng Shu-tse a „Leo Trotsky on China“ New York, 1976.

³⁴ Цит. по: K. F. Shtepa. *Russian Historians the Soviet State.* New Brunswick (N. J.), 1962, p. 76.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84.

брением отрывков из введения к работе «К критике политической экономии» Маркса, в котором говорится об «азиатском, античном, феодальном и современном буржуазном» способах производства как о «прогрессивных эпохах экономической общественной формации». Другие его работы, в особенности его заметки по поводу переписки Маркса и Энгельса, показывают, что он был знаком с Марксовой постановкой проблем азиатского общества, и одновременно они ярко контрастируют с его так называемой «однолинейностью». Но эти работы (как и «Экономические рукописи 1857—1859 годов» Маркса, опубликованные лишь в 1939—1940 годах) были в своем большинстве неизвестны, и публикация лекции Ленина «О государстве» достигла желаемого эффекта, то есть поставила сторонников «азиатского способа производства» перед лицом серьезных обвинений в том, что они отделились от Ленина.

В период между 1929 и 1931 годами появилось большое количество публикаций и выступлений по этим вопросам. Сторонники теории «азиатского способа производства» шли в последний бой. Мадьяр опубликовал очерки по экономике Китая с предисловием Варги. Тот же Мадьяр написал вступление к книге, в которой Кокин и Папаян рассматривали систему «колодезных полей» (ирригированных) в Древнем Китае и социально-экономическую структуру эпохи Чжоу. И все тот же Мадьяр написал предисловие к книге А. И. Штусера относительно идей Маркса и Энгельса в отношении Индии. Пол Фокс, английский марксист, который работал в Москве в Институте марксизма-ленинизма, особенно интересовался источниками работ Маркса и Энгельса, касающихся «азиатского способа производства»³⁶.

С другой стороны, С. М. Дубровский отрицал существование «азиатского способа производства». М. Годес утверждал, что Индии и Китаю был знаком процесс первоначального накопления, совершавшегося одновременно с процессом разложения старых феодальных отношений и без прямого влияния европейского капитализма. В конце концов Е. Иолк резюмирует в резкой статье, появившейся в 1931 году в журнале «Под знаменем марксизма», все аргументы, применяемые против сторонников теории «азиатского способа производства». Дискуссии на эту тему проходили практически везде, от Москвы до Ленинграда, от Тифлиса до Харькова, и захватили фактически всех: от социологического отдела Общества историков-марксистов до ленинградских историков и до специалистов по сельскому хозяйству России. Почти все крупные культурно-политические учреждения занимались разработкой этой проблемы. Мадьяр, Берин, Кокин, Папаян выступали в защиту своих убеждений, чередуя стойкость и ус-

---

³⁶ См.: *Sawer. Op. cit.*, p. 94.

тупки. Дубровский, Годес и Иолк исполняли с большей последовательностью, чем другие, роль общественных обвинителей, используя самые различные аргументы. Отправной точкой служила полемика против «географического материализма» (которая, естественно, не пощадила и Плеханова); конечной же целью было подкрепление обвинений в скрытых и явных связях с троцкизмом. Помимо этих двух точек зрения, существовала и третья: географически обусловленному «азиатскому способу производства» не хватало «универсальности», типичной для способов производства; элементы, которые использовались для его определения, такие, как функция государства, принадлежали к надстройке и не придавали большого значения классовым отношениям. Конкретные эмпирические исследования, стоявшие теперь на более высоком уровне, чем во времена Маркса, не подтверждали существования какого-то специфического «азиатского способа производства». Другие, как, например, А. А. Болотников, М. П. Жаков в Баку и в Тифлисе, заходили так далеко, что признавали (а это само по себе было смелым), что даже сам Маркс мог ошибаться: да, он сформулировал концепцию «азиатского способа производства», но последующие исследования это опровергли.

В мае 1930 года в Тифлисе эта проблема обсуждалась группой ученых закавказского отделения Общества историков-марксистов³⁷. Со вступительным докладом выступил сторонник теории «азиатского способа производства» Берин. Затем на него обрушились с жестокой критикой другие участники дискуссии, в особенности Болотников, Сеф и Цвибак. В общем, противники этой теории утверждали, что «азиатский способ производства» следует рассматривать только как восточную разновидность феодализма, и они же обвиняли Берина в слишком буквальном понимании высказываний Маркса. В действительности и сами они вместо ответа предпочитали использовать лишь другой набор цитат. Маркс, Энгельс, Ленин, документы Коминтерна были для тех и других необходимым оружием в длительной борьбе с помощью цитат, тогда как обобщение и конкретные исторические факты отошли на второй план. Исторические примеры (и это вполне понятно, если принять во внимание место проведения дискуссии) относились в основном к Азербайджану, Турции и Персии. Что же касается политических аспектов программы, то они оставались в тени, в стороне от шедших отовсюду нападок на «механицизм» Бухарина и взаимных обвинений в тайном сговоре с буржуазными идеологами.

---

³⁷ Закавказское отделение Общества историков-марксистов при Комкадемии ЦИК СССР. «Об азиатском способе производства». Записка, 1930.

Подтверждая теорию «азиатского способа производства», Берин, однако, не распространял эту категорию на современный Восток, который он определял как феодальный. Но его попытки объяснить происхождение феодализма на Востоке звучали неубедительно. Берин связывал это историческое явление с приходом капитализма с Запада и, следовательно, не был защищен от критики своих противников, готовых уличить его в противоречиях и непоследовательности.

И все же в Тифлисе велась научная дискуссия, которая, несмотря на определенный полемический накал, проходила в сравнительно спокойной атмосфере, о чем можно судить из стенографического отчета. Гораздо более жесткой и более важной для определения позиций участников была дискуссия, происходившая в феврале 1931 года в Ленинграде по инициативе Ассоциации марксистов-востоковедов³⁸.

Дискуссию открыли два доклада, из которых первый, сделанный М. Годесом, был обличительной речью против теории «азиатского способа производства», а второй — М. Кокина — защищал его. После ряда выступлений Кокин, а затем и Годес подвели итоги. Несмотря на то что в прениях принимали участие главным образом научные работники, преобладающее политическое значение проблемы было отчетливо подчеркнуто Годесом уже в его первых репликах. Основные противники были четко определены в лице Троцкого и тех, кто, как Радек и Ломинадзе, обвинялся в том, что в той или иной степени в 1926—1928 годах разделяли позицию, занятую Троцким по китайскому вопросу. Главным было не осуждение теории «азиатского способа производства», а тот факт, что основные обвинители отстаивали «феодальную» интерпретацию Китая, то есть старую линию Коминтерна в китайском вопросе.

Годес критиковал идею о том, что бюрократический аппарат можно было бы в некотором роде считать классом, и теорию (подлинным автором которой является Богданов), по которой происхождение государства связывалось с зарождением руководящего бюрократического класса организаторов производства. Он подверг резкой критике географический материализм Плеханова, с необычайной легкостью уходя от знаменитой фразы Маркса о способах производства (приведенной во введении к работе «К критике политической экономии»), и утверждал, что с тех пор изучение работ Моргана

---

³⁸ Коммунистическая академия. Дискуссия об «азиатском способе производства». Ленинград, 1931. О дискуссиях тех лет см. также: K. Wittfogel. Il dispotismo orientale, 2 Firenze, 1968, p. 635 sgg; J. Pečírka. Die Sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktion sowie und über die Sklavenhalterformation. — In: "Eirene. Studia graeca et latina", III. Praha, 1964, p. 147—169; Sawyer. Op. cit., p. 91—100; Ülman. Op. cit., p. 138—140.

открыло глаза Марксу и заставило его переменить свое мнение о первобытном обществе. Основным объектом его polemических выпадов был Мадьяр: Годес обвинял его в некритическом и поверхностном отношении к цитатам из Маркса.

Годес утверждал даже, что идея особого характера Азии, из которой исходит теория «азиатского способа производства», использовалась в антикоммунистическом духе как некоторыми азиатскими националистами, так и европейскими капиталистами. Законы исторического развития, повторял Годес, не терпят «исключений». «Восток, пусть даже и следуя своим особым путем, все равно прошел те же стадии, что и Европа. И если до сих пор некоторые наши товарищи еще не способны признать наличие феодальных отношений в Китае вплоть до наших дней, то в этом повинны либо троцкистский туман, застилающий их очи, либо простая неспособность понять сущность феодализма».

Е. Иолк, специально приводивший цитаты из работ Варги о Китае, допускал различие между троцкистами и сторонниками теории «азиатского способа производства», но добавлял, что политические последствия обеих позиций объективно равнозначны. Это сближение с троцкистами было отвергнуто Кокиным как натяжка и демагогия: Троцкий и Радек, утверждал он, отказались охарактеризовать современный Китай как феодальное общество, в то время как сторонники «азиатского способа производства» принимали феодальную концепцию современного Китая, утверждая, что «азиатский способ производства» существовал только в Древнем Китае и лишь некоторые его пережитки встречаются в наши дни.

Почти все участники дискуссии отказались применить категорию «азиатского способа производства» к современному Китаю, который был охарактеризован как страна с преимущественно феодальным строем. (Лишь немногие признавали наличие остатков «азиатского способа производства».) Годес и Иолк отрицали существование даже в прошлом какого-то особого «азиатского способа производства». Востоковед И. Лурье пришел им на помощь, утверждая наличие феодальных отношений в развитых древних обществах на Ближнем Востоке. Напротив, Ковалев и Струве (первый — вполне определенно, второй — несколько двусмысленно) высказались в поддержку мнения, что в качестве примера «азиатского способа производства» можно взять Древний Египет и Месопотамию. Аналогичной точки зрения придерживались Н. Камелин и А. Мухарджи. И. Плотников утверждал, что «азиатский способ производства» существовал в доколумбовой Америке, а Папаян и Кокин находили его проявления в древней истории Китая. Никто, однако, в ходе прений не цитировал работ Маркса, в которых говорилось о России как об обществе «азиатском».

В заключение Годес еще раз повторил, что эта теория не встретила одобрения, потому что она имеет ограниченное применение и «объективно фальшива», если не пагубна для целей мировой революции: «Теорию, которая не служит делу революции и которая бесплодна в приложении к настоящему, нужно отбросить». Этот тезис, хотя он и выдвигался различными группировками, как бы вобрал в себя результаты всей дискуссии. Так, несмотря ни на что, казалось, что руководители советской компартии (которым эта проблема была особенно близка) не скрывали своего неудовольствия по поводу дискуссии в Ленинграде, которую они осудили за ее незавершенность и за то, что она не указала с достаточной ясностью на связь между теорией «азиатского способа производства» и ошибками в троцкистской оппозиции³⁹.

Так или иначе, дискуссии 1930—1931 годов ознаменовали собой главный этап победоносного шествия «однолинейного» направления, которое могло пользоваться посмертной поддержкой Ленина благодаря опубликованию его лекции «О государстве». Представление о том, что могут существовать фундаментальные различия в социальной структуре и истории Востока и Запада, отвергалось все более и более настойчиво.

В 1931 году С. Ольденбург, секретарь Академии наук СССР, писал: «Для нас не существует разделения народов и стран на восточные и западные, противопоставленные одни другим, и изучения их различными методами. В нашей стране Восток имеет те же права, что и Запад, и для его изучения мы используем ту же самую западную марксистскую методологию, примененную к Западу. Классовая борьба существовала и существует на Востоке, так же как и на Западе. Истории Востока присущи те же формации, что и истории Запада. Это и есть те основные принципы, которыми мы руководствуемся при изучении Востока»⁴⁰.

И даже опубликование в 1939—1940 годах «Экономических рукописей 1857—1859 годов» Маркса не могло остановить триумфальное шествие «однолинейного» направления: глава о «докапиталистических формах экономики» не принималась во внимание или становилась объектом произвольного толкования. Когда в 1938 году вышла в свет «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», одобренная Центральным Комитетом партии, во втором параграфе четвертой главы «О диалектическом и историческом материализме», написанном Сталиным, можно было прочи-

---

³⁹ W. Laqueur. The Soviet Union and the Middle East. New York, 1959, p. 92. В не так давно опубликованной «Истории античного общества» под редакцией В. Дьякова и С. Ковалева, М., 1962, можно прочесть, что вопрос о характере социальных отношений на Востоке обсуждался в 30-х годах, но в несколько схоластическом, педантском духе; см. с. 88.

⁴⁰ Цит. по: *Pečirka*. Op. cit., p. 153.

тать наиболее полное и четкое изложение однолинейной теории исторического развития: «Истории известны пять *основных* типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический»⁴¹.

«Азиатский способ производства» в течение ряда лет приравнивали к феодальному, пока в период между 1938—1940 годами не стал доминирующим новый тезис, который поддержали в особенности Ковалев и Струве. Согласно этому тезису, существовала некая разновидность рабовладельческого общества, в котором сохранялись пережитки патриархального общества. Все же принятие этого тезиса в советской историографии никогда не исключало возможности дискуссий и различных точек зрения. Например, разделяя основную мысль о древневосточном обществе как обществе «рабовладельческом», Струве и Тюменев пришли к противоположным выводам: первый подчеркивал сходство и непрерывность, второй — различие и разрыв между этими и последующими греко-римскими рабовладельческими обществами.

Тем не менее эти последние всплески разногласий по поводу «азиатского способа производства» были ограничены рамками классической античности и древней истории Ближнего Востока. Естественно, что об «азиатском способе производства» в истории России уже не упоминали. В тот самый момент, когда Советский Союз стал «моделью», усилилась потребность в использовании этого термина применительно ко всей истории России, а также выискивании в ее истории классических фаз развития (рабовладельческой и феодальной); именно этим, как правило, и стали заниматься⁴².

Что же касается работы, проводившейся советскими востоковедами, то они пережили глубокий кризис в 1928—1930 годах, когда ведущие институты были реорганизованы после острой полемики против некомпетентных лиц, профессуры, буржуазных элементов в науке. Некоторые сторонники «азиатского» направления в исследовании китайского общества стали заниматься иными проблемами, другие эмигрировали,

---

⁴¹ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». М., 1938, с. 119.

⁴² О дискуссиях между советскими историками в период между двумя мировыми войнами см.: *Steppa*. Op. cit. (автор этой работы, настоящего кладеза информации, был русским историком, специалистом по античности и средневековью; он эмигрировал в США в 1943 году и скончался в 1958 году; под псевдонимом Година он известен как соавтор книги о процессах сталинской эпохи), «Rewriting Russian History» (в особенности статьи: *C. E. Black*. History and Politics in the Soviet Union, p. 3—31; *L. Yaresh*. The Problem of Periodization, p. 32—77); *E. Stuart Kirby*. Russian Studies of China. London, 1975. В отношении дискуссии о древней истории и об «азиатском способе производства» см. уже упоминавшийся интереснейший обзор: *J. Pečirka*. Die Sowjetischen Diskussionen.

третьи, как, например, Мадьяр и Рязанов, исчезли в годы репрессий, пав жертвами процесса полного искоренения инакомыслящих⁴³.

4. Китайская трактовка проблемы

В 20-е и 30-е годы теория «азиатского способа производства» не имела в Китае большого числа сторонников и обсуждалась в Китае меньше, чем в СССР. Возможно, что применение такого термина, как «азиатский», с явно пренебрежительным оттенком вызвало немалое замешательство среди китайской марксистски настроенной интеллигенции⁴⁴. Кроме того, китайская компартия была еще слаба и поэтому находилась под влиянием официальных документов Коминтерна и высказываний его эмиссаров. Руководители Коминтерна часто получали неполную и неопределенную информацию о положении в Китае, и вполне понятно, что они были вынуждены применять к этой стране терминологию и критерии исследований и оценок, которые были им наиболее близки. Бытовало мнение, что в китайском обществе остатки феодализма присутствуют вперемешку с зачатками капитализма. Конечно, китайские коммунисты имели совершенно иные возможности для непосредственного анализа. Тем не менее, хотя они и не становились кабинетными пленниками привнесенной извне теории, перед ними возникала проблема: как совместить имеющиеся в их распоряжении данные с политическим курсом и терминологией Коминтерна? Было немыслимо, чтобы активность молодой и неокрепшей партии в стране, где только-только зародились марксистские традиции, могла выразить себя в попытке пересмотра теории, и не случайно, что лишь единственный раз (а речь идет действительно об одном случае) в 1927—1928 годах теория «азиатского способа производства» появилась в официальных документах КПК. Это совпало с пребыванием в Китае в качестве советников партии от Коминтерна Неймана и Ломинадзе.

---

⁴³ *Laqueur*. Op. cit., p. 11 ff. О советских институтах и ученых, занимавшихся Востоком, об их судьбе многочисленные сведения, помимо уже цитировавшихся нами, имеются в: *Ibid.*, p. 81 (сведения, относящиеся к Мадьяру); *Sawer*. Op. cit., p. 86—87. Мадьяр работал в восточном секретариате Коминтерна вплоть до 1934 года, откуда он был изгнан (умер в 1940 году); уже в 1931 году он был вынужден писать в своих новых работах об азиатском феодализме (о судьбе Рязанова см.: *V. Serge. Memoire di un rivoluzionario*. Firenze, 1956, p. 365—366; *L. Schapiro. Storia del partito comunista sovietico*. Milano, 1962, p. 487). Из упоминавшихся персонажей нашей истории трагически погибли также Пеппер, Нейман, Ломинадзе.

⁴⁴ *B. Schwartz. A marxist controversy on China*. — In: "Far Eastern Quarterly", XIII, 1954, p. 143—153.

Конечно, отдельные особенности теорий «азиатского общества» могли даже быть пригодными или объективно приближаться к выводам той или иной группировки китайских коммунистов. Но слишком долгим был путь к полному пониманию всей теории. Проблема и здесь состояла в том, что не всегда легко было примирить ее с основной линией Коминтерна. В некоторых случаях необходимость объединения всех этих проблем приводила к разного рода ухищрениям, к использованию туманных намеков и неопределенных формул. В более серьезных случаях это делалось для защиты идей и политических направлений, совсем неразделяемых на личностном уровне. Достаточно вспомнить о Чэнь Дусю, одном из наиболее авторитетных китайских интеллектуалов, секретаре партии с момента ее образования, пунктуальном исполнителе директив Коминтерна, хотя он и не всегда был согласен с ними. (В 1927 году ему было предъявлено обвинение в «правом оппортунизме» и он был снят с занимаемой должности, позже он стал троцкистом и умер в 1942 году в одной из тюрем гоминьдана.) Или еще один пример — Ку Кьюбай, выступавший в качестве главного обвинителя Чэнь Дусю и его преемника, хотя на своем ответственном посту он и разделял их политическую линию.

Что касается взаимосвязи между наличием различных интерпретаций развития китайского общества и существованием нескольких политических направлений в КПК в период 1921—1928 годов, то нельзя сказать, что изучение истории этого вопроса дало удовлетворительные результаты. Ощущается нехватка документации. Присоединение Цюй Цюбо к теории «азиатского способа производства», по имеющимся в нашем распоряжении документам, есть не более чем гипотеза. Если бы это было на самом деле так, то это подтвердило бы, что в отношении китайского вопроса марксистская теория «азиатского общества» подкрепляла или, во всяком случае, иллюстрировала политические позиции, которые находились «слева» от официальной линии Коминтерна: если сравнивать это с дискуссией, проходившей в первое десятилетие XX века между Плехановым и Лениным, то можно сказать, что здесь роли переменялись.

Интересен и не всегда ясен тот аспект проблемы, который отражал позицию Мао Цзэдуна. Виттфогель утверждал, что Мао принял «феодальную»⁴⁵ интерпретацию, и это в некотором смысле очевидно. В одном из высказываний, наиболее подходящем к нашей теме, в «учебном пособии» для партийных кадров, написанном Мао и другими авторами в 1939 году, мы читаем следующее: «В процессе своего развития китайский народ (здесь речь пойдет главным образом об исто-

---

⁴⁵ Wittfogel. Op. cit., p. 169.

рин ханьцев), как и многие другие народы мира, прошел длившийся десятки тысячелетий период бесклассового первобытнообщинного строя. С момента распада первобытной общины и образования в обществе классов до настоящего времени прошло около четырех тысяч лет, в течение которых китайский народ пережил эпохи рабовладельческого и феодального обществ»⁴⁶.

Добавим, что определения «феодальный» и «полуфеодальный» для характеристики отдельных аспектов современного китайского общества постоянно присутствуют в работах Мао. И все же вопрос остается открытым. Прежде всего, к Мао относится все то, что уже было сказано об отношении к этой проблеме китайских коммунистов. У него было по меньшей мере два убедительных довода против использования выражения «азиатский способ производства». Первый — очевидное недоверие со стороны тех, кто подчеркивал богатое историческое наследие и славные революционные традиции ханьского народа, к определению «азиатский» с присущим ему, по крайней мере изначально, уничижительным оттенком. Второй — это то, что, по мнению Мао, вопрос чистой терминологии не может иметь принципиального значения, особенно если он рискует стать лишним (и ненужным) поводом для разногласий с Москвой. Но это еще не означает, что Мао объяснял китайскую действительность в неточных или недостаточно верных терминах, заимствованных из иного исторического контекста.

Балаш очень справедливо замечал, что «слово «феодальный» лишено точного смысла. Оно имеет просто «реакционный» оттенок и определяет любое отношение к земельной собственности. Здесь наблюдается некоторое сходство с французским «*hobereau*» или с немецким «*junker*», даже, если не ошибаюсь, с английским „*squirearchy*»»⁴⁷, но гипотезы всегда остаются гипотезами. Нам остается только спросить себя, в какой же мере анализ китайского общества, проведенный Мао, и революционная стратегия, разработанная им же, находились в соответствии с теорией «азиатского способа производства». Мимоходом можно даже отметить, что Мао всегда относился с большей симпатией к Цюй Цюбо, чем к любому другому лидеру КПК в период, предшествующий 1934 году⁴⁸. Некоторые основные элементы маоистской стра-

⁴⁶ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 3. М., 1933, с. 136—137; см. также: D. M. Lowe. The Function of "China" in Marx, Lenin, and Mao. Berkeley — Los Angeles, 1966.

⁴⁷ E. Balazs. The Birth of Capitalism in China. — In: "Journal of the Economic and Social History of the Orient", III, Part II, 1960, p. 200.

⁴⁸ T. A. Hsia. Ch'ü Ch'in-pai's Autobiographical Writings: The Making and Destruction of a Tender-Hearted Communist. — In: "The China Quarterly", january—march 1966, № 25, p. 176—217. Знаменитый доклад Мао о Хунани начал печататься в одном журнале, но после первой части

тегии можно было бы с большей легкостью и объективностью вписать в рамки «азиатского» мировоззрения, чем традиционных положений Коминтерна.

Одним из них было то, что крестьянству приписывалась основная роль в революционной борьбе, то есть в рамках концепции «азиатского способа производства»,—это масса угнетенных и подавляемых. Другим элементом была политика союза с некоторыми слоями буржуазии, несколько отличная от прежней политики соглашения между КПК и гоминданом. Как мы уже видели, Коминтерн считал, что класс капиталистической буржуазии в Китае проводил антифеодальную революцию; на определенной стадии развития революции, испуганный возраставшей силой пролетариата, этот буржуазный класс «предал» его и вступил в союз с остатками феодализма для выполнения антипролетарской функции. По мнению сторонников теории «азиатского способа производства», таких, например, как Варга, китайская буржуазия, состоявшая в основном из торговцев и ростовщиков, была по своему характеру неспособна руководить демократической революцией из-за своих тесных связей с империализмом, с одной стороны, и с правящим классом, представленным помещиками и бюрократическим аппаратом, — с другой. Анализ китайской буржуазии, предпринятый Мао, был более сложным. Он в основном разделял пессимизм этого второго подхода в том, что касалось крупных помещиков, компрадорской буржуазии, бюрократического аппарата, капиталистов, зависящих от финансовой и политической поддержки иностранных держав. Вероятность участия этих групп в революционной борьбе не стоило принимать в расчет. Оставались, однако, другие слои буржуазии, в помощи которых нуждались пролетариат и крестьянство и к которым приходилось обращаться, чтобы не замыкаться в заранее отрицательном к ним отношении. Этими слоями, к примеру, были традиционные ремесленники и мелкие предприниматели, разорившиеся в результате конкуренции с иностранным капиталом, и особенно интеллигенция, пролетаризованная происходящими социальными изменениями, оскорбленная историческим упадком Китая в результате империалистической агрессии, готовая внести свой вклад в великую национальную антиимпериалистическую революцию. Речь шла, следовательно, о борьбе не против «феодализма» (в сколь угодно обширном понимании этого термина), а против иностранного господства, экономической и культурной отсталости, против помещиков, ростовщиков, бюрократии.

журнал решил не продолжать публикацию. Цюй Цюбо добился тогда его публикации отдельной брошюрой, написав к нему свое предисловие. Статья Ся, наиболее глубокая работа из всех, посвященных этому деятелю, не дает нам никаких доказательств, которые позволили бы окончательно выяснить приверженность Цюй Цюбо «теории азиатского способа производства».

против особой китайской разновидности капитализма. Для того чтобы охарактеризовать эту особенную форму китайского капитализма, Мао создал некое тяжеловесное выражение («феодалыю-компрадорский бюрократическо-монополистический государственный капитализм»), которое Балаш прокомментировал таким образом: «Конечно, речь идет о лозунге. И, однако, это все же более или менее адекватное определение, если мы только попытаемся понять, как оно отражает действительность. Первая часть этого высказывания выражает презрение к промышленной и торговой буржуазии «договорных портов» («*treaty ports*»), которые были тесно связаны с иностранными державами и крупными землевладельцами. Таким образом, мы получаем выражение «феодалыю-компрадорский». С другой стороны, «монополистический государственный капитализм» просто-напросто означает, что в этот период в гоминьдановском Китае известные семейства Чан Кайши, Т. В. Суна и У Х. Куна монополизировали экономическую жизнь всей страны. Мао называл эту буржуазию «бюрократической»⁴⁹.

В действительности Мао продемонстрировал и здесь свое «инакомыслие», которое заключалось не в том, чтобы принять какую-либо из «теорий» (Китай — феодальное, азиатское или же полностью буржуазное государство), которые тогда отражали политическую борьбу внутри Коминтерна, но способностью провести анализ китайского общества в совершенно не схоластической манере. С момента выхода в свет в 1926 году своей известной работы «О классах китайского общества» Мао больше никогда не интересовался классификацией общества и наклейкой теоретических ярлыков. Проблема, которой он занимался, была сугубо практической: выяснить, «кто наши враги и кто наши друзья?», исследуя не только «экономические условия» различных классов и социальных прослоек, но также «их соответственное отношение к революции». Более того, он считал, что все эти факторы могут меняться. Анализ классов не должен быть простой фотографией, нужно уловить движение и всегда соотносить его с реальной действительностью. В 1935 году перед необходимостью выполнения новых задач, возникших в результате вторжения японских захватчиков, Мао начал свой анализ следующей фразой: «Посмотрим, как отвечают на этот вопрос (сопротивляться или капитулировать) различные классы Китая». В той же самой работе можно прочитать, что «национальной буржуазии *феодальный* характер присущ в меньшей степени, чем классу помещиков, и компрадорский характер — в меньшей степени, чем компрадорской буржуазии»⁵⁰.

⁴⁹ Balazh. Op. cit., p. 198 (in: "Chinese Civilization", cit., p. 36).

⁵⁰ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1, с. 264 (курсив автора. — Ред.).

Утверждения подобного рода, ошеломляющие с точки зрения ортодоксальной марксистской терминологии, встречаются во всех работах Мао. И конечно, он считал более продуктивным тщательно анализировать китайскую действительность и возможность заключенного в ней движения, чем спорить о наличии или отсутствии того или иного способа производства.

О «марксизме» Мао говорили и будут говорить еще долго. В специфической стране он, без сомнения, предпочитал теории революционную практику; центральным ядром его теории был тезис об универсальности противоречия. Отсюда вышел Мао — инакомыслящий на практике и одновременно следовавший по многим теоретическим вопросам за Сталиным. Любопытно, что наиболее «ортодоксальные» (и сталинистские) взгляды Мао как марксиста почти всегда появляются на страницах «дидактических» работ, нацеленных на подготовку активистов и опубликованных в форме официальных партийных документов, — работы, в которых Мао не столько анализирует реальность в ее развитии, сколько перечисляет ее определения.

Зато с 60-х годов (то есть после разрыва с СССР) «закрытые» отчеты о собраниях и встречах с высшим и средним партийным руководством свидетельствуют о невероятной свободе и изобретательности даже в философских вопросах. Вероятно, в этой двойственности (между «ортодоксальным» языком некоторых работ, предназначенных для партийных кадров, и абсолютной свободой, пронизывающей другие произведения) кроется одна из причин последующих разногласий внутри китайского руководства.

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что выправление теории стадий в соответствии с позицией Сталина было вскоре подтверждено историками партии. Уже в 1929 году в своей работе «Исследование древнего китайского общества» Го Можо описывал Древний Китай как рабовладельческое общество, которое должно было впоследствии развиться в феодальное. Другие позднее утверждали, что «азиатский способ производства» Маркса был не чем иным, как разновидностью рабовладельческого строя, в котором сохранились следы первобытного коммунизма⁵¹.

В Китае (как и в Европе) в течение ряда лет вновь происходило обсуждение этих тем, но постепенно с возрастающей уклончивостью китайских историков по вопросу о принятии теории «азиатского способа производства» и даже о дискуссионном характере канонической интерпретации истории страны. Снова возобладали политические соображения. В самом деле, в возобновившихся недавно международных деба-

---

⁵¹ См.: *Ulmen*. Op. cit., p. 584 sgg.; "History in Communist China, a cura di A. Feuerwerker" Cambridge (Mass.). 1968, passim.

тах советская пропаганда увидела возможность обрушиться с нападками на Китай: страна отсталая, застойная, неспособная к развитию и более всего неспособная построить социализм.

5. Завершение дискуссии об «азиатском способе производства»

Нельзя сказать, что при теперешнем положении дел и наличии доступных источников вопрос, которым мы здесь занимаемся, уже достаточно выяснен. Можно, однако, не без оснований утверждать, что главными причинами осуждения теории «азиатского способа производства» и отказа от нее были следующие (в порядке их значимости).

На первом месте — китайский вопрос. Хотя и не совсем ясно, как и каким образом обсуждение «азиатского способа производства» пересекается с различными политическими платформами как внутри Коминтерна, так и внутри КПК, несомненно одно: применение этой теории к условиям Китая плохо помогало разработке соответствующей политической линии, доминирующей в Коминтерне, и могло только снабдить полезными аргументами ее противников. Вероятно, со стороны «ортодоксов» эти связи намеренно преувеличиваются, но бесспорно, что троцкисты и поборники «азиатского способа производства» давали интерпретацию, по меньшей мере частично не совпадающую с действительным положением в Китае, и те и другие сообща отказывались применить *sic et simpliciter* к современному Китаю категорию «феодализма». Важно еще подчеркнуть, что полемика последователей Сталина против теории «азиатского способа производства» усилилась и ожесточилась после 1927 года и, следовательно, после того, как китайская трагедия того же года вновь дала повод для критики политического курса Коминтерна.

Затем следует отметить, что некоторые положения теории «азиатского способа производства» как в самостоятельном виде, так и в виде специфического приложения к прошлому России оказались достаточно пригодными для использования оппозицией в борьбе против форм, которые Советская власть постепенно приобретала после смерти Ленина. Идея нового государства-Левиафана и новой касты чиновников была, как уже было отмечено раньше, центральным ядром критики, которую различные группы оппозиции, и в частности троцкисты, выдвигали против Сталина и партийного аппарата. Естественно, что подобная критика рождалась скорее из анализа повседневных перемен в партии и Советском Союзе, чем из переосмысления теорий, которые Маркс и Энгельс применяли к Азии. Тем не менее даже эти идеи имели свой собственный

вес так же, как (и даже больше) имели вес утверждения об азиатском наследии России. Во всяком случае, более чем вероятно, что, когда Мадьяр, например, говорил о «рабах общества, ставших господствующим классом», многие его читатели вспоминали троцкистские идеи о возникновении в СССР привилегированной группы, которая основала, используя методы диктатуры и бюрократии, свою собственную новую власть в первом «социалистическом государстве».

И еще: в атмосфере укоренявшегося догматизма тех лет обсуждение «азиатского способа производства» и «стадий» исторического развития разворачивалось на фоне борьбы между «ортодоксальной» тенденцией, выразившей подчиненность историографии и, в более широком смысле, всей культуры партийным интересам, и учеными, которых обвиняли в подверженности влиянию «буржуазных идей», как, например, Тарле и Петрушевский. В этой дискуссии, в которой постепенно стали доминировать историки-партийцы во главе с Покровским, «азиатский способ производства» был одной из многих теоретических проблем, принесенных в жертву схематичным и упрощенным тезисам о всеобщей смене четырех способов производства.

Полемика, связанная с борьбой за ортодоксальность и за подчиненность культуры партийным интересам была также и полемикой против идей (чье авторство приписывали Богданову) о зарождении государства не на основе появления частной собственности и классовой борьбы, а на основе необходимости организации производства и превращения первоначальных организаторов в класс эксплуататоров.

Эта идея, которая содержится и в произведениях Маркса, была, как мы видим, разработана и представлена в более полном виде сторонниками теории «азиатского способа производства» и, разумеется, быстро превращалась в критику происходящих в Советском Союзе перемен.

Наконец, возможно, что у некоторых лиц (мы возвращаемся к политике Коминтерна в Азии) могло возникнуть стремление опровергнуть идею, потенциально реакционную, об «исключительности» Азии по отношению к нормальному историческому развитию человечества. Однако существовал и определенный риск в связи с вероятностью ошибочного применения к азиатским странам интерпретационных критериев, разработанных на основе исторического опыта Запада, и этот риск становился, таким образом, более или менее осознанной ценой, заплаченной за борьбу против мнений тех, кто во имя азиатской исключительности отрицал возможность революционного и социалистического развития на Востоке. Конечно, имеются веские основания подозревать, что этот тип аргументации послужил в действительности для того, чтобы скрыть другие проблемы и другие политические интересы. Но

уместно вспомнить, что, за немногими исключениями, китайские ученые и политики-марксисты отклоняли в свое время, а часто отвергают и поныне, идею некой азиатской «исключительности», якобы обрекающей Китай на застой и неспособность к самостоятельному развитию. Стоит добавить, что даже сейчас многие западные ученые, марксисты и немарксисты, обращающие внимание на особенности развития азиатских стран, отрицают тем не менее идею абсолютной «исключительности» в их истории, а более всего — идею о предполагаемой тысячелетней стабильности их общественных учреждений⁵². Здесь мы не можем углубляться в суть вопроса, который до сих пор остается открытым. Однако следует обратить внимание на то, что в начале 30-х годов осуждение теории «азиатского способа производства» с последующим утверждением теории «стадий», обязательных в истории любого народа, внесло свою лепту в процесс ослабления и обеднения марксизма (как западного, так и восточного), что проявилось во многих отношениях. Потребовалось около 30 лет, чтобы вновь начались дискуссии в глубоко изменившейся, новой исторической ситуации с сильными политическими осложнениями. Но это уже другая история.

---

⁵² Например, нашедшая справедливое одобрение работа: *J. Cernet. Il mondo cinese. Dalle prime civiltà alla Repubblica popolare*. Torino, 1978, которая, хотя в ней и не широко анализируется эта проблема, представляет собой аргументированный отказ от «статических» или «циклических» интерпретаций китайской истории.

Мартин Бернал

МАО И КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Мао до прихода к Марксу

В политическом формировании Мао большое значение имело то, где и в какой классовой среде он вырос. Его отец был бедным крестьянином, сумевшим после рождения сына сколотить небольшое состояние. Мальчик не знал голода и даже получил возможность учиться в школе. В Шаошани, его родной деревне, которая находилась в самом центре богатой провинции Хунань, проживало много достаточно сплоченных крестьян-землевладельцев, внесших значительный вклад в тайпинское революционное выступление крестьян в середине XIX века. Вместе с иностранцами и китайской аристократией, пришедшей к власти после реставрации имперского правления маньчжурской династии, они обладали реальной властью в стране. Несмотря на свои довольно широкие внешнеторговые связи, аристократия провинции Хунань решительно сопротивлялась любому иностранному вмешательству в политические дела Китая и создала идеологию культурно-национального возрождения Китая, во главе которого должна была стать Хунань.

Трудно оценить, в какой мере политические идеи Мао связаны с его семейным окружением. Сам он приписывал этому определенное значение. В его автобиографии содержатся описания споров с отцом и рассказ о создании «единого фронта» с матерью и младшим братом. Вот откуда, очевидно, тянутся его симпатии к женщинам и к молодежи, проявившиеся еще в детстве, которые на всю жизнь определили бунтарский характер Мао. Но, без сомнения, его личность революционера, не говоря уже о той роли, которую играли революционеры в Китае XX века, сформировалась, конечно же, в более широком социальном окружении. Несмотря на относительное процветание Хунани, Мао вырос в обществе, которое сталкивалось с острыми классовыми противоречиями и социально-экономическими проблемами. В его биографии приведено много рассказов о вспыхивавших в его родной провинции «рисовых бунтах», восстаниях и актах «бандитизма», к участникам которых он всегда испытывал глубокую

симпатию. К тринадцати годам он получил в местной школе традиционное образование. Вскоре Мао постепенно отдалился от социальных и классовых вопросов и стал заниматься преимущественно национальной проблематикой. Он изучил классиков конфуцианства с их уважением к власти и иерархии. С другой стороны, как и предыдущие поколения китайских школьников, он читал народные сказки и рассказы, в которых проповедовались совершенно обратные ценности, а в некоторых из них даже прославлялось насилие, если оно было направлено на достижение справедливости.

Через два года, в течение которых отец пытался заставить сына заниматься земледелием, сопротивление Мао оказалось сильнее. Он сумел приобрести деньги, необходимые для продолжения учебы, сперва в одном торговом городке, а затем в Чанша, столице провинции, где он был вовлечен в движение, направленное против маньчжурского господства и иностранных эксплуататоров, с которыми в то время (1910—1911) маньчжурский двор был в тесных союзнических отношениях.

Как и многие другие учащиеся, он принялся за чтение трудов представителей реформистской аристократии, таких, как Кан Ювэй (1858—1927) и Лян Цичао (1873—1929), самого влиятельного пропагандиста западной мысли и западных институтов в Китае.

В ходе революции 1911 года, опрокинувшей маньчжурскую династию, Мао находился в Чанша и присоединился к революционной армии, руководимой местной аристократией. Однако он не участвовал ни в одном из сражений и через несколько месяцев, когда показалось, что положение республики твердо, покинул армию. В 1913 году, проведя несколько месяцев за чтением переводов Дарвина, Милля, Руссо, Спенсера и других западных классиков в провинциальной библиотеке Хунани, он поступил в педагогическое училище, которое закончил в 1918 году. В этот период интеллектуальное влияние оказал на него Ян Чанцзи (1870—1920). Мао посещал его лекции с 1916 года и в 1920 году женился на его дочери. Человек большого ума, Ян был известен во всей стране; он изучал философию в Японии, Шотландии и Германии. Кроме того, он поддерживал отношения с руководителями движения «4 мая» и с будущими основателями коммунистической партии.

Заметки периода учебы, одна из статей и последующие комментарии к ней в определенной степени дают представление о взглядах Мао до 1918 года. Симпатии к угнетенным, которые были присущи ему в течение всей его жизни, проявились уже тогда, и, кажется, одно время он считал возможным достичь справедливости и равенства реформистским путем. «В то время мои идеи представляли странную смесь из

демократического реформизма, либерализма и социалистического утопизма»¹.

Но наряду с этим в нем уживались также ненависть к угнетателям и сознание того, что для их уничтожения необходимо прибегнуть к насилию. В течение некоторого времени он разделял убеждения Лян Шицао, согласно которым для созидания необходимо уничтожение и разрушение: «Пусть разрушение станет матерью, дающей жизнь новому государству»².

Уже тогда Мао часто пользовался подобным типом парадоксальных формулировок, приносящих в его мысль элементы диалектики, хотя в этот период он скорее обращался к дуализму Канта, с которым он познакомился, изучая работы немецкого философа и педагога Фридриха Паульсена (1846—1908), чьи «Основы этики» были переведены на китайский язык в 1913 году философом Цай Юаньбэем (1868—1940) и вызвали восхищение Чан Кайши. Обращение к иностранным источникам позволило Мао сделать более четкими те из своих концепций, которые он развивал, исходя из личного опыта, социального окружения и своих традиций. Его восприятие диалектики, например, во многих аспектах было скорее даосистским и буддистским, чем европейским. В своих заметках на полях книги Паульсена он писал:

«Суждение — это реальность, конечное — это бесконечное, временное — это вневременное, воображение — это мысль, я — это вселенная, жизнь — это смерть, смерть — это жизнь, настоящее — это прошедшее и будущее, прошедшее и будущее — это настоящее, малые вещи — это великие вещи, инь — это ян»³.

В эти годы Мао выступал не столько против китайской традиции в целом, сколько против официального конфуцианства, которое он ненавидел за внутренне присущие ему статичность, гармонию и авторитаризм и особенно за то влияние, которое конфуцианство оказывало на жизнь Китая. Начиная с поколения Мао, все молодые образованные китайцы отошли от тенденции культурализма и защиты китайской традиционности, отдавая предпочтение национализму, защите китайской нации — цели, ради достижения которой можно было пожертвовать любыми традиционными идеями или институтами. Парадоксально, что они прибегали к социальному дарвинизму как раз на том уровне, на каком Герберт Спенсер отвергал его, — на уровне национального государства. Они никогда не могли согласиться с утверждением, что

¹ E. Snow. *Stella rossa sulla China*. Torino, 1974, p. 168.

² J. CH'en. *Mao Tse-tung e la rivoluzione cinese*. Firenze, 1966, p. 58.

³ S. Schram. *Il pensiero politico di Mao Tse-tung*. Milano, 1969, p. 20 («инь» и «ян» в древней китайской философии обозначают понятия активной и пассивной силы. — *Прим. ред.*).

неспособность Китая конкурировать с жестоким миром империализма есть следствие его врожденной слабости. По их мнению, это объяснялось тем, что китайский национальный дух был выхолощен имперским государством и конфуцианской пассивностью. Китай нуждался в развитии национальной воли, и примером в этом ему могла служить Япония.

После победы Японии над Китаем в 1895 году для китайских радикалов стало очевидно, что успешная адаптация Японии к империалистической системе связана с культом жертвенности и насилия, которым были отмечены японские патриоты, и с «бусидо» — милитаристским духом, пронизывавшим японское общество. И если бы подобная национальная сила воли развилась и в Китае, то страна с ее удивительно талантливым населением и обширными природными ресурсами легко смогла бы стать более могущественной, чем Япония, державой. Это, однако, не означало отрицания объективных трудностей, с которыми сталкивалась страна. Еще в 1917 году Мао диалектически рассматривал проблему объективных и субъективных сил и способности индивидуальной воли перестроить общество, которое и порождало эту волю: «Даже если человек и обусловлен природой, он является ее составной частью. Следовательно, природа обладает силой и способностью обуславливать нас, но мы же тоже обладаем силой и способностью обуславливать природу. И хотя наша сила и незначительна, это не значит, что мы можем сказать, что она не оказывает никакого воздействия»⁴.

То значение, которое Паульсен придавал развитию воли через борьбу с окружающей средой, было полностью созвучно убеждениям Мао, приступившего к их практическому применению с помощью физической культуры, через трансформацию умственной энергии в энергию физическую. Вместе с друзьями он стал настойчиво заниматься физическими упражнениями и целые месяцы укреплял свое здоровье длительными переходами почти через всю провинцию. Речь шла о специфическом выражении принципа, который Мао защищал в течение всей своей жизни, а именно что тот или иной феномен может быть выявлен лишь тогда, когда он доведен до своего крайнего выражения.

Социальным воплощением силы воли для Мао была молодежь, и он наряду со своей физико-культуристской деятельностью организовал общество «новых граждан», многие члены которого впоследствии стали руководителями Коммунистической партии Китая. Тот факт, что Мао стал основателем и руководителем этой группы, говорит нам о том, что уже тогда его индивидуальность выходила за рамки обычного, а его идеи, хотя они впоследствии и подверглись критике,

---

⁴ Ibid.

были во многом типичными для его поколения и разрабатывались глубоко и серьезно.

В последние годы занятий в педагогическом училище Мао испытал глубокое влияние движения «4 мая». Это движение, названное так в честь националистической и антияпонской по своему характеру студенческой демонстрации, проведенной в Пекине 4 мая 1919 года, может быть связано со студенческими волнениями четырьмя годами раньше, когда китайские студенты протестовали против попытки японского правительства занять место втянутых в мировую войну европейских стран и установить фактический протекторат над Китаем. Эти демонстрации проходили в Шанхае под руководством Чэнь Дусю (1879—1942), радикального преподавателя, получившего образование в Японии и во Франции. В 1915 году в обстановке относительной политической безопасности, связанной с присутствием иностранных концессионеров в Шанхае, он основывает журнал «Синь циннянь» («Новая молодежь»), ставший очень скоро национальным органом радикального интеллектуального движения. В 1917 году, играя на национальных чувствах, военная клика, контролировавшая Пекин, назначает Цай Юаньбэя ректором университета, предоставив ему свободу набирать преподавателей по своему усмотрению. Это привело к тому, что такие известные радикалы, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао (1888—1927) и Чан Кай-ши были назначены преподавателями университета. С такой новой базой журнал «Синь циннянь» расширил свою редакцию, включив в нее Ли и либерала Ху Ши (1891—1962), получившего образование в Америке. Таким образом, журнал и Пекинский университет стали настоящим руководящим центром всего движения.

Некоторые историки стараются отделить политическое движение «4 мая» от движения за «новую культуру», которое сформировалось в тот же самый период. Но это разграничение очень спорно и легко может сбить нас с толку, поскольку большая часть тех, кто принимал участие в движении, считали, что цель движения за «новую культуру» состоит в политической мобилизации масс в поддержку национальных идеалов. Однако разграничение между двумя движениями может нести в себе и определенную эвристическую ценность. Основной характеристикой движения за «новую культуру» явилась попытка трансформировать в доступное всем письмо разговорный демократический язык в противовес классическому языку, преднамеренно эзотерическому, предназначенному для немногих. К этому же времени относится развертывание острой борьбы против всех аспектов традиционной культуры, в частности конфуцианства. Утверждалось, что «политическая» революция 1911 года не сумела пробудить народ и что нужно совершить «культурную революцию»

(термин, уже тогда бывший в употреблении). Мао выразил типичную для своего поколения идею, когда писал в 1917 году: «Традиция может задушить новое, старое может взять верх над новым; если это произойдет, то человек теряет способность приспособляться к новой эпохе, и тогда этот уникальный в истории организм [Китай?] может погибнуть. Китай в настоящее время находится в такой ситуации»⁵.

Радикальные интеллигенты, такие, как Чэнь Дусю и писатель Лу Синь (1881—1936), предвещали создание совершенно новой культуры, основанной на прогрессивных, а затем и марксистских принципах. В начале 20-х годов на сцену выходит новая сила — сила русской революции. Советский Союз вначале оказывал поддержку находившемуся под защитой англо-американских сил верховному военному правителю, который был благосклонно настроен к движению «4 мая», но начиная с 1923 года СССР начал поддерживать националистического лидера Сунь Чжуншаня (Сунь Ятсена, 1866—1925). Однако надо сказать, что идеологическое влияние Октябрьской революции и марксизма-ленинизма имеет несравненно большее значение. Конечно, китайцы, как и многие другие народы, не сумели быстро осознать природу большевистской идеологии, и, как это уже произошло в 1905 году, их восхищение русской революцией вылилось во взрыв радикализма, в котором превалировали анархистские и народнические идеи, рассматриваемые в основном как «истинные» русские революционные теории. К тому же следует учитывать, что распространению марксизма мешало частое сближение его с немецкой социал-демократией, с образом Маркса — научного социалиста, который изгнан из Интернационала анархистского революционера Бакунина. Среди китайской интеллигенции Маркс становится известен с конца XIX века, и его идеи в трактовке западной социал-демократии пропагандировались отдельными революционерами и реформистами в период увлечения Западом, предшествовавший революции 1911 года. После этой революции вплоть до 1919 года интерес к Марксу постепенно угасал. Правая интеллигенция, способствовавшая проникновению западных идей, становится консервативной даже в области культуры, тогда как радикальная интеллигенция обращается к идеям анархизма, что в какой-то мере оказалось ответом на распространение по всему миру после 1905 года анархо-синдикализма, явившегося реакцией на социал-демократическую «постепеновщину» в «марксистском» обличье. С тех пор китайские интеллектуалы старались проводить различия между социализмом, с одной стороны, и «чистым социализмом», или «коммунизмом», — с другой. Социализм, с которым связывалось имя Маркса, ото-

⁵ *CH'en. Op. cit.*, p. 58.

ждествлялся с социал-демократией и государственным социализмом, что в общем-то воспринималось как явление одного и того же порядка. Эти теории пугали не столько людей с конфуцианскими взглядами, сколько либеральных индивидуалистов. «Чистый социализм», или «коммунизм», рассматривался как цель анархистов. Для китайского склада ума он тесно сближался с традиционными концепциями, органично связанными с такими идеалами, как «тайпин» («великое благоденствие»), «дацун» («великое единение»), то есть идеалами общества, в которых чувство и личная верность семейному единству и династии сливались во «всеобщую любовь». Эти идеи ассоциировались с эгалитарным обществом, в котором не существовало бы частной собственности. Такие концепции были распространены среди представителей узкого радикального ответвления конфуцианства, связанного с крестьянским мессианизмом. В XIX веке интерес к этим идеям возрос в ходе революции тайпинов, глубоко связанной, несмотря на христианские наслоения, с китайской хилиастической традицией. В начале XX века реформатор Кан Юнэй написал книгу «Дацун», в которой нарисовал крайне радикальную утопию. Книга эта не была тогда опубликована, но в 1911 году ее аргументация была уже широко известна и приравнивалась к западному коммунизму.

Теория постепенного перехода к социализму и утопический коммунизм защищались Цзян Канху (1893—1945), основавшим в 1911 году китайскую социалистическую партию. Цзян, поведение которого впоследствии было явно недостойным, всегда был мыслителем-путаником. Тем не менее в течение некоторого времени он пользовался значительным влиянием. Его партия с более чем 200 секциями насчитывала не менее 100 тысяч членов. Несмотря на крайнюю умеренность программы и расплывчатость представлений о коммунизме, одна только его деятельность, включавшая в себя такие социальные инициативы, как организация курсов по ликвидации неграмотности, вечерних школ и яслей, делала его нетерпимым для военной клики, устранившей его, воспользовавшись государственным переворотом 1913 года. С организационной точки зрения он не оставил никакого следа. Напротив, в интеллектуальном плане его значение весьма существенно. Благодаря его программе, его работам и лекциям, целое поколение студентов, и среди них сам Мао, узнало о том, что на Западе существует социалистическое движение; в обиход вошли такие понятия, как «национализация», «средства производства», «классовая борьба». Отдельные отрывки из «Манифеста Коммунистической партии» были переведены с японского языка на китайский. В 1918 году, в связи с ростом интереса к радикализму и марксизму, Цзян перевел популяризаторскую работу Томаса Киркупа «История социализма»

(1892)⁶, где различные направления социалистической мысли рассматривались с точки зрения либерального христианства. Книга была сконцентрирована в основном на целях социал-демократии, близкой Киркупу, хотя он и критиковал материализм и революционные тенденции Маркса. Эта книга вплоть до перевода на китайский язык летом 1919 года книги Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» и первой части «Манифеста», опубликованной в ноябре того же года, была единственным произведением, в котором китайцы, интересующиеся марксистской мыслью, могли почерпнуть информацию о европейском социализме⁷. Конечно, с известной долей упрощения можно рассматривать двух основателей китайского коммунистического движения — Чэнь Дусю и Ли Дачжао как представителей двух различных тенденций в китайском марксизме, которые можно было бы определить, согласно существующей в Китае и признаваемой всеми терминологии, как представителей «иностранной» и «местной» линий.

Чэнь Дусю, выходец из провинции в низовьях Янцзы с хорошо развитой торговлей, три года провел во Франции; несмотря на ненависть к империализму, его привлекал Запад, и в своем журнале «Синь циннянь» он выступал как поборник «госпожи науки» и «госпожи демократии». Выбор названия журнала — «Новая молодежь» — говорит о многом. Молодежь была источником прогресса и цивилизации и в то же время хранила в себе силу духа и воли. В марте 1919 года Чэнь становится горячим сторонником русской революции и через несколько месяцев начинает исповедовать марксизм, который он воспринимал как кульминационный момент в науке, демократии и интернационализме. Марксизм помогал ввести Китай в современный мир. Ли Дачжао, выросший в Северном Китае, хотя и был моложе Чэна на добрый десяток лет, с культурной точки зрения не был таким иконоборцем. Страстный националист, он не доверял иностранцам и городу и принадлежал к тому направлению китайского интеллектуального движения, которое в какой-то мере можно сравнить с русским славянофильством. Ли приписывал огромное значение достоинствам деревни и крестьянства, осуждал их угнетение помещиками и новой силой, выступавшей в лице торговцев. Как и русские народники, Ли был волюнтаристом и страстно верил в силу и власть молодости и воли. Он скорее Чэня ощутил очарование русской революции, но

---

⁶ О Киркупе см также: Ф. Андреуччи. «Распространение и популяризация марксизма». Т. 2 [вып. 1], «История марксизма».

⁷ Последовательно было опубликовано еще несколько книг: предисловие Маркса к «Капиталу» в октябре 1920 года, третья часть «Анти-Дюринга» в декабре; «К критике политической экономии» и «Развитие социализма от утопии к науке» в 1921 году.

гораздо труднее, ему было принять марксизм, и в частности социал-демократическую и детерминистскую его версию, в которых марксизм был доступен в китайских переводах. С 1920 года вплоть до казни в 1927 году Ли оставался ярко выраженным волонтаристом и, прибегая к понятию «пролетарские нации», отодвигал на второй план классовую борьбу, отдавая предпочтение национальной борьбе против империализма. Нет сомнений, что Мао в этот период больше тянулся к Ли, под чьим руководством он работал в течение нескольких месяцев в университетской библиотеке Пекина. Период с 1918 по 1921 год он провел, переезжая из Чанша в Пекин и Шанхай. Как организатора студенчества и главного редактора газеты, издававшейся в Чанша, его, наверное, можно считать ведущим активистом движения «4 мая» в Хунани. Наиболее важная работа Мао этого периода — «Великий союз народных масс» — взволнованный призыв к социальному единству в борьбе против угнетения и за возрождение Китая. Написанная летом 1919 года, эта работа относится к периоду, когда Мао с одобрением встретил весть об Октябрьской революции и воспринял марксизм. С точки зрения, типичной для XIX века, он рассматривал революцию как социальную трансформацию, которая закрепила на экономическом уровне все завоевания политических революций, происшедших в XVII и XVIII веках. Возможно, что идея «великого союза» возникла благодаря примеру советской системы. Для советских же руководителей идеологическая база Мао того времени была не столько марксистской, сколько синдикалистской. Его «великий союз» — единственный великий союз — должен был состоять из множества мелких подразделений. Так, он всегда относился с большим почтением к Кропоткину; он полагал, что существующие ассоциации — а среди них Мао упоминает объединения студентов, журналистов и коммерсантов — могли бы стать ростками новой социальной формы национального единства, противопоставляющего себя государственному. Это должно было бы освободить до того времени скованную, но безграничную энергию народа.

Идеи Кропоткина об образовании, и в частности о связи образования с жизнью через союз труда и обучения, действовали на Мао постоянно, так как для него это было вопросом первостепенной важности. В тот же период Мао интересуется и феминизмом. В серии взволнованных статей о самоубийствах среди женщин он выступает активным поборником феминизации, выделяя в ней два аспекта — внутренне присущую ей справедливость и ее особое значение для китайской революции. Через год позиция Мао становится более зрелой: «Летом 1920 года я стал в теории и частично на практике марксистом, и таким с тех пор всегда считал себя»⁸. Мао

⁸ Snow. Op. cit., p. 177.

приписывает эту перемену чтению «Манифеста», работ Каутского и Киркупа, но за этим чтением всегда стояли и движение «4 мая» и Октябрьская революция.

2. Коммунистическая партия Китая (1921—1935)

Возникновение Коммунистической партии Китая связано с деятельностью общества по изучению марксизма, основанного в Шанхае и Пекине летом 1920 года Ли Дачжао, Чэнь Дусю и Григорием Войтинским, уполномоченным III Интернационала. В начале осени Мао создает секцию компартии в Чанша, в июле 1921 года в качестве делегата от Хунани он был одним из 13 участников первого съезда партии, происходившего в Шанхае, тогда как ни Ли, ни Чэнь не смогли присутствовать на этом съезде, хотя Чэнь и был избран на нем генеральным секретарем. Мао, работавший в то время директором начальной школы в Чанша, возглавил партийную секцию в Хунани. Его политическая деятельность становится интенсивной, он пишет статьи и брошюры, создает школы для рабочих и организует рабочих на фабриках. В начале 1923 года эта первая партийная ячейка была разгромлена У Пэйфу и Чжао Хэнци, его союзником в Хунани, но через несколько месяцев перед Коммунистической партией Китая открывается новая возможность: союза с Сунь Ятсеном, бывшим тогда вождем националистической партии гоминьдан. Буржуа западного толка, Сунь в то же время был сторонником довольно расплывчатого государственного социализма и национализации земли в какой-то форме. Начиная с 1895 года он стал считать себя социалистом, а в 1905—1913 годах пытался вызвать у руководства II Интернационала интерес к китайскому вопросу. В 1923 году между советскими представителями и Сунем было достигнуто соглашение, по которому советское руководство обещало помочь ему в реорганизации его сторонников в гоминьдане, для того чтобы превратить гоминьдан в современную дисциплинированную партию, а также оказать помощь при формировании вооруженных сил, поставляя оружие и военных инструкторов.

Одним из основных источников разногласий между Коминтерном и Коммунистической партией Китая был вопрос об отношении к китайской буржуазии. Коминтерн настаивал на необходимости, учитывая историческую фазу, которую переживал тогда Китай, сотрудничать с буржуазными силами против сторонников феодализма и империализма, считая это полезным для интересов Советского Союза; в свою очередь КПК, не имея ни малейшего доверия к китайской буржуазии, хотела создать сильный пролетарский авангард, который мог

бы стать во главе демократической буржуазной революции и развить ее в дальнейшем в революцию социалистическую. В конце 1923 года логика событий и давление со стороны Коминтерна вынудили КПК образовать единый фронт с гоминьдановцами. Так, хотя и сохраняя свою собственную организацию, коммунисты вступили в гоминьдан, обязуясь тем самым придерживаться его дисциплинарных рамок. Внутри самого гоминьдана коммунисты очень скоро начали контролировать профсоюзные организации и значительную часть политической деятельности. Чжоу Энлай (1898—1976), например, стал политкомиссаром в Вампу, где командующим был Цзян Цзеши (Чан Кайши, 1887—1975). Цзян, как и другие члены организации, не входящие в КПК, настойчиво боролся за военную и центральную власть, и, когда в марте 1925 года умер Сунь Ятсен, Цзян Цзеши после короткой борьбы за наследование становится во главе партии. Правда, перед этим событием значительно расширилась волна радикальной активности благодаря движению «30 мая» (1925). Это движение, направленное в основном против иностранного присутствия и, в частности, против жестокости английских колонизаторов, вызвало волнения во всех портах Восточного и Южного Китая. Для примера достаточно сказать, что, начиная с первых месяцев 1925 и по апрель 1927 года, число членов КПК выросло с 950 до 58 тысяч, большая часть которых была трудящимися. Торговцы и представители преступного мира, поддерживавшие Цзяна и обеспокоенные этим явлением, заставили его ограничить влияние русских и китайских коммунистов внутри гоминьдана. Уже весной 1926 года Чэнь Дусю и большей части руководителей китайской компартии стало ясно, что рано или поздно Цзян начнет против них борьбу. Однако Сталин, стремившийся прежде всего ослабить позиции Англии и Японии на Дальнем Востоке, настаивал на том, чтобы КПК оставалась в гоминьдане.

Одновременно с этим Цзян, воспользовавшись новой ситуацией, предпринял Северный поход, чтобы изгнать империалистов и милитаристов. В то время как русские сохраняли осторожное отношение, Чэнь Дусю с большей частью партийных руководителей отнеслись к походу враждебно, опасаясь усиления власти Цзяна; Мао же, наоборот, воспринял эту антиимпериалистическую акцию доброжелательно и начал активно поддерживать ее. В этот период он в основном занимался организацией крестьян — отстающим участком работы, оставленным гоминьданом коммунистам. Тогда как большая часть руководителей КПК презрительно относилась к этой работе, сконцентрировав внимание на пролетариате, советское руководство, организовавшее в 1923 году Крестьянский интернационал, поддерживало ее, приписывая крестьянам первостепенное значение в буржуазной революции.

Первая радикальная организация китайских крестьян была создана Пэн Баом (1896—1929) — коммунистом, сыном земельного собственника из Восточного Гуандуна. Пэн приступил к мобилизации крестьян своей провинции в 1922 году, добившись удивительного успеха, и в июле 1924 года был назначен секретарем крестьянского отдела гоминьдана, поставившего его во главе школы по подготовке кадров крестьянского движения. Осенью 1925 года Мао, обратив внимание на возрастающее участие крестьян в движении «30 мая», когда он провел несколько месяцев в родной Хунани, возвратился в Кантон для руководства школой. С прибытием Мао число студентов из Хунани, занимавшихся в школе, возросло до 40%, и, как нам кажется, выходцы из Хунани, получившие образование в этой школе (около 80 человек), сыграли значительную роль в крупнейшем крестьянском восстании, которое совпало с Северным походом.

Северный поход, начавшийся в июне 1926 года, состоял из двух колонн; одна, под командованием Цзян Цзеша, шла через Восточный Китай, вторая двигалась через Хунань. Эта вторая колонна, поддержанная крестьянским восстанием, продвинулась с необычайной быстротой вплоть до Уханя, где было создано правительство гоминьдана, тогда как Цзян, оказавшийся посредственным военачальником, не желая воспользоваться народными выступлениями, наступал гораздо медленнее, позволив милитаристам подавить возглавленное коммунистами рабочее восстание в Шанхае. В марте 1927 года, когда он наконец подступил к городу, второе рабочее восстание было обезоружено, и 12 апреля войска Цзяна совместно с бандами его сторонников, связанных с преступным миром, набросились на рабочих, убив несколько тысяч человек и разгромив их организацию. В три последующих месяца в результате сложных переговоров было достигнуто соглашение между Цзяном, стоявшим тогда у власти в Нанкине, правительством «левых» гоминьдановцев, возглавляемым любимым учеником Суня Ван Цзинвэем (1883—1944), и главным «прогрессивным» милитаристом Северного Китая, генералом-христианином Фэн Юйсяном (1882—1948); за соглашением последовали репрессии против коммунистов в городах и изгнание советских советников и представителей Коминтерна.

В 1928 году Цзян Цзеша становится председателем национального правительства, обосновавшегося в Нанкине, однако новое единство Китая было скорее кажущимся, чем реальным; националисты контролировали только район низовья Янцзы, тогда как остальная часть страны находилась все еще под господством милитаристов. С тех пор и вплоть до японской агрессии гражданская война становилась все шире и беспощадней. Классовая основа режима самого гоминьдана нашла свое символическое отражение в брачном союзе Цзяна

с Сун Мейлин, получившей образование в Америке, сестрой вдовы Сунь Ятсена (которая яростно противилась этому браку) и дочерью одного из наиболее видных представителей компрадорской буржуазии. Речь шла об альянсе старой торговой буржуазии с новой компрадорской буржуазией, в котором доминировала, однако, последняя, то есть этот режим можно рассматривать как прототип неоколониализма. Подавляемый иностранным капиталом, он избрал своей идеологией антикоммунистический «национализм», при котором Америка становится наиболее влиятельной иностранной силой, хотя она и контролировала всего 6% инвестированного капитала. С финансовой точки зрения режим зависел от Шанхая: две трети правительственных доходов поступали от таможенных сборов, половина которых собиралась в этом городе.

В 1927 году Китай становится центральной проблемой советской политики и важным элементом в борьбе между Сталиным и Троцким. Последний считал, что китайская революция идет уже на убыль, тогда как Сталин, преуменьшая поражения, утверждал, что уровень революционной ситуации еще высок, и настаивал на вооруженном восстании.

В декабре он даже отдал приказ, несмотря на возражения самой китайской компартии, о создании революционного правительства в Кантоне. «Кантонская коммуна» была разгромлена в три дня, а ее члены расстреляны. Козлом отпущения для Сталина в Китае стал Чэнь Дэсю, руководитель, пользовавшийся авторитетом в движении «4 мая», ставший секретарем КПК и занимавший этот пост вплоть до 1927 года. В действительности Чэнь указывал на рискованность союза с гоминьданом, который предлагал Коминтерн, впрочем, он был и противником вовлечения крестьянских масс в революцию. Именно в этом вопросе весной 1927 года он еще больше разошелся с Мао, считая необходимым поддерживать хорошие отношения с военными и функционерами гоминьдана, связанными с компрадорскими кругами Хунани. Чэнь критиковал Мао за поддержку радикальных крестьянских выступлений. Однако уже в мае дискуссию перехлестнули реальные события: войска гоминьдана, стоявшие в Хунани, двинулись против крестьян, и после недели побоищ, еще более кровавых, чем в Шанхае, все движение было полностью разгромлено. В результате таких событий КПК, не обращая больше внимания на рекомендации Коминтерна, начала подготавливать восстание, предваряя окончательный разрыв с Уханем.

В сентябре Мао возглавил восстание «Осеннего урожая» в Хунани. Однако оно было плохо подготовлено и вскоре разгромлено; Мао, однако, удалось собрать уцелевших участников и увести их в горы Цзинган на границе между провинциями Хунань и Цзянси, где была создана первая опорная база с крайне тяжелыми для жизни условиями. Положение

несколько улучшилось с прибытием туда Чжу Дэ (1886—1976) вместе с остатками участников предшествующего военного восстания, а также еще одной колонны под командованием Пэн Дэхуая.

В начале 1929 года в связи с тем, что занятый район было почти невозможно защитить, небольшая армия двинулась на восток, в Южную Цзянси. Здесь были собраны силы коммунистов, которые вскоре расширили территорию под своим контролем и создали в феврале 1930 года временное Советское правительство Юго-Западного Цзянси, которое оказалось наиболее удачным и жизнестойким по сравнению с десятками Советов, возникших аналогичным образом в отсталых районах по всему Китаю. Как раз в этот период начинает утверждаться направление, доказывавшее, что революция побеждает не там, где наиболее развита политическая активность, поскольку, как правило, эти зоны являются еще и бастионами реакции, а в тех районах, где независимо от политического развития масс слабы силы реакции. Развитие и расширение политической активности коммунистов в областях, оставшихся свободными от милитаристов, отражается в росте численности партии — почти целиком за счет крестьян, — которая с 10 тысяч в конце 1927 года выросла до 122 тысяч в 1930 году.

В 1927 году Мао был обвинен в «военном авантюризме» и лишен всех должностей как в провинциальном, так и в Центральном Комитете. В последующие годы он был реабилитирован, как только Коминтерн и Политбюро КПК под руководством Ли Лисяня начали отмечать рост «советских» зон, что резко контрастировало с задержкой революционного подъема в городе. Тем не менее по-прежнему исходили из того, что революция развивается только под руководством городского пролетариата, хотя попытки нападения на города с целью вызвать в них восстания одна за другой оканчивались неудачей.

Весной 1930 года политическая борьба в КПК была еще более осложнена после приезда из Москвы Ван Мина. Бо Гу (1907—1946) и еще группы студентов, которых называли «двадцатью восьмью большевиками». Этой группе, совсем незнакомой с опытом китайской революции, удалось с помощью Коминтерна войти в руководство партии. Это облегчалось тем, что в конце 1931 года генеральным секретарем партии становится Бо Гу. Между 1931 и 1933 годами в крупнейших городах Китая усиливаются антикоммунистические преследования. В это же время в партии серьезной критике подвергается политика Мао, в частности его партизанские методы ведения войны и то предпочтение, которое он отдавал мобильной, а не позиционной обороне. Несмотря на то что военные действия, после того как Мао потерял контроль

над армией, проводились в блестящем стиле, они не смогли спасти советское правительство, и красные руководители были вынуждены покинуть всю область, находившуюся под их контролем, начав знаменитый Великий поход. Это отступление, хотя и проведенное образцово, вызвало давно назревший кризис в руководстве КПК. На съезде*, проходившем в январе 1935 года во время Великого похода, политическая линия «двадцати восьми большевиков» подверглась суровой критике, а Мао, создавший Совет в провинции Цзянси и не несший ответственности за его падение, приобрел значительное влияние. Благодаря поддержке Чжоу Эньлая он был избран «председателем» — правда, неизвестно чего; однако позднее эта должность превращается в пост Председателя Центрального Комитета партии. Причина такого странного и беспрецедентного названия должности лежала, возможно, в желании избежать трений с Коминтерном, оставив пост генерального секретаря в руках одного из «двадцати восьми большевиков». С тех пор, несмотря на время от времени возникавшую оппозицию, Мао прочно захватил реальную власть в партии. Именно он руководил Великим походом все последующие девять месяцев. Именно в Великом походе родился миф о китайской компартии и Красной армии, когда Мао был окружен ореолом национального героя.

Период 1921—1935 годов был наиболее напряженным в жизни Мао; для занятий теорией у него почти не оставалось времени. В эти годы были написаны работы: «О классах китайского общества» (1926), «Доклад об обследовании крестьянского движения в провинции Хунань» (1927), «Почему в Китае может существовать красная власть» (1928), «Из искры может разгореться пожар» (1930)⁹ Марксистская концепция Мао того времени подвергалась критике, особенно в том, что касалось применения термина «класс» для определения таких прослоек, как интеллигенция, и за включение городских кули, сельскохозяйственных батраков и сельскохозяйственного люмпен-пролетариата в пролетариат¹⁰ Однако в этих работах Мао исходил из ленинского анализа крестьянского вопроса и с легкостью использовал такие понятия, как полупролетарские массы и разделение крестьян на кулаков, середняков и бедняков, причем каждый из этих слоев

---

* Расширенное заседание Политбюро ЦК КПК в г. Цзуньи. — *Прим. ред.*

⁹ Эти заглавия даны в издании «Избранных произведений». Пекин, 1969—1972 гг и Милан 1970—1971 гг. В оригинале они были другими, но единственное изменение, на котором стоит остановиться, это «Из искры...», сперва называвшейся «Письмо товарищу Линь Бяо». Критика, выдвигавшаяся Мао против некоторых товарищей, в действительности обращена к самому Линю.

¹⁰ Эта классификация появляется в первоначальных текстах, но не в «Избранных сочинениях».

имел свое определенное отношение к революции. Этот структурный анализ имел существенное значение для разрешения проблемы, которая больше всего волновала Мао и других советских китайских руководителей, — вопроса об аграрной реформе. Более половины работ этого периода посвящены анализу непрочного и изменчивого равновесия между преимуществом, которое можно было извлечь из широкого, но поверхностного одобрения умеренной политики, направленной исключительно против крупных помещиков, и теми последствиями, связанными с более узкой, но в то же время более глубокой политикой, характеризующейся радикальными мерами, направленными против частной земельной собственности зажиточного крестьянства.

Несмотря на то что практическая деятельность Мао вынужденно носила иной характер, разработанная им теория была строго ленинской, особенно в вопросе об относительном значении в революции рабочих и крестьян. Следует даже отметить, что, указывая на пролетариат как на основную революционную силу и в то же время подчеркивая существенную вспомогательную функцию «полупролетарских масс», крестьянских бедняков и середняков, Мао приближался к Ленину больше, чем кто-либо из других руководителей КПК. Хотя многие его почитатели и хотели видеть в нем первого теоретика, догадавшегося о революционном значении крестьянства, сам Мао всегда прекрасно понимал, что он воспользовался одним из фундаментальных указаний Ленина. Однако впоследствии он отстаивал оригинальность своего положения об отношении к мелкой буржуазии, которую он рассматривал с меньшим пессимизмом, чем Ленин. Но наиболее бросающиеся в глаза расхождения проявились в вопросе о люмпен-пролетариате¹¹.

Определение, данное Мао тому, что он называл «люмпен-пролетариатом», звучало так: «это крестьяне, потерявшие землю, и рабочие кустарных предприятий, лишенные возможности найти работу». В эту категорию входили также «бандиты, солдаты, нищие, воры и проститутки», а тайные общества рассматривались как типичные формы их организации. Количественный состав этой прослойки оценивался им примерно в 20 миллионов человек при общей тогдашней численности населения Китая в 400 миллионов (тогда как пролетариат, по его мнению, насчитывал только около двух миллионов)¹². Мао, в отличие от других партийных руководителей, питал наибольшие симпатии к этому «классу люмпенов»; он сам лично не столкнулся с актами зверств, совершенных

¹¹ "Highlights of Forum on Central Committee Work" (December 20, 1964). — In: "Miscellany of Mao Tse-tung Thought, 1949—1968" Arlington, 1974, v. II, p. 408—428.

¹² *Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. I. М., 1952, с. 24.

против рабочих Шанхая полупролетарскими элементами под руководством главарей тайных обществ, а также не проявлял интереса к борьбе, которую вел Маркс против Бакунина именно в этом вопросе. «Люмпены» пробуждали в нем юношеские симпатии к разбойникам из традиционных романов и к людям «сильного духа», воспеваемых японской традицией, которыми любовались прогрессисты во времена его отрочества. Но больше всего в нем жила несокрушимая уверенность в том, что при помощи ума и доброй воли можно превратить дурные вещи в хорошие и что при правильном руководстве и «люмпены» могут оказаться превосходными революционными бойцами.

И действительно, «люмпены» имели большое значение для успеха революции в деревне: с 1927 года по 40-е годы они составляли ядро Красной армии. Но хотя крестьяне и оказывали политическую и экономическую поддержку революции, и даже готовы были какой-то срок отслужить в армии, они отказывались покидать свои родные земли, для того чтобы влиться в мобильную, постоянно действующую армию. Парадоксальным образом обострила обстановку аграрная реформа, потому что крестьяне после раздела конфискованных земель принялись за возделывание полей и стали уклоняться от службы в армии¹³. Кроме того, Мао видел, что солдаты жили в худших, по сравнению с крестьянами, условиях. Но несмотря на все это, он считал, что, отбрасывая в сторону их разбойничьи наклонности, возможно убедить их изменить свое отношение к крестьянству и относиться к нему хорошо, тогда как их мужество и лучшее по сравнению с другими знание оружия были бы, безусловно, полезны революции. Вспоминая об этом периоде, Мао представляет себя сторонником этой группы: «Когда мы начали бороться, нам были нужны люмпены, потому что их мужество позволяло им сражаться, не боясь смерти. Был момент, когда армия хотела очиститься от этих неподходящих элементов, но я выступил против».

Если «люмпены» были существенным элементом Красной армии¹⁴, последняя была главной силой революции. В 1926—1927 годах крестьяне Хунани показали, каких результатов может достичь немногочисленное партийное руководство при полной и единодушной поддержке народа и отсутствии контрреволюционной военной силы. Но двум или трем тысячам солдат удалось разбить в течение нескольких недель народное движение, к которому примыкали миллионы человек. Недостаточно было только хорошей организации и энтузиазма масс. Движение должно было быть защищено постоянно действующей армией.

¹³ *Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. 1. М., 1952, с. 115—170.

¹⁴ "Highlights...", p. 421.

После 1927 года Мао глубоко заинтересовался вопросами организации армии и ведения вооруженной борьбы. Много внимания он уделял и проблеме Советской власти как в административном отношении, так и в использовании ее, через выборные Советы и широкое участие масс, в качестве средства воспитания и мобилизации населения. Менее заметным было его непосредственное участие в партийной жизни. В своих статьях он отдавал дань уважения ортодоксальным ленинским принципам партийной организации, хотя в «Избранных произведениях» это обстоятельство преувеличено: оговорки, сделанные им по этому вопросу, были изъяты. Он признавал принцип демократического централизма и различие между свободной внутрипартийной дискуссией и руководством массами и на практике соглашался с тем, что Центральный Комитет взял на себя власть в Советах Цзянси, созданных его усилиями. Однако теперь, после знакомства с культурной революцией, можно понять, как этот опыт дал Мао возможность осознать, что интересы партийной организации и революции не обязательно должны всегда совпадать.

Если отношение Мао к партии было скорее еретическим, то его анализ китайской революции был простым, гениальным и был выдержан в строго ленинском духе. Наиболее полное его выражение дано в работе «Почему в Китае может существовать красная власть?», где описывается захват гоминьдана компрадорской буржуазией и крупными землевладельцами и победа контрреволюции в городах и в большей части страны. Рождение «политической красной власти» в некоторых районах в период общего поражения приписывается своеобразию обстановки в Китае, полуколониальной стране, раздираемой бесконечными конфликтами, в которой ни одна из колониальных держав или милитаристских клик, находящихся под их защитой, не в состоянии контролировать всю страну, как бы им ни хотелось сделать это. Гражданские войны поэтому были не случайным, а необходимым и непрерывным процессом, при котором всегда были возможны зоны, где могла зародиться и развиваться красная власть.

«...Стоит только понять, что Китай — полуколониальная страна, за которую ведут между собой борьбу многие империалистические государства, и тогда все станет ясно: 1) станет ясно, почему из всех стран мира только в Китае существует такое необычное явление, как длительная междоусобица в лагере господствующих классов... 2) станет ясна серьезность крестьянского вопроса, и, следовательно, можно будет понять, почему восстания в деревне приобретают такой размах, как сейчас... 3) станет ясна правильность лозунга рабоче-крестьянской демократической власти; 4) станет понятно и другое необычное явление, а именно: существование и рост Красной армии и партизанских отрядов, а также сопутствующее этому

существование и развитие небольших красных районов, выросших в окружении сил белой власти... 5) станет также ясно, что создание и рост Красной армии, партизанских отрядов и красных районов является в полуфеодальном Китае высшей формой борьбы крестьянства под руководством пролетариата; 6) наконец, станет ясно, что политика одних только летучих партизанских действий не может разрешить задачу ускорения революционного подъема во всей стране, и что несомненно правильна политика... предусматривающая образование баз... углубление аграрной революции... волнообразное расширение районов красной власти и т. п.»

Внутренние причины расширения коммунистического движения состояли в отчаянном социально-экономическом положении всех классов, за исключением компрадорской буржуазии и земельной аристократии. «Весь Китай полон горячего материала, который должен очень скоро воспламениться»¹⁵, тем более что большая часть рабочих, крестьян и солдат, воспринявших демократические влияния буржуазно-демократической революции 1926—1927 годов, могла стать массовой базой и основным ядром Красной армии.

3. Мао — руководитель партии

1935 год стал поворотным моментом в китайской революции — это год победоносного завершения Великого похода, утверждения Мао во главе партии и возникновения народного фронта против японских агрессоров.

Еще с 1932 года КПК предлагала создать народный фронт против японских милитаристов, но все время подчиняла его существование вопросам классовой борьбы. На одном из заседаний Политбюро, проходившем на севере Шаньси в декабре 1935 года, было принято решение об изменении политической линии и выпущен целый ряд постановлений, призывающих к прекращению гражданской войны и открывающих, впервые после 1927 года, возможность сотрудничества с буржуазией. В мае 1936 года предложение о создании единого фронта было направлено самому Чан Кайши, который еще летом предыдущего года, теснимый японскими агрессорами с одной стороны, а с другой — студенческими движениями, все больше и больше стремился к ликвидации коммунистов. Однако немалая часть воинских подразделений, направленных им с этой целью, с готовностью откликнулась на патриотические призывы коммунистов, так что Чан Кайши, прибывший самолетом на совещание генерального штаба в Сиань, был арестован и только впоследствии спасен представителем КПК Чжоу Эньлаем (вероятно, не без давления советской стороны,

¹⁵ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1. М., с. 194—195, 201.

считавшей, что Чан являлся фигурой, необходимой для руководства борьбой за национальное освобождение). Чан Кайши сумел, таким образом, вернуться в Нанкин, и в последовавшие месяцы были проведены переговоры о создании нового единого фронта.

Новый союз между националистами и коммунистами сильно отличался от союза 20-х годов, прежде всего тем, что на этот раз КПК располагала собственной военной силой. Во многих своих чертах этот союз был похож на соглашения, заключенные Чан Кайши с представителями различных милитаристских клик: Красная армия была номинально включена в национальные силы — подразделения Севера под названием 8-й армии, а подразделения, остававшиеся в Шаньси и в прилегающих к нему районах, под названием новой 4-й армии. Центральное правительство оказало коммунистам финансовую помощь и в то же время начало получать субсидии от советской стороны. КПК пошла на политические уступки: она обязалась приостановить аграрную реформу и борьбу против земельных собственников и буржуазии.

В этой новой обстановке Чан Кайши не мог больше уклоняться от борьбы против японцев, и когда в июле 1937 года военный губернатор Пекина отказался сдать город японским захватчикам, Чан вынужден был поддержать его. В ходе последующих 18 месяцев японцам удалось захватить все крупнейшие города и поставить под свой контроль коммуникационные линии Восточного Китая. Однако, даже несмотря на помощь китайских коллаборационистов, они не располагали силами, необходимыми для оккупации всей территории. Гоминьдановцы укрылись в западной провинции Сычуань, перенесли столицу в Чунцин, в то время как коммунисты сделались господствующей силой в Северном Китае, после того как под их власть отошли огромные северо-западные районы, еще не занятые захватчиками. Еще большее влияние имели коммунисты в тылу у японских захватчиков, особенно в тех зонах, где японцы совершали опустошительные налеты и нашествия, но не оставляли постоянных военных гарнизонов, а чиновники гоминьдана, не способные опереться на народные силы, были не в состоянии действовать без поддержки военных формирований националистов.

В то время как гоминьдан терпел одно поражение за другим, коммунистам удалось одержать несколько побед в сражениях между регулярными войсками: однако действия партизан имели несравненно большее значение, нанося значительный урон в живой силе и технике и вынуждая японские армии топтаться на месте. В августе 1940 года две формы ведения войны слились воедино в битву «ста полков»*, един-

* Успешная наступательная операция 115 полков 8-й армии против японских захватчиков 20 августа — 5 декабря 1940 года. — *Прим. ред.*

ственную реальную силу, противостоявшую японцам в Китае в течение всей войны. Но после нескольких первоначальных успехов наступление было остановлено японцами, которые, перейдя в успешную контратаку, сумели овладеть значительной частью ранее освобожденных районов и серьезно ослабить Красную армию. Зимой 1940/41 года окончательно раскололся неустойчивый единый фронт и гоминьдан подошел к фактическому перемирию с японцами, чтобы предпринять нападение на новую 4-ю армию, понесшую значительные потери, и установить жесткую экономическую блокаду освобожденных районов. Так к концу 1941 года области, находившиеся под контролем коммунистов, и районы партизанской войны оказались в крайне критическом положении.

Руководство КПК ответило на это, выдвинув лозунги «меньше войск, но лучше», «улучшение стиля руководства» и приступив к движению «за упорядочение стиля». Первый призыв должен был привести к сокращению численного состава, и в то же время делалось все возможное для самообучения солдат регулярных частей. С помощью движения «за упорядочение стиля» была предпринята попытка повысить культурный и идейный уровень партийных деятелей, развить их связи с массами¹⁶. Такое направление приняли основные цели движения «за правильный стиль в работе партии», высказанные в докладе Мао в феврале 1942 года¹⁷, в котором он нападал на идеологические ошибки, и в частности на догматизм, и требовал улучшения отношений внутри партии и укрепления связи членов партии с беспартийными массами, выдвигая это как новую задачу в культурной и воспитательной работе. Движение вошло, таким образом, в новую фазу, в которой студенты и интеллигенция, состоящие или не состоящие в партии, призывались выступить с публичной критикой «метода руководства» партии и правительства. Через месяц после того, как критика различных аспектов жизни в освобожденных районах, и прежде всего критика бюрократизма, распространилась в многочисленных статьях и выступлениях, этой кампании был положен конец, и многие из критиковавших были в свою очередь подвергнуты критике и принуждены к самокритике. И все же в течение последующих двух лет продолжались выступления против бюрократизма и высокомерия партийных и правительственных кадров и проводилась воспитательная кампания по обсуждению различных документов, большей частью китайского, а не советского происхождения, часто составленных самим Мао. Впервые Мао начинают представлять как вождя и теоретика китай-

¹⁶ B. Compton. *Mao's China: Party Reform Documents. 1942—1944*. Seattle, 1952; M. Selden. *The Yenan Way in Revolutionary China*. Cambridge (Mass.), 1971.

¹⁷ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 4. М., 1953, с. 57—85.

ской революции, а его работы — как воплощение его «мысли» или выражение революционной борьбы в Китае; никогда, однако, его учение не воспринималось как «изм» и никогда не приравнивалось к «универсальным истинам» марксизма-ленинизма¹⁸. Движение «за упорядочение стиля» означало также окончательную ликвидацию в Китае сталинских протезов — Ван Мина и «двадцати восьми большевиков». В ходе этой кампании основной упор делался на идеологическом укреплении, а не на организационном, хотя организация тоже хромала частично по причинам финансового характера, частично потому, что представлялось невозможным поддерживать строгую организационную дисциплину в широко рассеянных освобожденных районах. Стремление использовать этот метод руководства был связан у Мао и у других руководителей с их опытом партийной дисциплины 30-х годов, когда решения принимались секретариатом партии, часто удаленным на сотни километров. Возможно также, что Мао находил этот стиль работы созвучным и конгениальным себе из-за своей веры в силу воли; несомненно, с другой стороны, что именно успех кампании «за упорядочение стиля» подействовал на эти убеждения Мао.

В годы второй мировой войны КПК удается сохранить свои базы и расширить свое влияние по ту сторону линии фронта. Отношения с националистами оставались напряженными, но американцы, от которых гоминьдановцы полностью стали зависеть, начиная с 1942 года помешали своим протезам развернуть широкое наступление на освобожденные районы. К окончанию военных действий в районе Тихого океана, в августе 1945 года, гоминьдан и коммунисты вступили в борьбу, чтобы установить свое влияние в освобожденных зонах: с помощью американской транспортной авиации гоминьдан сумел оккупировать основные города даже в Маньчжурии, которая в пять последних дней войны была занята советскими войсками; в то же время коммунисты сумели завоевать большую часть деревень и мелкие города Северного Китая. Обе стороны начали подготовку к борьбе до последней капли крови, но усилия советского и американского правительств, направленные на устранение конфликта и рождение сильного объединенного Китая, оттянули начало широкомасштабных сражений вплоть до 1947 года.

В течение двух последующих лет крах националистов наступил гораздо быстрее, чем любой руководитель, включая и коммунистических, мог бы ожидать. Народно-освободительная армия после укрепления своих позиций на Севере стала продвигаться в глубь страны, и, несмотря на финансовую и воен-

---

¹⁸ F. Schurmann. *Ideologia, organizzazione e società in Cina*. Milano, 1972, p. 32 sgg.

ную помощь американцев, томиньдан был уже не в силах оказывать достойное сопротивление: семь лет пребывания его руководства в Сычуани сделали его еще более неэффективным и продажным, были разорваны его связи с теми слоями, которые первоначально считались его классовой основой, — буржуазией побережья. Традиционные земельные собственники, ослабленные проникновением рыночной экономики, десятилетиями гражданской войны и аграрной революцией, не говоря уже о второй мировой войне, были, конечно, не в состоянии поддерживать власть. Напротив, коммунисты с их организацией, опытными кадрами и революционной идеологией пользовались поддержкой широких слоев населения (от беднейшего крестьянства и середняков до деревенского люмпен-пролетариата, от городского рабочего класса до мелкой национальной буржуазии). Надо, однако, заметить, что увеличение числа сочувствующих не являлось в этой фазе основной целью руководителей КПК. В декабре 1947 года, после начала широкомасштабных военных действий, но еще до того, как стал ясен их исход, они приступили к организации крупной кампании по проведению аграрной реформы.

Начиная с учреждения в 1937 году единого фронта, аграрная политика коммунистов была крайне умеренной; они избегали прямых выступлений против собственности. Напротив, в течение четырех лет, последовавших за 1947 годом, КПК руководила победоносным массовым движением, уничтожившим крупных помещиков как класс и ликвидировавшим привилегии богатого крестьянства. Следует только уточнить, что, как правило, казням подвергались люди, признанные виновными в «кровавом долге» или ответственные за убийства и массовые уничтожения во время «белого террора». Несомненно все же, что эта самая крупная в мировой истории сознательно проводившаяся социальная революция означала страдания и мучения для миллионов людей. Не столь драматичной оказалась коллективизация сельского хозяйства, развернутая пять лет спустя, в 1955—1956 годах. Эта кампания была проведена гораздо быстрее, чем в Советском Союзе: чуть больше чем через год все население перешло работать в чисто социалистические кооперативы. Волнений было на удивление мало, и, в полную противоположность советскому аналогу, сельскохозяйственное производство продолжало расти. Без сомнения, советский прецедент вызывал опасения у многих китайских руководителей, и Мао лично отвечал за форму и скоротечные сроки этой кампании¹⁹, так как всегда был уверен в революционном потенциале крестьянства и считал,

---

¹⁹ *Mao Zedong. Sul problema della cooperazione agricola. — In: ID. Rivoluzione e costruzione. Scritti e discorsi. 1949—1957. A cura di M. Arena Regis e F. Coccia. Torino, 1979, p. 212—244.*

что трудности состояли не в коллективизации самой по себе, а в разрушении экономики, основанной на собственности зажиточных крестьян. Именно это вызвало враждебное отношение к соответствующему процессу у крестьян в России, тогда как в Китае, где аграрная реформа уже подорвала сложившуюся в деревне ситуацию, не нужно было испытывать подобные опасения²⁰.

Социально-экономические преобразования, происшедшие в период учреждения народной республики, могут быть определены как революционные, с каким бы критерием к ним мы ни подходили. Основной целью антифеодальной и антиимпериалистической революции оставалась деревня, в то время как обстановка в городе носила иной характер. Если конфискация и экспроприация затронули в основном главарей гоминьдана и других представителей компрадорской буржуазии, то мелкая национальная буржуазия признавалась, по крайней мере официально, как союзник. И действительно, многие из ее рядов с одобрением отнеслись к коммунистам за их честность, профессиональность и предприимчивость; однако в 50-е годы крупные кампании против коррупции и других недостатков, унаследованных от старого режима, ударили прежде всего по буржуазии, а частные предприятия постепенно переходили под контроль государства. Однако коммунистические руководители в теории и на практике настаивали на том, что «преобразования» должны проходить «мирным» путем, тем более что капиталисты получили выкуп и многие из бывших собственников продолжали руководить своими предприятиями. Нужно еще иметь в виду, что система высшего образования находилась в руках интеллигенции, связанной с буржуазией, большая часть наиболее образованных студентов были выходцами из буржуазии и их число в правительственных и партийных учреждениях не соответствовало их демографическому удельному весу: в 1957 году более 15 процентов членов партии относились к категории «интеллигенции», еще более высокой была эта пропорция среди руководящих кадров²¹.

В 1949 году в качестве модели для строительства социализма была принята система, сложившаяся в Советском Союзе, в связи с чем была создана централизованная и иерархическая правительственная администрация. В области экономики с помощью советских специалистов было начато строи-

---

²⁰ Note di lettura sul "Manuale di economia politica dell'Unione Sovietica (1960)". — In: *ID.* Su Stalin e sull'Urss. Scritti sulla costruzione del socialismo 1958—1961. Torino, 1975, p. 31 sgg. Вьетнамский опыт, где аграрная реформа встретила трудности, тогда как коллективизация прошла относительно успешно, кажется, подтверждает анализ Мао, по крайней мере в той его части, которая касается Восточной Азии.

²¹ Schurmann. Op. cit., p. 138.

тельство крупных индустриальных центров; в армии, прежде всего в связи с огромными потерями, понесенными в Корее, было решено приступить в 1954 году к структурной перестройке, основанной на специальной подготовке, устранившей эгалитарные традиции времен китайской революции. Казалось, что в 1956 году во всех областях своей жизни Китай вступил на путь, пройденный Советским Союзом и странами народной демократии.

1936 и 1937 годы были наилучшими для развития идей Мао. Целиком захваченный политической и военной деятельностью, он все же находил место и время для чтения, преподавания и занятий как вопросами практики, так и теоретическими проблемами. Будучи вождем партии, он был обязан заниматься этим. Если, с одной стороны, его позиции угрожало пребывание в Яньане большого числа интеллигентов, многие из которых были хорошо знакомы с классиками марксизма, то еще более серьезной угрозой было влияние, которое еще могли оказывать на других членов партии «двадцать восемь большевиков», чье знание марксизма-ленинизма и работ Сталина было гораздо глубже и шире, чем у Мао. В частности, Ван Мин, его соперник в партийном руководстве, опубликовал в Москве много статей. Мао, с его слабостью в теории, постоянно наставлял на значении практической политической деятельности, осуждая «чистое» знание: «Твоя догма ни на что не годится, или, используя менее изящную формулировку, твоя догма не полезнее дерьма»²². Но все же Мао был вынужден заявить о себе не только как марксистский политик, но и как теоретик.

В этот момент возникают два новых фактора, осложняющих анализ идей Мао. В первую очередь он, как партийный руководитель, располагал теперь помощью секретарей, участие которых в создании его работ с трудом поддается оценке. Самым главным из этих секретарей был Чэнь Бода, интеллигент, родившийся в бедной крестьянской семье, в течение трех лет обучавшийся в Москве и переселившийся в Яньань в 1937 году, где он преподавал в партийной школе, работал в отделе пропаганды и стал помощником Мао. Чэнь и Мао были очень близки друг с другом вплоть до опалы Чэня в 1970 году. Большое влияние на Мао оказали и последние переводы советских теоретических произведений и статей, из которых он, часто слово в слово, черпал большую часть своих теоретических категорий в текстах, написанных для выступлений на ряде конференций по вопросам диалектического материализма, проводившихся в 1937 году. Эти выступления

²² Доклад Мао Цзэдуна 1 февраля 1942 года «За правильный стиль в работе партии». В английском переводе: *Compton. Mao's China*, p. 9—32 (сfr., p. 22); процитированный отрывок отсутствует в «Opere scelte», v. 3, но есть в: *Schram. Il pensiero politico*, p. 146.

явились основой для двух известных работ: «Относительно практики» и «Относительно противоречия»²³. Разделение между восприятием и мышлением в процессе познания, понятие диалектики как сущности жизни и двигателя прогресса, идея борьбы, рассматриваемой в рамках диалектики как общий и первостепенный элемент, тогда как единство является вторичным и частным, разграничение между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями и другие понятия — все это он выписывает из произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которыми можно было воспользоваться в ту эпоху.

Но это не значит, что Мао не добавил ничего нового. Помимо оригинального приложения марксистской теории к ситуации в Китае, он также нашел и теоретическую аргументацию. Работы советских авторов давали значительный простор для маневра. В частности, в работах 20-х годов они останавливались на противоречиях и динамике развития гораздо чаще, чем в работах 30-х годов. Нельзя исключить и того, что настойчивость Мао по отношению к этим аспектам теории частично объяснялась более поздним приходом информации, хотя его предыдущие работы и последующая карьера показывают, что он, вероятно, выбрал их потому, что они отвечали его опыту и склонностям.

В то же лето 1937 года Мао начинает использовать два соотносительных понятия, которые, похоже, не употреблялись в советской литературе: это концепция основных и второстепенных аспектов того или иного противоречия и концепция основных и второстепенных противоречий. Согласно первой концепции, когда второстепенный аспект становится главным, происходит качественное изменение; речь идет, следовательно, о новом способе описания замещения старого новым, или о переходе количества в качество. Концепция главного, или основного, противоречия, определяющего каждую данную историческую фазу и пронизывающего все остальные, безусловно, присутствует во всей марксистской мысли, начиная с «Манифеста»: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». Четкая формулировка Мао, однако, добавляла к этой концепции ту гибкость, которая позволяла допустить первенство трансформации без про-

---

²³ «О диалектическом материализме». Соч. (на кит. яз.), Токио, 1970—1971, т. IV, с. 265—305. Кроме отдельного отрывка в: *Schram. Il pensiero politico*, p. 146—150, до сих пор отсутствует полный перевод. Этот текст показывает, что, хотя изменения и переоценки, сделанные в связи с публикацией “*Sulla pratica*” и “*Sulla Contraddizione*” (“*Opere scelte*”, v. I, p. 313—328, 329—366), относятся к 1951 и 1952 годам, мысли, высказанные в двух статьях, были, по сути, выдвинуты еще в 1937 году. В связи с дискуссией по этому вопросу см.: *Schram. Mao Tse-tung and the theory of permanent revolution*. — In: “*China Quarterly*”, 1971, № 46, p. 221—244.

исшедших до этого изменений в производственных отношениях, даже если он никогда и не объяснял на языке теории, каким образом и по какой причине происходят подобные трансформации. Фундаментальное значение этой гибкости доказывается контекстом, в котором впервые была употреблена эта формулировка, во время одного из заседаний в мае 1937 года с целью объяснить переход от политической линии классовой борьбы к линии национальной борьбы в тот период, когда руководство партии испытывало нападки троцкистов и других группировок «левых» марксистов, выступавших против единого фронта и сотрудничества с классовым врагом²⁴. Теория изменений в главном противоречии оставалась основным идеологическим оружием для развития и объяснения наиболее радикальных перемен в политической линии.

Начиная с 1938 года марксистско-ленинская теоретическая подготовка Мао стала достаточно ортодоксальной. Мао уже довольно хорошо освоил теорию, чтобы разбираться в ней в такой же степени, в какой ее понимало большинство современных ему китайских руководителей, и его применение марксизма к китайской действительности было, без сомнения, наиболее блестящим и оригинальным. Посмотрим, например, как он развивает идею народной республики: еще в декабре 1935 года он расширил политику народного фронта Коминтерна, требуя, чтобы советская республика рабочих и крестьян превратилась в народную республику, действующую в интересах всех китайских патриотов, хотя было неясно, в какой мере они могли бы участвовать в правительстве²⁵. Четыре года спустя Мао разовьет свои идеи, провозглашая «революционную диктатуру различных классов» и высказываясь, таким образом, в пользу политического плана, отвергнутого Сталиным в конституции 1936 года, в котором содержалась формула: «диктатура рабочих и крестьян»²⁶. Нужно сказать, что китайский принцип был применен на практике тогда, когда правительство освобожденных районов организовывалось на основе правила «трех третей»: коммунисты, прогрессисты и группы центра (средняя буржуазия и просвещенная аристократия)²⁷. В 1949 году Мао утверждал, что «народно-демократическая диктатура» будет состоять из пролетариата, крестьян, мелкой городской буржуазии и национальной буржуазии: эти 95 процентов населения пользовались бы

---

²⁴ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 1 М. с. 447—484.

²⁵ Работа «О тактике борьбы против японского милитаризма» (1935, там же, с. 259—304) была, несомненно, скорректирована позднее, так как употребление термина «народная республика» выглядит явным анахронизмом.

²⁶ И. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1946, с. 523.

²⁷ Selden. The Yenan way, p. 161—171. См. также: Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, с. 351—368.

демократическими правами, тогда как над помещиками, над компрадорской буржуазией и их ставленниками осуществлялась бы диктатура²⁸. Когда в 1953 году было объявлено, что Китай вступил в переходный период к социализму без изменения народно-демократической диктатуры, стало ясно, что эта коалиция не являлась чисто временной, ограниченной фазой буржуазно-демократической революции.

Естественно, что в классовом союзе руководство должно было осуществляться со стороны пролетариата и его партии, коммунистической партии. По этому существенному пункту Мао придерживался строго ленинской точки зрения, хотя и он, и другие руководители (в частности, Лю Шаоци) считали, что принципы демократии и централизма могут вступать в потенциально противоречивые отношения²⁹. Мао еще не говорил о «противоречиях внутри партии», но уже осветил вопрос о «двойственных отношениях» между частями и целым, между индивидами и партией, между кадрами и активистами партии и т. д.³⁰ Действительно, китайская революция требовала скорее активного участия и широкой поддержки масс, чем чистого послушания и эффективности, вытекающей из простого соблюдения дисциплины. Под этим углом зрения мы должны смотреть на то, как Мао последовательно проводил дискуссию о характере народной республики через исторический анализ «новой демократии», формулировки, появившейся в статье под таким же названием в январе 1940 года³¹. Выдвигая теорию «непрерывного развития революции», определение которой напоминало троцкистскую теорию «перманентной революции», безусловно отвергаемую Мао, обращавшегося к ленинской идее «непрерывной революции»³², Мао утверждал, что после Октябрьской революции и движения «4 мая» Китай вступил в фазу «новой демократии»:

«В силу того, что китайская национальная буржуазия является буржуазией колониальной и полуколониальной страны и испытывает на себе империалистический гнет, она даже в эпоху империализма все же в известные периоды и в известной степени сохраняет революционность в борьбе против иностранного империализма... и может в союзе с пролетариатом и мелкой буржуазией выступать против тех врагов, с которыми она склонна бороться. В этом отличие китайской буржуазии от буржуазии бывшей Российской империи. Здесь задача

²⁸ *Mao Tse-tung. La dittatura democratica popolare* (30 giugno 1949).— In: *ID "Opere scelte"*, v. 4, p. 449—464.

²⁹ S. Schram. *Authority Participation and Cultural Change in China*. Cambridge 1973, p. 36, в этой работе все-таки, как мне кажется, преувеличивается сущность разногласий между Мао и Лю Шаоци.

³⁰ *Compton. Mao's China*, p. 9—32; см. также: *Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. 4, с. 57—87.

³¹ *Мао Цзэдун. Избранные произведения*, т. 3, с. 199—276.

³² Там же, т. 1, с. 485—502.

пролетариата состоит в том, чтобы не пренебрегать этой революционностью национальной буржуазии»³³.

Конечно, китайская буржуазия, по своей природе относящаяся к буржуазии полуколониальной страны, была как класс «политически и экономически чрезвычайно слабой» и поэтому легко склонной к соглашательству. Поэтому «пролетариат, крестьянство, интеллигенция и другие слои мелкой буржуазии являются основной силой, решающей судьбы страны». Но отсюда следует вывод о глубоком своеобразии китайской революции, представленной Мао как образец для колониальных и полуколониальных стран, которые, по его мнению, не могли следовать по советскому пути, пригодному только для «передовых промышленных стран». Наряду со «старым европейско-американским типом» капиталистической республики, находящейся под властью буржуазии, и наряду с «социалистической республикой», как в Советском Союзе, утверждалась новая «форма государства, создаваемая революциями в колониальных и полуколониальных странах», то есть это будут государства новой демократии, в которых несколько антиимпериалистических классов объединяются для совместной диктатуры»³⁴.

4. Революция и диалектика

«Секретный» доклад Хрущева на XX съезде КПСС стал катализатором, но не причиной изменений в политической жизни Китая начиная с 1956 года. Несмотря на то что китайское руководство знало о большей части ошибок и преступлений Сталина, вскрытых на съезде, причем некоторые из китайских руководителей могли столкнуться с ними непосредственно, на собственном опыте, доклад Хрущева вызвал у них раздражение и беспокойство. 5 апреля Политбюро опубликовало одобренное Мао заявление «Исторический урок диктатуры пролетариата», в котором между строк подвергался критике доклад Хрущева и приводился более уравновешенный анализ политики Сталина, чья деятельность и личность расценивались, несмотря ни на что, в основном положительно. В отличие от доклада Хрущева, в заявлении видна попытка дать теоретическое оправдание ошибок Сталина, используя теорию противоречий. Впервые, и это следует отметить, КПК проявила серьезное намерение предстать пред международным коммунистическим движением в образе коллективного теоретика.

Несмотря на свое в основном благоприятное отношение к

---

³³ Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 3, с. 216.

³⁴ Там же, с. 220.

Сталину, Мао довольно скоро начинает стараться применить к китайской обстановке те выводы, которые можно было извлечь из критического подхода к Советскому Союзу. 25 апреля 1956 года он произносит очень важную речь «О десяти важнейших взаимоотношениях»³⁵, в которой требует, независимо, но в то же время не удаляясь слишком далеко от линии Хрущева и других коммунистических руководителей того времени, проявлять больше внимания к условиям жизни населения через увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и легкую промышленность, развитие промышленных центров, существовавших в приморских районах еще до революции, и уменьшение расходов на оборону. Но при своей обычной любви к парадоксам, он утверждал, что эти меры дадут преимущество именно тяжелой промышленности, промышленности внутренних районов Китая и обороноспособности страны; если уделять больше «внимания сельскому хозяйству и легкой промышленности, с тем чтобы производить больше зерна и товаров широкого потребления», то тогда можно будет обеспечить «большее накопление» и можно будет «вкладывать больше капиталов в тяжелую промышленность». И далее он уточнял: «Развитие тяжелой промышленности в ущерб развитию легкой промышленности и сельского хозяйства — это один метод. Развитие тяжелой промышленности путем стимулирования развития легкой промышленности и сельского хозяйства — это второй метод... С точки зрения дальней перспективы первый метод может вызвать замедленное и недостаточное развитие тяжелой промышленности. По прошествии нескольких десятилетий это непременно скажется при подведении общего итога. Второй же метод — это метод, при котором развитие тяжелой промышленности базируется на удовлетворении жизненных потребностей народа, ведет к упрочению основы развития тяжелой промышленности, в результате чего тяжелую промышленность можно будет развивать полнее и лучше»³⁶.

Ссылаясь на принцип «единства противоположностей», Мао требовал централизации и автономии как в экономическом, так и в политическом управлении. В этом случае полемика (вернее, подчеркивание расхождений во взглядах с Советским Союзом) была открытой: «Наша политика по отношению к крестьянам отличается от той, которая применялась в Советском Союзе: мы учитываем как интересы государства, так и интересы крестьян. Мы не должны, как в Советском Союзе, ни концентрировать все в руках центральной власти, ни осуществлять слишком строгий контроль за местной администрацией, не оставляя для нее возможности проявлять

---

³⁵ *Mao. Rivoluzione e costruzione*, p. 357—386.

³⁶ *Ibid.*, p. 359—360.

собственную инициативу... В Советском Союзе отношения между русскими и национальными меньшинствами слишком аномальны, и это должно послужить нам уроком»³⁷

При проведении репрессивных мер против контрреволюции, Мао оправдывал устранение элементов, которые «должны были оплатить тяжелые кровавые долги», и, следовательно, считал, что нужно было действовать с необходимой твердостью в 1951—1952 годах, но вместе с тем он утверждал, что, не отменяя закона о смертной казни, нужно воздерживаться от ее применения: «такая политика удержит нас от совершения непоправимых ошибок»; это был явный намек на эксцессы сталинского террора. Но при анализе деятельности Сталина и выдвинутой против него критики, он еще раз подтвердил свою линию, намеченную в работе «Исторический урок диктатуры пролетариата», полемизируя с теми, «кто сперва в Советском Союзе вознесли Сталина до небес», а теперь «неожиданно принялись критиковать его»³⁸. В заключение он утверждал, что «эти десять взаимоотношений в свою очередь являются противоречиями», которые должны сохраняться в ходе построения социализма.

Доклад был опубликован только после смерти Мао; вполне понятно, что если политика, направленная на увеличение производства предметов потребления, и стратегия децентрализации находили много сторонников, то было значительным и сопротивление, оказанное многим идеям, содержащимся в докладе. В решениях VIII съезда КПК, проходившего в сентябре 1956 года, подчеркивалась теория единого и равномерного движения вперед. На этом съезде, при анализе его работы с исторической точки зрения, начинает проявляться раскол между Мао и другими партийными руководителями, и прежде всего Лю Шаоци, занимавшим пост заместителя председателя Постоянного комитета Политбюро КПК. В целях борьбы с «культом личности» съезд отказался включить «идеи Мао Цзэдуна» в новый устав партии. Но, самое главное, на основе доклада Лю Шаоци был провозглашен примат тяжелой индустрии и развивалась политическая линия, которая существенно противоречила политическому направлению, указанному в «десяти важнейших взаимоотношениях».

Очень большое значение играла резолюция о политическом положении, принятая съездом на основе доклада Лю Шаоци, в которой утверждалось, что при сложившемся положении вещей основным противоречием в Китае является противоречие между передовой социальной системой и отсталыми производительными силами. Такое утверждение не могло не восприниматься как выступление против недавней уско-

---

³⁷ Ibid., p. 366 sgg.

³⁸ Ibid., p. 382.

ренной коллективизации, активно поддерживаемой Мао, и, конечно же, противоречило проектам, которые разрабатывал в тот период Мао Цзэдун и цель которых состояла в установлении более радикальных социалистических производственных отношений и проведении «больших скачков» в социальной и экономической областях. В вышеуказанной резолюции VIII съезда КПК это новое основное противоречие связывалось с тем, что «социалистические преобразования одержали окончательную победу и противоречия между пролетариатом и буржуазией были, в сущности, разрешены»³⁹.

Сначала Мао принял эту формулировку; хотя еще в 1955 году он настаивал на том, что если преобразования в области собственности и происходят достаточно быстро, то борьба против буржуазной идеологии будет длиться еще долгие годы⁴⁰. Широкое подтверждение этому он видел в венгерских событиях в октябре 1956 года.

Еще летом китайские руководители, в связи с их политической поддержки самостоятельности отдельных коммунистических партий, с симпатией относились к движениям, возникшим в Польше и Венгрии, хотя уже в октябре опасения, что антисоциалистические силы укрепятся в венгерском движении, вызывали у них серьезную озабоченность. В их реакции на эти события мы можем увидеть разрыв, происшедший между Мао и остальными руководителями партии. По мнению Мао, необходимо было избежать повторения кризиса, охватившего венгерскую компартию, зараженную бюрократизмом и сектантством, и срочно провести в Китае кампанию исправления ошибок, аналогичную кампании 1942 года, которая смягчила бы строгую дисциплину и подняла идеологический уровень. Эту инициативу Мао связал с кампанией, начатой еще в мае, лозунгом которой было «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ».

В ноябре 1956 года Мао попытался расширить поле деятельности, прибегнув, по сути, к антиленинскому, уже проявившемуся в кампании 1942 года, принципу, по которому в политическое движение по исправлению ошибок должны внести свой вклад и «старательные и склонные к этому люди, находящиеся вне рядов партии»⁴¹. Против направленности и сроков кампании по исправлению ошибок выступили многие партийные руководители, обеспокоенные рабочими забастовками и студенческими волнениями, которые они считали последствиями XX съезда КПСС, движения «ста цветов» и напряжения, возникшего после введения ограничений в систему высшего образования и кампании по выдвижению кадров.

³⁹ Синьхуа, 27 сентября 1956 г.

⁴⁰ "Discorso alla ii sessione plenaria dell'VIII Comitato centrale del Pcc" (15 novembre 1956).—In: *Maο. Rivoluzione e costruzione*, p. 443—465.

⁴¹ Ibid., p. 593.

По мнению Мао, для создания полнокровного движения невозможно останавливаться на обеспечении условий, при которых распустились бы только цветы, а необходимо создать обстановку, в которой могли бы подняться «сорняки, ядовитые травы»⁴², лишь бы только они не заглушили цветы.

Благодаря своей удивительной политической ловкости, престижу и успеху процесса коллективизации, усилившему его позиции в партии, Мао удается навязать КПК кампанию по исправлению ошибок, начатую в ноябре 1956 года после знаменитой речи «О правильном разрешении противоречий внутри народа». Мао проводил в ней различие между антагонистическими и неантагонистическими противоречиями, сравнивая антагонизм между народом и его врагами, часто требующий жестокой борьбы, с противоречиями, проявляющимися внутри самого народа, которые надо решать мирным путем, избегая того, чтобы они превратились в антагонистические, что подвергло бы опасности социалистические завоевания, как это показывают венгерские события. Живучесть противоречий означает, что и после создания социалистического экономического базиса система может подвергаться опасности со стороны элементов надстроечного характера. Сталин выявил потенции надстройки, и прежде всего ее культурной сферы⁴³. Этот вопрос становится основным в теоретической деятельности Мао. Проблема культуры становится основной в разгар движения «ста цветов», ставшего частью кампании по исправлению ошибок. Однако уже через пять недель партия перешла в контрнаступление, и около сотни наиболее влиятельных критиков было сослано в трудовые лагеря, а их последователи подверглись жестокой критике. Мао предвидел изменение направления этого процесса и одобрил его: если вначале он обрушился на бюрократизм и сектантство, то теперь он повел наступление против ревизионизма; однако борьба против бюрократизма продолжалась, и немало кадровых работников было в свою очередь отправлено на работу в деревню.

⁴² Ibid., p. 478.

⁴³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, с. 535—563; *Мао*. Sulla contraddizione, p. 347—348. Materiale di consultazione per "Un grande documento storico" В этой последней работе содержится такое замечание: «Ленин понимал, что, после того как пролетариат захватил власть, потерпевшая поражение буржуазия остается еще сильнее пролетариата и постоянно ищет возможности вернуть себе власть... Для борьбы против этой угрозы и ее устранения было необходимо в течение длительного периода усиливать диктатуру пролетариата». Преждевременная смерть Ленина не позволила провести практическое решение этих вопросов, потому что Сталин, который был «великим марксистом-ленинцем» и с успехом срывал маски с «огромного числа контрреволюционной буржуазии, пробравшейся в партию», не сумел «установить на теоретическом уровне, что в обществе существуют классы и классовая борьба на протяжении всего исторического периода диктатуры пролетариата, и вопрос о том, кто победит в революции, должен еще найти свое окончательное решение».

Многие из тех, кто выступал против кампании по исправлению ошибок, считали ее взрывоопасной и ставящей под угрозу завоевания социализма в Китае. Оппозиция Мао Цзэдуна еще более усилилась после лозунга «большого скачка», который в основном был придуман, чтобы использовать энергию масс, но в то же время в нем нашла отражение попытка решить или по крайней мере ввести в нужное русло серьезные противоречия, проявившиеся в китайском обществе. Основным орудием для этого стали народные коммуны. В марте 1957 года были слиты воедино под руководством местных партийных организаций рабочая сила и технические ресурсы различных кооперативов для проведения работ по ирригации и строительству слишком крупных для одного кооператива промышленных предприятий. В мае 1958 года эта инициатива была провозглашена национальной политикой, и в течение шести недель все кооперативы были слиты в народные коммуны; численный состав отдельной коммуны мог достигать до 500 тысяч человек.

Термин «коммуна» был знаменателен по многим причинам: прежде всего он указывал на то, что коммунистический принцип «каждому по потребностям» заменит социалистический принцип «каждому по труду»; во-вторых, напоминая великое историческое завоевание Парижской коммуны, он подводил к мысли о создании организации, способной стать связующим звеном между государством и обществом. Сами коммуны, более или менее соответствовавшие старым округам, управлялись центральной администрацией, но в то же время коммуна должна была стать самостоятельным социальным и экономическим организмом.

Через коммуны пытались преодолеть противоречие между городом и деревней; она становилась центром сельской индустриализации и представляла собой попытку использовать огромные резервы рабочей силы: сезонная крестьянская безработица была чем-то вроде средства, заменяющего капиталовложения. В течение лета были построены десятки тысяч местных предприятий (прежде всего примитивных плавильных печей). Городские рабочие и интеллигенция направлялись в деревню для оказания помощи в реализации этой программы и участия в сельскохозяйственном производстве. Всему населению страны была навязана дисциплина военного типа. «Большой скачок» был также попыткой преодолеть разделение труда. Маркс и Энгельс постоянно указывали, что разделение труда, искажающее сущность человека, неминуемо должно исчезнуть во второй фазе социализма. В какой-то мере жестокость, проявившаяся в этой кампании, была обусловлена китайской традицией: в IV веке до нашей эры конфуцианский мудрец Мэн-цзы вел спор с одним примитивным коммунистом, обвинявшим его, а вместе с ним и

его царственного покровителя в том, что они живут трудом крестьян. Ответ Мэн-цзы, известный всем образованным китайцам, состоял в том, что правитель подобен горшечнику или кузнецу, исполняющим свою особую работу и не имеющим поэтому времени на обработку земли. «Кто работает при помощи головы, правит другими, а кто работает с помощью силы, тем управляют другие». С тех пор разделение труда всегда ассоциировалось с классовыми привилегиями и рассматривалось как покушение на принцип равенства⁴⁴. Мао находил оправдание «большому скачку» в своей вере в наступающие приливы и в смелость, необходимую для обеспечения прогресса, а также в теории постоянной или непрерывной революции, для которой он использовал китайский термин «будуань гэмин»; этим же термином было переведено понятие «перманентная революция» Троцкого. Согласно этой теории, революция должна была развиваться в форме быстро сменяющихся фаз, которые не допускают консолидации старого порядка. В отличие от Троцкого, Мао уверял, что каждая фаза должна завершаться прежде, чем начнется следующая фаза⁴⁵, хотя на практике разделение между ними было не очень четким.

«Большой скачок» вызвал к жизни народное движение гигантского размаха, но организационный хаос, вызванный им, и со временем участвовавшие провалы привели к тому, что в партии возникло сильное сопротивление этому курсу и участились нападки на самого Мао. Больше всего эта политическая линия критиковалась министром обороны Пэн Дэхуаем, снятым в 1959 году со своего поста и замененным Линь Бяо. Политика «большого скачка» была серьезно пересмотрена на одном из пленумов Центрального Комитета, после чего Мао отказался от поста Председателя республики. Растущее напряжение отношений с Советским Союзом и отъезд советских специалистов в 1960 году вызвали новые трудности и открыли новую фазу в истории Китая.

Действительно, расхождение во взглядах с советскими руководителями нарастало все четыре года вслед за XX съездом КПСС. Уже на VIII съезде КПК Мао подверг глубокой критике советских руководителей, утверждая, что из «двух мечей», которыми была вооружена партия (Ленин и Сталин), они отбросили второй, но теперь уже, кажется намерены отказаться и от «меча, олицетворяемого Лениным». «Имеется ли еще сила Октябрьская революция? — спрашивал Мао. — Может ли она быть моделью для всех других стран? В докладе Хрущева говорится, что можно захватить власть

⁴⁴ Mencius, 3A, cap. IV.

⁴⁵ Mao Tse-tung. Unrehearsed: Talks and Letters 1956—1971, a cura di S. Schram. London, 1974, p. 91—95. См. также: Shram. Op. cit. Позднее Мао вновь начал говорить о «непрерывной революции».

мирным, парламентским путем и что другие страны могут обойтись и без примера Октябрьской революции. Пробив такую брешь, он, по сути дела, сошел с пути ленинизма»⁴⁶.

Значительные разногласия возникли и в ходе совещания двенадцати коммунистических партий, собравшихся в Москве в ноябре 1957 года по случаю 40-летия Октябрьской революции. Именно по этому поводу Мао начал утверждать, что ветер с Востока одолевает ветер с Запада, и выступил с лозунгом, сформулированным еще в 1946 году, по которому «все реакционеры», а следовательно, и американский империализм, есть не что иное, как «бумажные тигры». Однако он добавил, что хотя «со стратегической точки зрения мы должны презирать всех наших врагов, с тактической точки зрения мы должны относиться к ним серьезно»⁴⁷.

Весной 1960 года, накануне отъезда советских специалистов, китайские руководители приступили к публикации серии статей под общим названием «Да здравствует ленинизм», в которых были сформулированы их возражения против политики Советского Союза⁴⁸. В частности, объявлялась несостоятельной теория мирного сосуществования, так как еще Ленин якобы утверждал, что до тех пор, пока существует империализм и эксплуатация, война в той или иной форме будет неизбежна. Если это не означало непосредственно, что социалистические страны не должны руководствоваться принципом мирного сосуществования, то в капиталистических странах народы не должны были ради этого принципа отказываться от революции — единственного пути выместить прочь старые господствующие классы. Был также подвергнут резким нападкам «ревизионизм», объявленный постоянной опасностью для социалистических стран из-за настойчивого и упорного влияния буржуазной идеологии и буржуазных отношений на внутреннюю жизнь страны и из-за внешнего давления империализма. С тех пор Мао и большая часть китайских руководителей начали указывать на советский ревизионизм как на врага не менее опасного, чем американский империализм.

Это указание с удивительной энергией было подхвачено вновь летом 1962 года, одновременно с началом кампании по социалистическому воспитанию, когда Мао заметил, что переходный социалистический период есть длительная историческая фаза, в ходе которой существование классов, классов-

---

⁴⁶ "Discorso alla il sessione plenaria", p. 454—455. См. также: J. Gittins Survey of the Sino-Soviet Dispute. A Commentary and extracts from the Recent Polemics 1963—1967. London, 1968, p. 43—58, 307—309.

⁴⁷ "Tutti i reazionari sono tigri di carta" (18 novembre 1957). — In: Mao. Rivoluzione e costruzione, p. 731—732.

⁴⁸ "Peking Review", 26 April, 1960, p. 8—22.

вых противоречий и классовой борьбы в странах, где произошла социалистическая революция, создает постоянную угрозу реставрации капитализма. Идеологическая и политическая мобилизация против «ревизионизма» принимает с тех пор все более широкие масштабы и достигает своего апогея в период «великой пролетарской культурной революции».

По некоторым аспектам мы можем выявить принципы, на которых основывалось это движение, на много лет перевернувшее жизнь в Китае. В этих принципах заметен возврат Мао к его идеям домарксистского периода с акцентом на культурные ценности, на проблемы молодежи, вопросы борьбы масс и волевых решений. Буржуазная и пролетарская идеологии представлены как «вещи в себе», к которым можно прийти на основе добровольного выбора, независимо от классового происхождения⁴⁹, даже через всегда провозглашавшуюся Мао чистую веру в народ, рассматриваемый как нечто целое. Нужно помнить, что если в 40-е и 50-е годы он настаивал на необходимости иметь сильную партию, построенную на ленинских принципах демократического централизма, то до этого времени он часто лутался в вопросе о необходимой идентичности между партией как организацией и революцией. К проявлению этого же самого подхода мы можем отнести и его идеи о необходимости исправления партии под контролем масс. Здесь различаются черты, которые в какой-то мере мы можем определить как народнические: он часто повторял, что «мудрость идет от масс». В статье «Откуда берутся правильные идеи?», написанной в 1963 году, он утверждал: «Общественная жизнь человека определяет его идеи. Как только массы овладели идеями, верные идеи, характеризующие передовой класс, превращаются в материальную силу, способную преобразовать общество и мир»⁵⁰.

Иногда он идентифицирует китайский народ с прогрессом и нравственностью, выражая это в терминах, которые могут заставить вспомнить о конфуцианских принципах «власти, данной небом, признанной народом». В январе 1957 года, выступая перед руководителями КПК по поводу возможных результатов политики «ста цветов» в связи с недавними венгерскими событиями, он заявил: «Я думаю, что если должны произойти великие беспорядки в национальном масштабе, то, чтобы вернуть вещи на свое место, нужны массы и их руководители; последними можем быть мы или кто-нибудь другой. После этих великих беспорядков бутон должен лопнуть, и наше государство обязательно выйдет из

---

⁴⁹ См., например: "Directive on the question of class distinction" — In: *Miscellany*. Op. cit., p. 433—444.

⁵⁰ *Mao Tse-tung*. Antologia. Milano, 1968, p. 439.

этой ситуации окрепшим. В любом случае Китай будет двигаться вперед»⁵¹.

Но, по-видимому, Китай будет двигаться вперед зигзагами, чередуя спиралеобразное напряжение демократических и централистских принципов с их ослаблением, прогресс с регрессом, хотя в конечном итоге это всегда будет движение вперед. Именно в противоречиях Мао видел двигатель этого прогресса. Можно отметить, что марксизм, развивая философию Гегеля, обратился к законам отрицания, отрицания и снятия (*aufhebung*) противоречий как к основным элементам диалектики. В 1957 году Мао начинает заменять термин «разрешать» противоречия выражением «поставить правильным образом» вопрос о противоречии. Он настаивает на том, что и по Ленину «диалектику можно кратко определить как теорию единства противоположностей», и, разъясняя точку зрения Ленина, утверждал: «Именно таково ядро диалектики, но все это требует объяснений и развития», тогда как Ленин замечал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание... нет, а отрицание как момент овязи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»⁵². Затем в 1964 году Мао доходит до недвусмысленного опровержения отрицания отрицания: «Энгельс говорил о трех законах, но я в два из них не верю. Основной закономерностью является единство противоположностей, переход количества в качество есть единство противоположностей количества и качества, а отрицания отрицания вообще не существует... Утверждение-отрицание... каждое звено в развитии явлений есть и утверждение и отрицание... Капиталистическое общество является отрицанием по отношению к феодальному, но утверждением по отношению к социалистическому обществу»⁵³.

На его взгляд, синтез происходит тогда, когда «один проглатывает другого, один свержает другого, один класс гибнет, другой класс подымается». Он всегда отрицал, что речь идет о «слиянии двух в единое»⁵⁴. Это отсутствие синтеза, в том привычном смысле, в каком мы употребляем этот

---

⁵¹ "Discorsi alla conferenza dei segretari dei comitati di partito delle province, municipalità e regioni autonome" — In: *Mao. Rivoluzione e costruzione*, p. 496.

⁵² Ibid., p. 486—487. Цитата Ленина из «Философских тетрадей». Полн. собр. соч., т. 29, с. 207. Следует заметить, что аналогичные рассуждения были уже развиты в статье Мао «Относительно противоречий», где отмечалось между прочим совпадение между диалектикой противоположностей, изложенной Лениным, и китайским афоризмом (впервые встречающимся в хронике I века): «Противоположны, а друг друга порождают».

⁵³ "Talk on questions of philosophy" (18, August 1964). — In: *Mao, Unrehearsed*", p. 212—230.

⁵⁴ Ibid., p. 224.

термин, ослабляет его концепцию необратимого качественного изменения. Вот откуда, следовательно, идет теоретическая обеспокоенность, которая соответствует практической озабоченности. Другими словами, если новый класс не может целиком поглотить старый класс, особенно когда он продолжает свое существование в области идеологии, то последний всегда может вновь подняться на поверхность. Всегда имеется опасность возвращения назад, от социализма к капитализму, и она не уменьшается оттого, что возрожденный капитализм должен вылиться, как в Советском Союзе, в новую форму.

Так концепция прогресса становится все более далекой и абстрактной. А пока Мао может гарантировать только изменения. Несмотря на свою большую зависимость от даосизма, Мао отказывается от пассивного признания естественных сил природы и требует, чтобы воля вела человека к борьбе против них. Эта основная тема была ключевой цитатой в культурной революции: «В конечном счете огромная сложность марксизма может быть сведена к единственной фразе: восстание — это справедливо»⁵⁵.

---

⁵⁵ "Intervento a una conferenza di lavoro del Centro (23 agosto 1966). — In: SHWS (Viva il pensiero di Mao Tse-tung!)

Хосе Арико

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ МАРКСИЗМ В ГОДЫ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1. Латинская Америка как проблематичное единство

Первой преградой, встающей перед исследователем при определении отличительных характеристик латиноамериканского марксизма, оказывается само географическое пространство как объект анализа. В какой степени различные латиноамериканские социальные формации образуют единый комплекс, который можно было бы объединить в одну категорию с соответствующим названием? Достаточно ли наличия в истории наших народов единой культуры, единого языка, единой религии, одного общего прошлого для создания единого социального комплекса, отличающегося своеобразием и такими характерными признаками, которые устояли бы перед глубокими различиями, возникшими в течение более чем полуторавекового существования самостоятельных национальных государств, расположенных на латиноамериканском континенте? Можно ли говорить о том, что страны континента отмечены некоей общностью судьбы (в том смысле этого выражения, в каком его употреблял Бауэр), которая объединяла бы в одно понятное и поддающееся определению целое столь бесспорно дифференцированную реальность? Положительный ответ на эти вопросы означал бы недооценку проблематичности этой темы и нес бы в себе опасность увести исследование в рискованную область типологии социологического свойства, обходящей молчанием или разрывающей «национальную» нить, из которой сотканы отличающиеся друг от друга истории латиноамериканских рабочих и различных классов. Но и альтернативный путь, выделяющий исторические и социологические особенности каждой из стран, образующих этот комплекс, не всегда четко очерченных наций не позволил бы нам объяснить причину того, что указанная проблема долгие годы стоит на повестке дня, причину упорного возвращения к тематике латиноамериканского единства. В том или в другом случае существование латиноамериканского сознания в действительном или латентном состоянии говорит нам, без сомнения, о чем-то большем, чем конкретные исторические или географические данные.

Проблематичность категории «Латинская Америка» обосновывается и объясняется необходимостью считаться не с уже организованной действительностью, а с реальностью, находящейся в процессе формирования, чья конкретная морфология должна рассматриваться не как «воплощение в жизнь» некоего априори, а как исторический продукт продолжительного созидательного процесса, который может быть изучен благодаря наличию общего исторического субстрата, восходящего к противоречивой, но единой матрице. Характерные черты, оставленные эпохой европейской колонизации и последовавшей за ней войной за освобождение; глубокий отпечаток, наложенный колониальной системой на социально-экономическую жизнь латиноамериканских государств; общий феномен массового вовлечения этих стран в мировой рынок, на котором они оказались в финансово-экономической зависимости от ведущих стран капитализма; выдающаяся роль, которую сыграла в наших странах интеллигенция, выступившая как организатор и просветитель по общим идеологическим и культурным проблемам; борьба народных масс, проявлявшаяся во всей ее двойственности и дифференциации в соответствии с различными историческими периодами, за завоевание собственного «национального» и «континентального» пространства, реальной и действенной национальной независимости, — все эти черты позволяют нам указать на наличие той единой матрицы, на которой основывается допущение указанной концепции.

Характерные черты капиталистического развития в Латинской Америке и глубокие изменения, связанные с проходившей в относительно короткие сроки и весьма значительной по своему масштабу иммиграцией рабочей силы из-за рубежа вызвали радикальные экономические и социальные перемены во всем латиноамериканском обществе. То, что на взгляд господствующих классов и американских интеллектуалов проявлялось как гигантское усилие по «европеизации» всего региона, как глубоко позитивный процесс необратимых достижений прогресса и культуры, скрывало в действительности все нараставшие социальные уродства, растущую дифференциацию социально-экономических структур, дробивших страны континента на «современные» и «отсталые». Вместо континента, неотвратно вовлекаемого в поток всемирного прогресса, Латинская Америка быстро превратилась в обширную область социального разложения, усиливающего уже существующее напряжение, расстраивающего социальные отношения и откладывающего на неопределенный срок образование буржуазных наций, которые европейская позитивистская мысль и ее американское отражение воспринимали как неизбежный процесс.

Объективное вовлечение рабочего класса в планы буржу-

азной модернизации общества привело к нежелательному и непредвиденному результату, а именно к опасному разобщению социального движения; рабочий класс лишился своей потенциальной способности выступать в роли центра, объединяющего социальные и политические требования всех эксплуатируемых классов, и превращался в составную часть блока сил, которые стремились исключить из этого процесса второстепенные классы, пострадавшие от роста капитализма. Возникшая между народными массами, в основном крестьянскими, и городским пролетариатом первоначальная трещина, вызванная вторжением капитализма извне, будет все увеличиваться, пока не будет достигнута крайняя степень двойственности, которую латиноамериканская социология определяет как «внутренний колониализм». Когда в 30-х годах экономический кризис полностью расколет всю систему, оба течения социального движения вольются в интеллектуальную и политическую жизнь латиноамериканских народов как два четко отличающихся и даже антагонистических направления, открывая, таким образом, новый этап в социальной борьбе, который далек еще от своего завершения.

Особенную гибкость в использовании значительной части этих разнородных теорий, выдвигающих проекты достижения экономической справедливости и социальных реформ, демонстрировало, вплоть до 20-х годов, движение анархистов, сохранявшее, одна ко, тесную связь с городским пролетариатом. Точно так же большинство профсоюзов Аргентины, Бразилии, Чили, Мексики и Перу идеологически были связаны с общими взглядами анархо-синдикализма. Те же самые концепции привели группу «Рехенерасьон», руководимую Рикардо Флоресом Магоном, к борьбе за объединение мексиканских горняков и текстильщиков с движением Сапаты*, которое своим эгалитаризмом и стремлением реставрировать натуральный крестьянский уклад напоминало андалузский деревенский анархизм и крестьянскую войну, которую вел на Украине Махно сразу же после Октябрьской революции¹.

* Эмилиано Сапата (1879—1919) — руководитель крестьянского движения в мексиканской революции. — Прим. ред.

¹ О движении «магонистов» (Рикардо и его брат Энрике, а также Пракседис Герреро, Хуан Сарабиа, Либрадо Ривера и др.) и о журнале «Рехенерасьон», объединившем вокруг себя всю группу, см. сборник наиболее важных статей, вышедший под редакцией и с предисловием Армандо Бартра: «Regeneración, 1900—1918». México, 1977. О движении Сапаты см.: J. Womack. Zapata y la revolución mexicana. México, 1969. О других течениях мексиканского радикализма см.: J. O. Cockcroft. Precursores intelectuales de la revolución mexicana. México, 1971. О распространении социалистических идей см.: G. García Cantú. El socialismo en México, siglo XIX. México, 1969. Огромную библиографию, посвященную анархизму, дополнили несколько недавних работ: J. M. Hart. El anarquismo y la clase obrera mexicana, 1860—1931. México, 1980; J. Oved. El anarquismo y el movimiento obrero en Argentina. México,

С другой стороны, класс городских рабочих, происходящих из иммигрантов, связывал свою идеологию и политику прежде всего с социализмом марксистского типа. Районы его распространения в точности совпадают с областями, в которых происходила концентрация прибывавшей из Европы рабочей силы; расширение его рядов связано с постоянными конфликтами с движением анархо-синдикалистов. Однако, в отличие от Мексики, Бразилии и Перу, в тех странах, где политической системе был свойствен определенный либерализм, как, например, в Аргентине, Уругвае и Чили, анархизм и социализм марксистского толка сосуществовали относительно длительный период, взаимно питая друг друга.

Можно ли утверждать, что причиной раскола этого лишнего ясно очерченных границ демократического и социалистического течения стало в Латинской Америке более углубленное и серьезное знакомство с марксизмом? Помимо «Манифеста Коммунистической партии», «Нищеты философии», «Гражданской войны во Франции», манифестов Интернационала и отрывков из «Анти-Дюринга», собранных Энтельсом в его брошюре «Развитие социализма от утопии к науке», социалистические идеи распространялись через таких популяризаторов, как Девиль, Кафьеро, Лафарг и, в очень незначительной степени, Каутский. И хотя в 1898 г. аргентинский социалист Хуан Б. Хусто уже перевел для одного из издательств в Барселоне первый том «Капитала», в первые десятилетия нашего века это произведение не столько изучалось, сколько с почтением упоминалось. В латиноамериканской общественной мысли Маркс рассматривался как один из многочисленных представителей широкой плеяды социальных реформаторов, чьи произведения выходили в плохих переводах с французского в маломощных испанских издательствах, тогда как в публицистике того времени намного чаще встречались имена Луи Бланка, Элизе Реклю, Энрико Малатесты, Прудона, Бакунина, Акилле Лориа, Энрико Ферри, Луизы Миншель.

Однако знакомство с немецкой социал-демократией, обладавшей в то время ореолом хранителя истины благодаря поддержке Энгельса, рассматривавшего немецкую социал-демократию как общую модель социалистической партии, произошло на нашем континенте в тот момент, когда стало нарушаться с трудом обретенное равновесие между вдохновлявшей социал-демократию перспективой возрождения и ее характером как массовой партии, связанной тысячами видимых и невидимых нитей с интеграционной деятельностью

1978: P. Pareja. Anarquismo y sindicalismo en el Perú. Lima, 1978; J. W. Foster Dulles. Anarquistas e comunistas no Brasil. Rio de Janeiro, 1977; P. S. Pinheiro, M. H. Hall. A classe operária no Brasil, 1889—1930, v. I. "O movimento operário" San Pablo, 1979.

германского государства. Из наследия этой партии в Америке было воспринято ее обращение к марксизму как к идеологии развития и модернизации в процессе неизбежной классовой борьбы, в которой социализм выражал партию прогресса. Все увеличивающаяся дистанция между провозгласившими теоретическими принципами и практической деятельностью обнаруживала себя в Америке в более обостренных формах, выявлявших теоретическое невежество, которое, по мнению европеизированных социалистов, было связано не столько с политической отсталостью, сколько в основном с положением латиноамериканских рабочих.

К тому же следует помнить, что деятели Интернационала так и не сумели реальным образом указать на различие между приобретенным ими опытом, ограниченными пределами Европы, скорее наиболее развитой ее частью, и их претензий стать выразителями универсальной теории, потому что именно они исключили перед этим из своего анализа целый мир, оцениваемый ими как варварский.

Интересным примером служит тот факт, что через два года после начала мексиканской революции о ней даже не было упомянуто на международном конгрессе 1912 года в Базеле. Как заметил Л. Мормора, «все то, что не соответствовало известным моделям «современной» и «цивилизованной» классовой борьбы, замалчивалось или отрицалось, как антиисторическое, иррациональное и т. д.»². В социалистическом анализе излишнее значение приписывалось действиям «современных» социальных сил — индустриального пролетариата, мелких собственников, либеральной буржуазии, тогда как характерными чертами мексиканской революции было то, что она в основном была великим крестьянским движением, а «современная» надстройка проявляла себя как крайне хрупкая и ограниченная. Европейские социалисты оказались неспособными увидеть всю глубину революционной динамики социального процесса, воспринимавшегося ими лишь в его элементах стихийности и хаотичности. Моральное обличение тяжелейших условий угнетения и эксплуатации в какой-то мере снижалось настойчивым утверждением об исторической неспособности эксплуатируемых масс.

Эта реальность не принималась в расчет не только в одной Европе. В той же Латинской Америке надо было дожидаться ошеломляющих бурь русской и китайской революций, для того чтобы открыть в 20-х годах, что и на ее собственной территории уже годами развивается один из наиболее своеобразных экспериментов массового движения. Мексиканская политическая лаборатория поставила на ис-

---

² L. Mármore. *Popueistas y socialistas: desencuentro y convergencia*, 1981 (mimeogr.), p. 4.

пытание законность основных теоретических гипотез международного рабочего движения и показала, что без переоценки теории и практики социализма американская действительность оставалась для марксизма непонятной и не поддающейся расшифровке.

2. Хуан Б. Хусто и его новая интерпретация марксизма

Парадоксальность латиноамериканского социализма состояла, таким образом, в том, что, действуя в отличающейся от европейской реальной обстановке, он старался применить при анализе окружающего его общества основные установки марксизма, канонизированные II Интернационалом, что приводило к противоречивым последствиям, которые, однако, социалистические деятели не осознавали. Такая линия представляла возможность добиваться относительных успехов в организации трудящихся классов, но объективно ставила их в зависимое положение внутри блока политических сил, ориентированных на капиталистическую модернизацию. Почти полное незнание революционной теории Маркса, безоговорочное одобрение социал-демократической парадигмы, связывавшей возможность становления социализма с ростом производительных сил и, следовательно, с численным ростом современного рабочего класса, подчинение тяжелым идеологическим и политическим условиям, в которых разворачивалась работа его сторонников — все это сводило социалистическую деятельность лишь к повседневной борьбе за удовлетворение непосредственных социально-экономических требований трудящихся и за легализацию движения.

Возможно, вызовет удивление то обстоятельство, что марксистский подход к вопросу об универсальности пути, пройденного капитализмом в Западной Европе (обусловленный интересом Маркса к анализу процессов разложения сельской общины на Западе и ее стойкости на Востоке и в России), привел не только к переоценке русского общества, но также и к «открытию» американской действительности, и в частности Северной Америки, головокружительная трансформация которой была ценна еще тем, что раскрыла Старому Свету тайну капиталистического способа производства и накопления. Модифицировав свои первоначальные взгляды, строго обусловленные ситуацией в Англии и во Франции, Маркс начиная с 60-х годов указывал, что Россия и Соединенные Штаты превратились в опору новой генеральной стратегии, характеризующейся экспансией капитализма в новые области эксплуатации. Но если анализ ситуации в России привел его к открытию ранее отрицавшегося революционного потенциала крестьянства, то исследование обстановки

в Соединенных Штатах позволило ему заметить те препятствия, которые молодое государство с открытыми границами могло поставить перед недавно сформированным и раздробленным многонациональным рабочим классом.

Исторический вызов, на который лишь указали основатели марксизма, приняли не американские последователи Маркса, а живший в Латинской Америке, в Аргентине, социалистический теоретик. Лишенный возможности познакомиться с марксистскими положениями, за исключением тех, которые можно было почерпнуть из чтения «Капитала» (в особенности 25-й главы первого тома, «Современная теория колонизации»), он постарался приблизиться, следуя направлениям Марксова анализа, к решению исторической задачи создания национального социалистического движения. Этот факт, однако, не должен вызывать у нас особого удивления, потому что в тот период, когда формировались социалистические взгляды Хусто, он на практике мог наблюдать рабочее движение и жизнь Северной Америки, за которыми Маркс мог следить только косвенным путем. За год до создания аргентинской социалистической партии и через год после выхода первого номера рабочей газеты «Авангард» Хуан Батисто Хусто (1865—1928) побывал в исследовательской поездке в Соединенных Штатах, после которой он пришел к выводам, позволившим ему сформулировать проект построения социализма в Аргентине, основывавшийся на недвусмысленном отказе от образцов для подражания³.

Хуан Б. Хусто представляет собой, бесспорно, особый случай в истории латиноамериканского социализма не только по необычайно высокому уровню развития своего интеллекта, но и потому, что ни в какой другой стране не удавалось объединить вокруг такого выдающегося деятеля руководящую группу, подобную той, которая в течение многих лет осуществляла руководство аргентинской социалистической партией. Тесно связанный с международным социалистическим движением, внимательный читатель основных европейских и американских социалистических публикаций, ученый, исследовавший теоретические и политические проблемы социальных движений, литератор, сделавший перевод «Капитала» еще в конце прошлого века, Хусто был одной из крупнейших фигур II Интернационала. Как и другие мыслители, он пытался сохранить критическое отношение к учению Маркса, называл самого себя и свою партию социалистами, говоря, что они почерпнули у Маркса, а также и у других теоретиков, весь комплекс идей и положений, необходимых для воплощения в

---

³ В 1895 г. Б. Хусто направил из Соединенных Штатов в «La Vanguardia» («Авангард») серию корреспонденций, собранных впоследствии в книге: «En los Estados Unidos» Apuntes escritos en 1895 para un periódico obrero. Buenos Aires, 1928.

жизнь своей мечты, которой он отдал все свои критические способности и волю к борьбе, — создания в специфических условиях аргентинского общества социального движения с ярко выраженным социалистическим характером и кругом идей, которое, синтезируя научные знания и опыт, приобретенный в ходе самого движения, стало бы надежным руководителем для достижения конечной цели — социалистического общества.

Рассматривая социализм как естественный результат политического прогресса и демократического развития государственных институтов, Хусто сумел оценить гражданское значение либеральных традиций, нашедших в лице Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888) наиболее просвещенного представителя аргентинского общества. Поэтому в отличие от общей тенденции в социальной мысли того времени он с самого начала стремился найти корни социализма в критической переоценке всей национальной истории, переосмысленной с точки зрения классовой борьбы. В действительности же его «научная теория аргентинской истории и политики» была не чем иным, как повторением утверждения о важной роли, которую сыграл «экономический фактор» во время майской революции 1810 года и в последовавшей за ней гражданской войне, что подчеркивала уже либеральная историография. Однако в отличие от последней его анализ завершался радикальным приговором, вынесенным аргентинским господствующим классам, и положительной переоценкой роли народных классов⁴. Социалистическая партия была, согласно его теории, единственной организацией, способной слить единого исторически стихийные усилия подчиненных классов с современным рабочим движением, находившимся на этапе формирования. Ибо она была единственной политической партией, имевшей программу и историческую цель, совместимую с эволюцией общества. «Современный социализм рассчитывает прежде всего на народные массы и на власть разума; на народные массы — поскольку они выражают разум, и на разум — поскольку он развивает массы... Народ, приведенный в движение необходимостью, овладевает великой научной истиной — экономической теорией истории, и его наиболее развитая и активная часть, социалистическая партия, основывает на этом свою деятельность. Она учит трудящихся понимать их положение эксплуатируемого класса»⁵.

Концепция социализма как неодолимого движения, порожденного современным аргентинским обществом, но способного сохранить традиции прежней борьбы угнетенных классов, привела к тому, что социалистическая партия пустила глубоко-

⁴ J. B. Justo. La teoria cientifica de la historia y la politica argentina.— In: "Obras completas", v. VI. Buenos Aires, 1947.

⁵ "Por qué somos fuertes" — In: "La Vanguardia", 1 maggio 1897.

кие корни в политической, социальной и культурной жизни Аргентины⁶. Однако успехи, достигнутые в процессе строительства новой партии, наталкивались на те границы, которые существовали в самой гипотезе Хусто и решительным образом обуславливали его политическую деятельность и способность привлечь трудящиеся массы аргентинцев к его стратегическим планам.

Из марксизма Хусто взял прежде всего концепцию классовой борьбы: в стране, где народные массы, несмотря на республиканское государственное правление, были фактически исключены из государственной системы и политической жизни, классовую борьбу следовало вести не только для того, чтобы заставить господствующие классы считаться с пропоративными требованиями трудящихся, используя для этого профсоюзные и политические организации, но и для того, чтобы добиться (и эта цель была основной) всеобщего избирательного права как формы, способной расширить область классовой борьбы, допустимой в демократическом государстве. Освобождение пролетариата, по мнению Хусто, не сводится к чистому акту завоевания власти социалистами: «Мы не народ, а только одна из его частей; мы не считаем себя призванными освободить народ от угнетения, мы не приписываем себе роли освободителей. Мы просто стараемся поставить рабочий класс в то положение, когда он сам сможет освободить себя». Освобождение пролетариата происходит в результате процесса социальной борьбы, в которой рабочий класс учится самостоятельно организовываться и управлять новым обществом. Это прежде всего не сотворение нового, а кульминация и завершение процесса, в котором элементы, лежащие в основе его позитивного завершения, созрели в буржуазном обществе. «Политическая зрелость трудящегося класса состоит в его умении изменить законодательным или правительственным путем отношения собственности, повышая в то же время технико-экономический уровень страны или, по крайней мере, не понижая его»⁷. Но эта зрелость должна найти свое выражение в создании внутри общества движения, которое по своей дисциплине и способности к политической деятельности предстало бы перед народными классами как социальная альтернатива системе. Революция, при всей двусмысленности этого термина у Хусто, должна стать прежде всего социальным, а не политическим явлением. Хусто не верил, что в капиталистической системе существуют такие экономические противоречия, которые неизбежно вызовут ее

⁶Социалистическая партия стала политической силой, когда после принятия нового избирательного закона 1912 г. сумела получить большинство голосов в Буэнос-Айресе и большое число голосов в его провинции

⁷“Después de la guerra” (informazione al partito socialista del 27 giugno 1919). — In: “Obras”, v. V, p. 43.

крах, однако стремление рассматривать революцию как социальное явление приводило его к поиску иных путей для организационного и политического классового наступления, хотя он и не отказывался от реформационных проектов. Именно в решении этих вопросов Хусто продемонстрировал самостоятельность мышления, отделяющую его от течений Каутского и Бернштейна, идеологически раздиравших немецкую социал-демократию в конце прошлого века.

Для Хусто — и это сближает его с Жоресом — задача социалистической партии не могла ограничиваться непосредственными мероприятиями по организации и воспитанию пролетариата; наоборот, она должна была втягивать пролетариат во всевозможные виды политической активности, чтобы представить его перед всем обществом как силу, способную управлять им. Вместе с тем долгосрочная борьба за право управлять обществом должна была сопровождаться повседневными действиями по организации народных классов на базе гражданского, демократического общества, и только эти действия могли поставить перед этой борьбой достижимую цель. Пролетариат и его партия не могли быть лишь элементом оппозиции, потому что, действуя таким образом, они приговаривали себя к бесплодию; социалистическая партия должна была стать органом управления класса, предназначенного руководить всем обществом. И если Хусто пытался разрешить всегда стоявшую перед социалистами дилемму полной оппозиции или интеграции в систему, разрабатывая методологию борьбы, опирающейся на организационный или политический прогресс рабочего класса в обществе, что было необходимым условием для осуществления контроля и демократизации государства, то фактически он оставлял за рамками своей программы, своих краткосрочных и среднесрочных планов, проблему завоевания власти. Поэтому из-за отказа от руководящей роли политическая и организационная автономия рабочего класса, справедливо защищаемая Хусто, превратилась фактически в его корпоративную изоляцию и привела к явной неспособности четко определить природу социального блока, который надо было создать в союзе с буржуазной демократией. Внутренняя логика гипотезы Хусто приводила его к постановке вопроса о необходимости и возможности союза со всеми силами, заинтересованными в демократизации общества, но отсутствие ясности во взгляде на специфическую природу отношений пролетариата с другими народными классами аргентинского общества помешало ему правильно понять наиболее значительное массовое явление того времени — ирригойенистский радикализм *.

---

* Движение названо по имени известного политического и государственного деятеля Аргентины Ипполито Ирригойена (1852—1933), призывавшего к классовой гармонии. — *Прим. ред.*

В чем же состояла ограниченность концепции Хусто (а следовательно, и политики социалистов), который впал в глубокое противоречие между своим острым восприятием новых черт социального развития Аргентины и слепым отказом считаться с демократическим потенциалом, от судьбы которого зависела, как это показал в 1930 году военный переворот, сама судьба буржуазно-либерального государства и его представительных институтов? Какие моменты привели к тому, что силы олигархии сумели нейтрализовать тот огромный потенциал протеста, который накопился в аргентинских народных классах и выражался через различные, в крайней степени противопоставленные друг другу течения, такие, как радикализм, социализм, анархизм и синдикализм, католицизм и т. д.? Очевидно, что в основном объяснение этому следует искать в самом характере зависимого аргентинского капитализма, в той специфической форме, в какой выступало экономическое, социальное, политическое и идеологическое господство системы, динамизм которой происходил от высоких прибылей, получаемых от эксплуатации влажной зоны пампы. И если господствующие классы сумели с удивительной гегемонистской силой укрепить свою власть, то это стало возможным лишь благодаря успехам, достигнутым Аргентиной после вступления ее в систему мировой торговли, а также благодаря необыкновенному потенциалу перераспределения, которым в течение всей фазы подъема располагала земельная олигархия, получавшая дифференциальную ренту не от сверхэксплуатации трудящихся, а от высокого плодородия земель, отведенных под сельское хозяйство и скотоводство⁸.

Результатом этого явилось развитие, резко отличавшееся от того, которое предполагал Хусто. Трудности, связанные с земельной монополией, помешали консолидации сильного класса средних сельских землевладельцев, которые выступили бы как социальная опора органической демократической системы; в свою очередь развитие потребления олигархии, сопряженное со строительством широкой сети железных дорог и других систем коммуникаций и с приданием коммерческой ценности огромным богатствам, накопленным внутри страны, вызвало рост городов в гораздо больших масштабах, чем во всех других странах Латинской Америки. Интересно отметить, что таким образом создался экономический механизм, с помощью которого аргентинская олигархия «сумела привязать

---

⁸ По этим вопросам, которым в последние годы было посвящено много важных исследований, ограничимся указанием, на книгу: *E. Laclau. Modes de producción, sistemas económicos y población excedente. — In: "El régimen oligárquico. Materiales para el estudio de la realidad argentina (hasta 1930)", a cura di M. G. Zapiola. Buenos Aires, 1975, p. 19—57; "Hacia una teoría del populismo" — In: E. Laclau. Política e ideología en la teoría populista. Madrid, 1978, p. 163—233.*

всю социальную стратификацию с ее весьма разными слоями к циклу дифференциальной ренты на фазе подъема»⁹. В той мере, в какой уровень доходов аргентинских трудящихся был тесно связан с непрерывностью всего процесса, было логичным, что они стремились более или менее осознанным образом противиться любому структурному изменению, влияющему на рост национальной промышленности, основанной на государственном и таможенном протекционизме. Борьба внутри этого производственного механизма имела своей политической и идеологической целью перераспределение дохода и никогда, ни в теории, ни в практике, не ставила под сомнение саму политику дохода. Это объясняет пустившую глубокие корни концепцию свободной торговли, которая проникла во все течения рабочего движения и вызвала к жизни другой тип требований и программных предложений, сторонником которых выступило противоположное направление в народном движении — течение радикализма.

Борясь за улучшение условий жизни трудящихся, социалисты, как и анархисты, синдикалисты и даже коммунисты, выступили против протекционистских мер, которые должны были вызвать вздорожание основных средств для воспроизводства рабочей силы. И если у анархистов и синдикалистов эта позиция связывалась с их принципиальным возражением против любого вмешательства рабочих в области, лежащие в стороне от их профессиональных интересов, то у социалистов, и особенно у Хусто, экономический либерализм был одним из существеннейших элементов в их программе и политической практике. Если политическая отсталость становилась основной причиной наличия ярко выраженных черт паразитизма в аргентинской экономике, то тогда следовало поставить политические и организационные способности рабочей партии на службу деятельности, необходимой для очистки почвы, которая позволила бы экономическому развитию свободно прокладывать себе путь. Однако либерализм Хусто не предлагал государству уходить в сторону или уступать давлению экономических сил, а предусматривал позитивное вмешательство, направленное на ликвидацию крупной земельной собственности и паразитического иностранного капитала. Формирование класса мелких и средних земельных собственников представляло собой предпосылку любой подлинной индустриализации.

Центральной проблемой Хусто стал, следовательно, вопрос о поиске политической формулы, способной разбить твердую оболочку общей экономической структуры, контролировать бунтарские устремления масс, вести их к консолидации в одной гражданской демократической организации. Единство между экономическим развитием и процессом демократиза-

---

⁹ E. Laclau, *Politica e ideologia*, p. 211.

ции представлялось достижимым с помощью перемещения антагонизма, существующего в современном обществе, в конфликтную область, свойственную старому обществу, для чего социалистическое движение должно было стремиться к максимуму в своем проекте демократизации политической жизни и государственного аппарата, или, иначе говоря, к интеграции народных масс в государство.

Таким образом, борьба за радикальную демократизацию общества становится основным стратегическим узлом, главным полюсом, вокруг которого объединяются силы нового социального блока, где рабочий класс является решающей силой. Классовое стремление к единству на социалистических принципах истолковывалось как объединение трех институтов, в которых исторически накапливалась организационная воля класса: политическая партия, профсоюз и кооперация. Ни радикализм, ни анархизм, всегда рассматривавшиеся социалистами как чисто негативные силы, не могли стать путчиками этого реального классового движения; в крайнем случае ими могли оказаться только классы собственников, которые сумели бы модернизироваться и создать идеологические течения, организованные в политические партии в самом узком значении этого термина, то есть в институты, где корпоративные и частные интересы, наносившие ущерб аргентинской политической системе, должны были уступить место подлинным классовым интересам, сознательным выразителем которых стали бы такие партии.

Модернизация социального конфликта влекла за собой реорганизацию политического класса, основной силой которого фактически была социалистическая партия. В этой стратегии не было места для признания сил, тесно связанных, согласно концепции Хусто, с политической отсталостью страны, таких, как радикализм и анархизм, которые, следовательно, скатились до уровня культурных пережитков прошлого, обреченных на исчезновение. Отдавая предпочтение формально-организующему моменту в своей концепции движения зависимых классов, социалисты старались пренебречь, скорее бессознательно, чем осознанно, всеми теми программно неопределенными течениями, которые были связаны с прошлыми политическими традициями или выражали скрытое «социальное недомогание», или же тем или иным образом оказывали противодействие принципу социалистической целостности. Они относились к парламенту как к привилегированной области проявления конфликта и недооценивали и даже высмеивали бунтарскую спонтанность анархистов и противоречивый поиск иригойенизмом точки соприкосновения с рабочим движением. Таким образом, если социализм являлся прямым следствием демократии, а последняя была возможна только как преодоление политической отсталости масс и как завое-

вание ими собственной политической и организационной автономии, то все движения, в какой-то мере связанные с этой отсталостью, должны были быть ликвидированы, чтобы способствовать прогрессу. Правда, радикализм, со своей стороны претендуя на воссоздание всего общества внутри своего движения, принципиально отказывался от возможности как краткосрочных, так и долгосрочных договоренностей с социалистами. Поставленные перед необходимостью вплоть до 20-х годов привлекать в свои ряды массы городских трудящихся, оба движения все более и более обостряли свое противостояние друг другу. Это противостояние, связанное с классовыми интересами, мировоззрением, культурой, чувством соперничества и стилем политического руководства, привело социалистов и радикалов к образованию двух противоположных течений, вылившихся в открытый и непреодолимый антагонизм. Дело в том, что после кризиса 1919 года радикализм продемонстрировал опасную тенденцию прибегать к авторитарным и репрессивным методам для решения социального конфликта, который сквозь призму европейской революции казался гораздо более разрушительным, чем в действительности.

Презрение, испытываемое Хусто к конкретным формам, в которые выливалось в Аргентине вовлечение народных масс в политическую борьбу (формы, упорно отождествляемые им с бескультурьем и отсталостью), приводило его к самой решительной борьбе против них, противопоставлению им «законных» организаций трудящихся. Как это ни парадоксально, но концепция здорового капитализма и капитализма паразитирующего проецировалась на социальное движение, узаконивая один тип организации и признавая незаконным другой. Концепция автономии организаций и институтов, которая в теории Хусто приобрела особое значение как основной принцип независимости профсоюзного или кооперативного движения от тех или иных политических течений, осталась фактически неопределенной из-за отсутствия момента единства, теоретического и практического осмысления всего того, что капитализм стремился разбить и чему намеревался противодействовать. Отрицательные последствия отсутствия этого единства между экономикой и политикой проявлялись в двух направлениях: 1) ориентированная лишь на профсоюзное движение автономия выливалась в равнодушие. Политическая ответственность партии по созданию и расширению профсоюзных организаций все больше растворялась в практической деятельности, которая предоставляла доброй воле своих активистов решать задачу огромной важности по созданию настоящей партии трудящихся¹⁰; 2) обращая внимание лишь

¹⁰ J. Longuet. Le mouvement socialiste international. — In: "Encyclopedie socialiste". Paris, 1913, p. 623.

на свой стиль работы с массами и считая демократическое и рабочее движение радикального или анархистского направления выражением политической отсталости масс, она, эта установка, пренебрегала как раз теми силами, которые накопили наибольшую взрывную мощь в своем стремлении преодолеть раскол между экономикой и политикой. Трансформация учения Маркса в пояснительный канон, основанный на тенденциозном отождествлении технико-экономического развития с политическим, помешала Хусто заметить, что не отсталость, а именно капиталистическая современность была той почвой, на которой конкретно развивались народные массы. Представление о прозрачности отношений между экономической и политической жизнью в аргентинском обществе явилось результатом отсутствия тех пассивных осадков, которыми отличались европейские страны (а также Соединенные Штаты, где непомерное давление религиозных движений на общественную жизнь рассматривалось как основа для политического выражения рабочего движения). Это представление превращалось в облегченный социологизм, который отдавал предпочтение совершенной организации, существующей только на бумаге, и приводил социалистическую партию к бесполезным спорам против «замутненности» мира, несводимого к задуманной трансформации.

Допустимо утверждение, что именно в этой концепции прозрачности, которой пропитана вся теоретическая мысль Хусто, можно найти крайние пределы гипотезы, обреченной на политическое бесплодие, поскольку она основывала на изначально «педагогической» почве историческую задачу завоевания масс. в целях построения социализма. Переоценивая уровень капиталистической однородности аргентинской социальной формации и политико-идеологическую «девственность» народных классов, Хусто, идя на поводу у собственной логики, пришел к упрощению отношений классовой борьбы. Хотя в особых условиях страны противоречия экономической системы могли зеркально отражаться на борьбе масс лишь в той мере, в какой они не были опосредованы или скрыты значительными надстроечными кристаллизациями, насильственное вторжение «социального вопроса» в жизнь Аргентины конца прошлого века фактически выражало, по мнению Хусто, «современность» конфликта. Усиливающееся бунтарство народных классов было, следовательно, явлением более значительным, чем зрелость классового самосознания. А тот факт, что эта современность не выразилась еще в массовом переходе трудящихся на позиции социализма, был проблемой, связанной с политической и культурной отсталостью, которую можно было преодолеть в обозримо короткий период с помощью настойчивой работы по социалистическому воспитанию.

Хусто, возможно, в большей степени, чем любой другой марксист его времени, обратил внимание на границы социалистической деятельности, которые были обусловлены рабочим космополитизмом. Это доказывается тем фактом, что свою стратегическую гипотезу он базировал в основном на двух положениях: 1) слияние иммигрантских трудящихся масс с аргентинской нацией; 2) политическая деятельность рабочего класса. В борьбе за всеобщее избирательное право и за политическую свободу, основанную на власти большинства и на уважении меньшинства, должно было бы произойти слияние «иностраннных» и «национальных» масс — необходимое условие для создания массового современного движения. Такой была его стратегическая перспектива, разработанная с самого начала его активной деятельности и сохранившаяся неизменной вплоть до конца его жизни.

Но вопрос состоял не в стратегической перспективе самой по себе, а в выборе того пути, которым должно было следовать аргентинское рабочее движение для мобилизации своих сил, для реализации этой перспективы. Исходя из непосредственных зеркальных отношений между бунтарским духом масс и новизной классового конфликта, социалисты игнорировали при этом реальную динамику и в то же время практически и теоретически ограничивали стратегический потенциал политической организации трудящихся, в связи с чем становилось невозможным сформулировать подробный и широкий план действий по завоеванию государственного аппарата и революционному преобразованию общества.

Здесь отчетливо проявляется дистанция между теорией Хусто и марксизмом. Если для Маркса самоосвобождение трудящихся предполагало все более сложные диалектические отношения между историческим классовым движением и просветительской миссией теории, то для Хусто оно сводилось к простому и прямому его использованию, к движению, в котором политическая борьба, профсоюзное движение и кооперативные ассоциации, рассматриваемые как исключительные орудия классовой деятельности, позволили бы быстро приобрести знания и дисциплину, необходимые для социального освобождения. Комплекс аналитических категорий, с помощью которых Маркс раскрыл противоречивый характер буржуазного общества, улетучивается и уступает место рассуждениям, в которых классовое движение сводится к одному из многочисленных моментов вечного и неотвратимого прогресса человеческого разума. После того как из теории был выброшен марксизм, или же был исковеркан, вновь выходит на сцену идея, пронизывающая все социалистическое движение, которую еще Лассаль привел к ее наиболее чистому выражению, — идея приближения и слияния пролетариата с научной мыслью как предпосылки построения социализма.

3. Ленинизм в Латинской Америке

Ленинизм, конечно, коренным образом изменил представление о сроках, в которых до него рассматривалась возможность победы социализма в Латинской Америке. Впервые вопрос о завоевании власти как непереносимом условии революционного преобразования общества ставился в центр дискуссии и выступал водоразделом между течениями, называющими себя марксистскими, и направлениями, придерживавшимися социалистических взглядов лишь в общей форме.

Мировая война, пусть и не затронувшая конкретным образом жизнь Латиноамериканского континента, получила особый отклик у народов, которые по своей культурной традиции и происхождению отождествляли Европу со всем человечеством, а свою судьбу — с судьбой европейских народов: Крах веры в неуклонную эволюцию, более или менее мирную, к общему благосостоянию, демократии и миру между народами (а следовательно, к социализму), и яркий пример, данный страной, сумевшей приступить к строительству нового общества, глубоко изменили оценку мира и порядка, который установился в Латинской Америке после обретения странами государственной самостоятельности. Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества, потому что указала на неизбежный закат буржуазного общества и его исторических обоснований. Пример России показывал, что вопрос о социализме встал на повестку дня, а достижению высокого уровня развития и культуры как обязательному условию перехода к новому обществу могли предшествовать воля и организационная способность эксплуатируемых масс, руководимых подлинно революционной партией. В Латинской Америке ленинизм стал идеологией не только тех, кто пришел к нему из социалистического движения и затем противопоставил его другим социалистическим течениям, но также всех тех сил, которые возникли в результате послевоенного кризиса, поставив своей целью политическое и социальное преобразование, причем весь этот процесс еще следует изучить самым внимательным образом. Выступая против естественного порядка вещей, ленинизм настойчиво указывал на субъективный характер классовой борьбы, на творческую энергию масс, на волю к победе, свойственную тесно сплоченному отряду, от энергии, смелости и организованности которого прежде всего зависела возможность завоевания государственной власти. В полуколониальных, раздираемых противоречиями странах континента появляется идеология, которая стремится поместить все вопросы в плоскость политики и черпает свои знания из источника такой значимости, как Советский Союз. Такая идеология не могла не превратиться в могучий компонент политического движения, состоявшего из социали-

стических, революционно-националистических, народнических течений, которые быстро расширялись в Латинской Америке в 20-е и 30-е годы. И если можно говорить о растущем в эти годы распространении марксизма, то только с уточнением, что знакомство с произведениями Маркса и Энгельса было пропущено через фильтр ленинских работ и материалов III Интернационала¹¹.

Хотя ленинизм абсолютизировал самостоятельность партии как формы развития, что приведет к подрыву и аннулированию марксизма как теоретической формы движения за самоосвобождение человечества, он вместе с тем позволял предполагать возможность процессов трансформации неевропейских обществ в новой перспективе. Независимо от появившихся в документах III Интернационала и в работах отдельных коммунистов политических и теоретических формулировок, в которых признавалась специфичность природы революционных процессов в зависимых и колониальных странах, ленинизм выдвинул совершенно новую и сложную тематику, которая игнорировалась или недооценивалась лидерами II Интернационала. И если дискуссия по этим вопросам, возможно, уже началась в некоторых более или менее экцентричных кругах европейского социализма, то нам, однако, интереснее подчеркнуть, что возможность исследования антиколониальной революции в социалистической перспективе появляется только в результате перелома, произведенного ленинизмом.

На своем II конгрессе III Интернационал одобрил «Тезисы по колониальному вопросу», составленные Лениным и М. Н. Роем, индийским революционером, внесшим свой вклад в создание Коммунистической партии Мексики в то время, когда он находился в эмиграции в этой стране. В них вновь подчеркивался особый характер ситуации в колониях и соответствующее требование децентрализации. Эти тезисы, не отказываясь от европоцентристской точки зрения, тесно связанной с теоретической мыслью марксизма, придавали первостепенную роль в мировом революционном процессе национально-освободительной борьбе колониальных и неевропейских народов, не ставя их в зависимое положение от победы про-

---

¹¹ В 20-е годы начинается работа по довольно-таки планомерному распространению марксистских текстов: в 1921 году в Буэнос-Айресе приступили к публикации "Documentos del Progreso" — переводов наиболее важных документов и статей из "La correspondance Internationale". Между 1926 и 1930 годами выходил два раза журнал "La correspondancia sudamericana", издававшийся Секретариатом Коммунистического Интернационала; с 1919 года Компартия Аргентины начинает издание наиболее важных работ Ленина: «Государство и революция», «Империализм...» и т. д. Только в 30-е годы начинается более широкое распространение произведений Маркса и Энгельса, выходивших в двух испанских издательствах: "Europa—America" и "Editorial Cenit".

летариата в метрополии. Автономный характер национально-освободительных движений и их антиимпериалистическое и антикапиталистическое значение были верно угаданы и ясно выражены Лениным через год, на III конгрессе Коммунистического Интернационала, когда он вновь подтвердил активную и автономную роль таких движений.

Однако это интуитивное открытие Ленина, позволившее ему допустить наличие потенциальной революционности движений, не подчиненных гегемонии рабочего класса, или подведившее его к выводу о необходимости приспособить коммунистическую партию, с ее составом и ее особыми задачами, к уровню крестьянских стран колониального Востока, оказалось в конце концов подавленным пролетарской традицией, которую ленинизм усилил парадоксальным образом.

Коренное противоречие, кроющееся в документах III Интернационала по национально-колониальному вопросу, состояло в том, что, требуя от коммунистов поддерживать антиимпериалистические национально-революционные движения, Коминтерн одновременно считал нужным, чтобы они же проводили работу по созданию коммунистических партий, в основном пролетарских по своему составу, так как существовало убеждение, что только достижение «молодым пролетариатом колоний» полной гегемонии внутри фронта антиимпериалистических сил могло бы гарантировать победу антиколониальной революции. В действительности же пролетариат в колониальных странах был классом, находившимся в процессе формирования, и создание коммунистических партий европейского типа было недостижимым и в некоторых случаях даже негативным явлением. Во главе этих партий, состоящих в основном из студентов и интеллигенции, с немногочисленными группами рабочих, почти всегда стояли интеллигенты. Коммунистический Интернационал отрицательно оценивал это явление, усматривая в нем главную причину слабости этих партий, и самой насущной своей задачей считал их «пролетаризацию», что в конкретных латиноамериканских условиях могло привести лишь к усилению их первоначального сектантства и нарушению установки на создание «единого антиимпериалистического фронта», прозвучавшей на IV конгрессе Интернационала в 1922 году и подтвержденной затем на V конгрессе в 1924 году.

В той мере, в какой политика союзов с национальными движениями и националистической буржуазией колониальных стран требовала все большей тактической гибкости, теоретической свободы и широты взглядов, в такой же мере все более сектантским становилось руководство, шедшее по избитому пути и старавшееся сохранить чистоту доктрины и убеждать партийный аппарат от опасных контактов, вызванных такой тактикой.

В неспособности ленинизма сделать должные выводы из принятия автономии антиколониальной революции отразилась, таким образом, его ограниченность, которая помешала его верному «переводу», соответствующему специфическим особенностям неевропейских стран. Сделанное Лениным открытие безусловно требовало самостоятельного исследования своеобразных путей развития для различных стран и континентов, различных историко-социальных уровней, различных политических и культурных систем. Однако исследование такого типа не могло не модифицировать общей стратегической схемы, в рамках которой делались попытки ввести это открытие. Приоритет же общей стратегии неизбежно вел к затуханию и даже игнорированию национальных реальностей. Правда, поскольку общая стратегия смещалась к предполагаемым центрам мировой революции, сектантский подход частично смягчался относительной автономией, которой пользовались национальные секции Коминтерна, особенно те, которые относились к колониальному миру, и в частности к Латиноамериканскому континенту. Но когда сектантский подход окончательно укоренился в советской действительности, открытый Лениным теоретический путь, признающий национальное своеобразие и дифференцированный анализ как преимущественный путь для переноса марксизма на латиноамериканскую почву, остался навсегда закрытым. С тех пор возможность критического пересмотра марксизма существовала лишь вне рамок III Интернационала. И если в Европе мы наблюдаем его в дискуссиях немногочисленных групп немецких и австрийских эмигрантов или в «Тюремных тетралях» Грамши, где сделаны выводы из факта разгрома рабочего движения и проведен анализ новых форм капиталистической перестройки, то в Латинской Америке задача реконструкции марксизма, находящегося в оппозиции к течению популистов и к теории и практике коммунистических партий, ляжет на плечи Хосе Карлоса Мариатеги.

Ленинизм, выступающий как идеологическое явление, идентифицирующееся с периодом возникновения в Латинской Америке коммунистических партий, действовал в отдельных странах и на всем континенте в направлении глубокого обновления. Кризис, последовавший за мировой войной и нарушивший стабильность, установленную неокOLONиальным порядком, пробил брешь, через которую проникали новые ревизионистские социально-политические направления, которые достигнут своей кульминации в период кризиса 1930 года, когда депрессия разрушит тот мировой порядок, к которому так мучительно пыталась приспособиться Латинская Америка. 20-е годы были насыщены антимпериалистическим и националистическим духом, в те годы поднимались мощные политические народные силы, выдвигавшие новые

лозунги борьбы за национальную независимость, против американского империализма и земельной олигархии. Это были годы поиска идеологических и политических элементов, оперируя которыми можно было бы определить своеобразный характер Латинской Америки, или «Индоамерики» — получившее в те годы распространение выражение, с помощью которого пытались указать на автономию каждого национального центра и самостоятельность местной континентальной традиции.

Более или менее определенно латиноамериканская солидарность и антиимпериалистическая направленность отразились в широком массовом движении, подготавливая почву для того, чтобы далекое эхо русской революции отозвалось и в Америке. Университетская реформа, начатая в Кордове в марте 1918 года и распространившаяся с удивительной быстротой по всему континенту, превращалась в настоящую интеллектуальную и моральную реформу; победоносная мексиканская революция, крупные массовые забастовки аргентинского, бразильского и перуанского пролетариата в 1919 году; борьба чилийского пролетариата в 1920—1921 годах, восстания военных в Рио-де-Жанейро в 1922 году и поход колоний Престеса в Бразилии; мобилизация широких народных масс, воодушевленных программами социального переустройства, такими, как программа Иригойены в Аргентине, Алесандри в Чили, Батлье-и-Ордоньеса в Уругвае или Обрегона и Каньеса в Мексике, — весь этот сложный комплекс демократических, антиимпериалистических движений неопределенной социалистической окраски создал исключительные условия для внедрения марксистской революционной перспективы в широкий круг интеллектуальных и политических проблем на континенте.

Однако Латинская Америка занимала, по крайней мере вплоть до 1926 года, совершенно второстепенное положение в стратегии Коминтерна. В 1924 году, в ходе своей поездки по Советскому Союзу, Айя де ла Торре мог констатировать почти полное незнание встречавшихся с ним руководителей Интернационала политической и социальной ситуации в наших странах¹². Мы не можем анализировать здесь причины этой почти полной слепоты, но нам интересно отметить, что в эти годы ни со стороны III Интернационала, ни даже со стороны латиноамериканских коммунистов не было принято ни одной серьезной попытки исследовать условия, в которых общие положения, сформулированные на II и IV конгрессах Интернационала, могли бы иметь значение для нашего региона. Когда среди руководителей Коминтерна

---

¹² V R. Haya de la Torre. *El antimperialismo y el Apra* (1935). — In: *Obras completas* Lima, 1976, v. 4, p. 96.

ссылались на проблемы колониальных или полуколониальных стран, то в действительности имели в виду прежде всего французские или английские колонии в Азии и Африке. Все остальные проблемы смутно увязывались лишь с Индией, Турцией, Египтом, Индонезией или Китаем. И если в январе 1923 года IV конгресс Коммунистического Интернационала одобрил документ, обращенный специально к «рабочим и крестьянам Южной Америки», то призыв к единству пролетариата и крестьянства в их революционной политике формулировался практически так же, как и в отсталых европейских странах. Следовательно, можно утверждать, что вплоть до VI конгресса Интернационала в 1928 году, или же, точнее, вплоть до первой конференции латиноамериканских коммунистических партий, отсутствия точной, строго определенной стратегии и ослабление связей с руководством Коминтерна создавали благоприятные условия для развития тех коммунистических организаций, которые с наибольшей силой откликались на рост антиимпериалистической борьбы. Таким образом, открывалось нечто вроде «ничейной земли», области неопределенности, теоретического вакуума, который, несмотря на скрытый сектантский подход коммунистов, частично заполнялся в результате совмещения их политических действий с расширяющимся революционным движением. Одновременно с этим подъем китайской революции с ее сильным крестьянским и антиимпериалистическим компонентом нашел неожиданный отклик среди латиноамериканских революционных движений. Пример Китая помогал по-новому взглянуть на своеобразие мексиканского опыта, пренебрежительно расценивавшегося вначале как феномен, порожденный хаосом и отсталостью. Со скоростью, характерной для разрастающихся процессов, выражающих великие революционные события, моментально пробила себе дорогу идея о том, что латиноамериканские страны созрели для «китайского пути», который, в отсутствие специфической стратегической разработки, выступал как модель.

Исходя из схемы «блока четырех классов», с помощью которой Сталин пытался дать теоретическую перспективу ситуации в Китае, а затем обобщил ее для всех «полуколониальных» стран, включая государства Латинской Америки, коммунисты хотели выйти из изоляции и заключить боевые союзы с Обрегоном и Кальесом в Мексике, с Сандино — в Никарагуа и Престесом — в Бразилии. Они поддержали в Чили молодых офицеров, поставивших в 1925 году на пост президента Алессандри, частично смягчили свою оппозицию по отношению к движению иригойенизма в Аргентине. Именно в этот период были предприняты наибольшие усилия по созданию массовых политических организаций, которые смогли бы объединить, подобно гоминьдану, коммунистов с револю-

ционной частью мелкой буржуазии и рабочими и крестьянскими профсоюзными организациями. Коммунистические группировки приняли участие в образовании АПРА (Американский народно-революционный альянс), называвшего себя «латиноамериканским гоминьданом». Похожие организации пытались создать и в Бразилии. Однако смелые действия коммунистических партий, старавшихся вывести из эмбрионального состояния свои организации и преодолеть свою теоретическую неподготовленность, включаясь эффективным образом в благоприятную политическую конъюнктуру, не нашли ни у руководителей Интернационала, ни у своего собственного руководства соответствующей теоретической разработки, на основе которой можно было бы выработать долгосрочную стратегию, в которой союз с революционными движениями буржуазии не казался бы в конечном счете противоречащим классовым целям рабочих и крестьянских масс. Именно по этим вопросам развернется через некоторое время дискуссия, в которой латиноамериканская специфичность впервые будет положена в основу теоретической ревизии марксизма.

Антиимпериалистический конгресс в Брюсселе в феврале 1927 года стал разграничивающим моментом между коммунистами и националистами, что приведет впоследствии к разрыву между двумя течениями революционного латиноамериканского процесса, наступившему после попыток объединения в середине 20-х годов. Хотя в основе разрыва между коммунистами и Айя де ла Торре лежали еще и личные мотивы, между двумя спорящими сторонами, несомненно, существовали радикальные противоречия в вопросах о программе, социальном составе, политическом руководстве революционным и антиимпериалистическим движением в Латинской Америке. АПРА, основанный в Мексике Айя де ла Торре 7 марта 1924 года, стал организацией, быстро распространившейся по всему Латиноамериканскому континенту, взявшей своим идеалом выраженный в достаточно общих чертах «американизм», кратко изложенный Айя в пяти пунктах: борьба против империализма Соединенных Штатов; политическое единство Латинской Америки; национализация земли и промышленности; интернационализация Панамского канала; солидарность со всеми народами мира и со всеми угнетенными классами. Для осуществления этой программы было необходимо создать, по мнению Айя де ла Торре, широкое движение (но только не партию), антиимпериалистическое по своему характеру, «настоящий единый международный фронт работников физического и умственного труда, который имел бы программу политического действия». Идея АПРА как единого фронта прямо включала в себя основную категорию стратегии Коминтерна, а единство между пролетариатом и радикализированными средними слоями теоретически выражалось

в терминах, близких университетскому реформизму, как слияние народных масс с интеллигенцией. Движение АПРА и ее основатель с самого начала получили полную поддержку в кругах американской интеллигенции и широкое одобрение и даже симпатию в Исполкоме Коминтерна.

Начальная фаза деятельности АПРА совпадает с периодом подъема китайского революционного движения и с этапом более гибкой стратегии по отношению к национальной буржуазии, провозглашенным на V конгрессе Коммунистического Интернационала, что неизбежно приводило к поощрению политических движений с широким социальным составом. И если в Китае Интернационал поддерживал союз коммунистов с гоминьданом, то вполне логично, что в Латинской Америке он с симпатией относился к движению, которое собиралось повторить тот же самый опыт. Новое, бухаринское руководство Коминтерна, пришедшее на смену зиновьевскому, стремилось еще более стимулировать эту ориентацию, которая в своих теоретических и политических программах основывалась на положениях, встречающихся в последних работах Ленина. Коммунисты сближались с Айя де ла Торре прежде всего потому, что его политический план выступал как проекция рекомендаций, данных Коминтерном коммунистическим партиям в зависимых и колониальных странах. Там, где не было организованных коммунистических партий, марксистские группы вносили свой вклад в создание и развитие АПРА. Это мы видим на примере Перу, где кружок, сформировавшийся вокруг журнала «Амаута», выдвинул наиболее важного представителя марксистской мысли в Латинской Америке — Хосе Карлоса Мариатеги; можно привести еще немало имен латиноамериканских марксистов, которые, как Мелья, Рубен Мартинес Виллена и другие кубинцы, работали первоначально в тесном контакте с апристами.

В процессе пересмотра своего предыдущего критического отношения к национально-революционным движениям, пусть даже выступающим под руководством национальной буржуазии, латиноамериканские коммунисты сумели частично скорректировать свою оппозицию политике союзов. Однако их стратегия несла в себе противоречие, которое приглушалось вначале успехами, достигнутыми в ходе наступления китайской революции, но впоследствии прозвучало со всей отчетливостью после ее разгрома. Коммунистические партии, допуская возможность союзов с другими классами, среди которых была и национальная буржуазия, в форме организаций единого фронта, все же подчеркивали, в рамках кампании за «большевизацию», свой классовый, «пролетарский» характер, что в специфической ситуации латиноамериканской зависимости и отсталости не могло не привести к иным последствиям, кроме изоляции и сектантства. Во всяком случае, внутри

латиноамериканского коммунистического движения отмечалось требование по созданию «рабоче-крестьянских» партий, в которых структурная слабость рабочего класса могла бы компенсироваться новыми организационными системами, с помощью которых обеспечивалось бы пролетарское руководство массовым, в основном крестьянским, движением, включавшим в себя широкие слои населения. Это относится прежде всего к проекту организации социалистической партии Перу.

Разгром китайской революции привел Коминтерн к решению отказаться от ориентации на «блок четырех классов», и таким образом закончилась кратковременная идиллия между националистическими движениями и коммунистическими партиями. Противоречие, заложенное в тактике оппозиции, начинает проявляться открыто и парализует робкие попытки коммунистов включиться в реальную ситуацию и связать свою деятельность с народными массами континента. Poleмика с АПРА становится неизбежной, после того как в 1927 году Айя де ла Торре решает превратить альянс в партию широких социальных слоев. Дискуссия не только затронет конкретный вопрос о наиболее подходящем для руководства народной борьбой типе организации в Латинской Америке, но и коснется самого содержания демократической и антиимпериалистической революции и идеи класса-гегемона: является ли таковым мелкая националистическая буржуазия, как заявлял АПРА, или же рабочий класс, как утверждали коммунисты.

Начавшись в 1927 году, эта полемика не прекращается и поныне, даже если спорящие стороны изменились. Эта полемика выражает требования, вытекающие из реальной ситуации и теоретической и практической ограниченности, которую исторически несли в себе установки социалистов, направленные на выделение и вычленение обязательных национальных элементов латиноамериканской революции. И если сегодня АПРА уже не является, как в 30-е годы, мощным очагом континентальной идеологии, его идеи продолжают жить в народных латиноамериканских движениях с их националистическими и демократическими программами; АПРА остается составной частью теоретического наследия, не соразмерять себя с которым марксизм больше уже не может. АПРА не столько выражает идеи выдающегося мыслителя, сколько демонстрирует вечно существующую область массового движения, которое отстаивало и отстаивает необходимость теоретической и практической ревизии латиноамериканского марксизма.

На первом этапе полемики проявилось расхождение в тоне, прежде всего в выступлениях двух видных марксистских деятелей, активнее других включившихся в эту дискуссию:

блестящее, но несколько ироничное и сектантское выступление кубинца Хулио Антонио Мелья (1903—1929) и несколько расплывчатое, но оригинальное выступление Мариатеги, высказавшего беспокойство по поводу того, что неизбежный разрыв с лидером АПРА может повлечь за собой отказ от политики социального блока рабочего класса с революционно настроенной мелкой буржуазией. В отличие от Мелья Мариатеги связывали с Айя де ла Торре многочисленные политические и дружественные узы и достаточно схожие взгляды на национальный вопрос в Перу, социальный блок антиимпериалистических сил, аграрный вопрос в целом и роль туземного индейского элемента в частности. «Мы исходим из одних и тех же точек зрения, так что неизбежно, что наши выводы оказываются одними и теми же»¹³, — писал Мариатеги в своем главном произведении. Сближал их также и тот момент, который значительно отличал перуанскую интеллигенцию от их коллег на континенте: острое восприятие национального вопроса и постоянное настойчивое внимание к элементам самобытности и оригинальности в любом революционном процессе, в данном случае в латиноамериканском¹⁴. Однако марксистской теории Мариатеги был полностью чужд грубый провинциализм Айя де ла Торре, и именно благодаря этому он сумел понять ритм мировой истории, которым в той или иной степени были опосредованы национальные обстоятельства. Эти взгляды привели Мариатеги к утверждению о необходимости обеспечения внутри АПРА самостоятельной роли пролетариата в политической борьбе, проводимой с помощью организации трудящихся, и, наконец, к настоятельному требованию создания политической партии, которая выражала бы его исторические интересы.

Все это объясняет нам, почему Мариатеги довольно равнодушно отнесся к известию о разрыве между АПРА и коммунистами на конгрессе в Брюсселе. Это также объясняет нам, почему он стал выступать против лидера апризма только после того, как Айя де ла Торре ускорил разрыв и принял одностороннее решение о превращении АПРА в национально-освободительную перуанскую партию*, провозгласив себя ее «верховным вождем». Мариатеги пытался оказывать этой политике сопротивление внутри самого движения, организовав в нем собственное левое крыло, занимавшее коминтерновские позиции классовой борьбы и составившее под руководством коммунистов блок революционных социальных сил (пролетариат, крестьянство, радикально настроенная мелкая

¹³ J. C. Mariátegui. Sette saggi sulla realtà peruviana. Torino, 1972, p. 84.

¹⁴ M. Burga, A. Flores Galindo. Apogeo y crisis de la república aristocrática. Lima, 1979, p. 169—184.

* С 1945 года. — Народная партия Перу. — *Прим. ред.*

буржуазия). Когда в сентябре — октябре 1928 года сформировалась перуанская социалистическая партия, он выступил сторонником применения «тактики единого фронта или союза с организациями или группами мелкой буржуазии при условии, что последние всегда представляли бы собой действительно массовое движение с конкретно определенными целями и требованиями»¹⁵.

В брошюре Мелья «Что такое АРПА?», в которой преднамеренное коверканье названия организации должно было, по мысли автора, высмеять все движение, язвительность полемики не оставляла места для признания относительно положительных, в латиноамериканском контексте, ценностей таких движений, которые, подобно апризму, выражали процесс радикализации средних слоев и интеллигенции. Высмеивая теоретические и политические претензии Айя де ла Торре с их наивно схематичным стилем, свойственным левой публицистике того времени, Мелья в конце концов отбрасывал ленинское разграничение между национализмом угнетенных стран и национализмом угнетающих стран, на котором основывались тезисы, одобренные на II конгрессе Интернационала. Политической перспективе АПРА, стремившегося преуменьшить или заглушить классовые противоречия внутри антиимпериалистического блока и отрицавшего в связи с этим необходимость и возможность социалистических преобразований в ближайшем или во вполне обозримом будущем, Мелья схематично противопоставлял классовую стратегию, в которой национальное освобождение могло быть лишь результатом пролетарской революции.

В критике апризма, с которой выступил Мелья, чувствовалось сомнительное презрение к национальным вопросам латиноамериканской революции, тем более необъяснимое, что именно этот кубинский революционер был одним из немногих коммунистов, сумевших понять, что необходимо созидательным образом приспособлять ленинскую теорию к латиноамериканской реальности. И если в то же самое время, когда была написана эта брошюра, Мелья продолжал настаивать на том, что «только от националистических и пролетарских движений может появиться надежда для кубинского народа» и что от сочетания этих двух движений возникнут «силы, способные вести ее длинным путем неизбежной демократической, либеральной и националистической революции, уже пробивающей себе дорогу»¹⁶, то причины этой кажущейся

¹⁵ J. C. Mariátegui. Acta de constitución del Partido socialista (octubre 1928). — In: "Obras política". México, 1979, p. 269.

¹⁶ J. A. Mella. Hacia dónde va Cuba? (abril 1928). — In: "Escritos revolucionarios". México, 1978, p. 212. Брошюра "La-lucha revolucionaria contro el imperialismo o Que es el Agra?" появилась в Мексике в апреле 1928 года. О ее публикации было помещено объявление в "El macheto",

парадоксальности следует искать в крайней ограниченности, которую мы уже наблюдали в стратегии III Интернационала. Даже в моменты наивысшего развития политики союзов в этой стратегии сохранялось неизменным убеждение (впрочем, никогда не подвергавшееся проверке фактами) в том, что гегемония пролетариата могла быть «переведена» и осуществлена без затруднений как исключительная руководящая роль коммунистической партии. Предел «переводимости» ленинизма в особые условия Латинской Америки состоял, следовательно, в том, что без критического отношения принимались те два существеннейших принципа его стратегической концепции, которые требовали в первую очередь исследования и признания на национальном и континентальном уровне степени их действительности в местных условиях. Если пролетариат независимо от численности, структуры и сознательности должен был руководить процессами национального освобождения и социального преобразования, то в таком случае старались не замечать его реальных слабостей, приписывая коммунистической партии такую теоретическую и тактическую способность, которой никогда нельзя было бы достигнуть, если не стремиться к чему-то гораздо большему, чем политическое выражение интересов данного класса. «Рабочий уклон» («оперизм») коммунистической партии оказывался, таким образом, непреодолимым барьером для овладения теоретической и практической концепцией, которая соответствовала бы процессам социальной и политической ревизии и с помощью которой становилась возможной реальная и конкретная перспектива достижения власти.

4. Мариатеги и возникновение латиноамериканского марксизма

Ленинская догадка об автономности колониальной ситуации получила развитие в Азии в соответствующих теоретических и стратегических выводах маоистской теории. В Латинской Америке относительно разработанную интерпретацию этой догадки попыталось дать только интеллектуальное и социальное движение в Перу, объединившееся вокруг журнала «Амаута». Действительно, эта группа, более чем какая-либо другая в Латинской Америке, осознала, что для решения поставленных жизнью проблем, не сводимых к традиционным марксистским представлениям, необходимо обсудить те предпосылки, на которых эти представления базируются. По словам Р. Парнса, то, что произошло в середине 20-х годов в

центральном органе коммунистической партии Мексики, одним из ведущих редакторов которого был Мелья. Объявление было помещено в рубрике «Entre la voz y el martillo», в которой начиная с октября 1927 года публиковались статьи, критикующие позицию Айя де ла Торре.

Перу, оказалось «продуктом» того марксизма, который впервые можно было назвать действительно «латиноамериканским».

Представление о социалистической революции, которая может быть только результатом созревания капиталистического общества, было разрушено ленинской гипотезой о созревании капитализма во всемирно-историческом масштабе. Но если стратегия Коминтерна фактически и теоретически подменяла преобразования в Латинской Америке борьбой за революцию в Европе, то обе эти стратегии II и III Интернационала в конечном счете вели к одинаковой выжидательной позиции. И эта ситуация мало менялась от того, что латиноамериканские коммунистические партии в 20-е годы связывали свое действительное бессилие с «миражем мировой революции»¹⁷, в чем их упрекали деятели Коминтерна.

Фактически в те годы — и притом в стране, совершенно оригинальной с точки зрения традиционных ключевых проблем теоретического и практического развития социального опыта, — обозначилась попытка дать ответ на вопрос, перед которым остановилась теоретическая революционная мысль. Но как же мог произойти подобный сдвиг в стране, о которой еще в 1927 году Мариатеги говорил, что она представляет собой не нацию, а «концепцию, которую надо еще выработать»; общество, с ностальгической трагичностью переживавшее крах своих верований, интеллектуальность которого сформировалась, как таковая, в условиях самой страшной эксплуатации народных масс, государство, сохранившее в неприкосновенности колониальное наследие и иерархически организованную систему законодательных органов? Парадокс состоял в том, что отсталость производительных сил в Латинской Америке заключала в себе такой же привлекательный момент, какой в свое время заставил Маркса пересмотреть однолинейную модель сменяющих друг друга способов производства. Знакомство Маркса с необычной обстановкой в России позволило ему утверждать, что возможен путь развития, отличающийся от западноевропейского, — путь, при котором отсталость казалась скорее достоинством, чем непреодолимым рубежом. Любопытно, что в Латинской Америке и в такой непохожей на нее стране, как Россия, но переживавшей тот же идейный и нравственный кризис, происходит сходный процесс критического усвоения марксизма, который приводит к обсуждению эксцентрической парадигмы, создавшей серьезные трудности латиноамериканскому социализму. Перу могла оказаться латиноамериканской Россией, потому что, пожалуй, не было другой страны, где более резко прояв-

---

¹⁷ См. открытое письмо Исполкома III Интернационала в адрес Коммунистической партии Аргентины (апрель 1925 года).

лялось бы противоречие между историческим опытом социализма и социально-экономической отсталостью, интеллектуальным и моральным кризисом, терзавшим нацию. Последствия поражения Перу в Тихоокеанской войне с Чили (1879—1884) были таковы, что, подобно России в 1860 году, Перу, эта сонная страна, «пришла в движение». После этой войны в стране совершалась политическая и экономическая перестройка, ускоренно возникали «острова» капитализма в горной промышленности и в сельском хозяйстве, пролетаризировались и нищали широкие массы андских крестьян, переживших перед этим суровую мобилизацию, вызванную военным конфликтом. С этого момента политическая неустойчивость становится неотъемлемой чертой общества, вынужденного существовать в обстановке крестьянских восстаний, сменявших друг друга, причем из классических бунтов местного населения, нарушавших жизнь колониальной Перу, они превратились в подлинные крестьянские восстания. Но, в отличие от прошлого, город ответит на это не укреплением блока сил, в котором доминирует животный консерватизм господствующих классов и страх мелкой буржуазии перед социальным бунтом, а глубоким надломом, свидетельствующим о радикальном повороте интеллигенции и народных масс города в сторону сближения с крестьянами-туземцами. Формирование внутри интеллигенции Перу течения, сочувствующего угнетенным классам, предстанет на поверхности как открытие страны с полностью дезорганизованной социальной жизнью, не реализующей себя нации, которая может стать таковой только при условии глубокого социального возрождения.

Таким образом, национальный вопрос оказался обязательным отправным пунктом любого анализа возможностей преобразования перуанского общества. Но для того, чтобы этот процесс переустройства мог получить реальные формы, соответствующие новой ситуации, необходима была чрезвычайно высокая концентрация теоретической способности, знания мировой и национальной обстановки и критического отношения к самому марксизму.

«Матрица мышления» различных кругов интеллигенции, объединившихся вокруг журнала «Амаута» и Мариатеги, имеет своим источником освободительные течения в европейской культуре эпохи кризиса позитивизма. Этот факт удивителен потому, что мы не находим в коммунистической публицистике того времени и даже в социалистическом движении подобного явления. Виталистские, антиинтеллектуалистские, антипозитивистские, антисциентистские и антиэкономистские течения, во взаимоотношении с которыми у Мариатеги получится своя структура возрождения марксизма — не как философии истории, а как регулятивного теоретического прин-

ципа воли к борьбе против системы эксплуатации людей, как метода познания и переустройства общества, — осуждались официальным марксизмом как выражение буржуазного декаданса. Точно так же «Амаута» защищает культурную политику «встречи» эстетического авангарда с политическим через несколько лет после того, как эфемерное единство, порожденное освободительным влиянием Октябрьской революции на Европу, сменилось глубоким надломом. Нельзя забывать и о значительной роли, которую играл Мариатеги при определении этой ориентации, прямо противоположной ориентации официального марксизма. Представители последнего издавали журнал и ежедневную профсоюзную газету «Лабор», пропагандировавшие их взгляды среди слоев населения, весьма далеких от «интеллектуального производства». Если Мариатеги удалось дать доктрине Маркса интерпретацию, которая была по своей тенденции антиэкономистской и антидогматической, в то время, когда в коммунистическом движении даже попытка дать такую интерпретацию была теоретически немыслимой и политически опасной, то это оказалось возможным благодаря двойственной ситуации, которая в какой-то мере поможет нам понять условия возникновения в Перу обновленного марксизма. Во-первых, это связано с тем, что формирование Мариатеги как марксиста происходило вне коммунистического движения и III Интернационала, во-вторых, социалистическое движение в Перу обрело свою структуру в рамках широкого интеллектуального и политического движения, независимого ни от стеснительного присутствия коммунистической партии, ни от наследия социалистической партии, которая накладывала на социальное движение сильный позитивистский отпечаток, изменивший сам марксизм. Мариатеги читал Маркса и Ленина, пропуская их взгляды через фильтр итальянского историзма и своей полемики против всякого эволюционистского или фаталистского представления о развитии социальных отношений.

Судьба предоставила молодому Мариатеги единственную для латиноамериканца возможность прийти к марксизму благодаря культурному, идеологическому и политическому опыту создания марксистского движения, перед которым стояла задача преодолеть кризис либерального общества и либеральной культуры. В то же время он пересматривал свои теоретические взгляды, исходя из радикальной критики эволюционистской и позитивистской традиции итальянского социализма. А это влекло за собой уже не реставрацию доктрины, отброшенной в ходе исторического процесса становления классового движения, а подлинное восстановление критической и активистской ипостаси марксизма. Сильное влияние на формирование взглядов Мариатеги оказала деятельность Пьеро Гобетти — этого «левого крокеанца» в философии, теоретика

либеральной революции, активиста «Ордине нуово», как охарактеризовал его Мариатеги в одной из посвященных ему работ¹⁸. Благодаря Гобетти Мариатеги повторил путь Грамши и пришел к Марксу, основываясь на тех же источниках, возникших в ходе разложения марксизма II Интернационала, которые с такой смелостью и беспристрастностью были возрождены журналом «Амаута».

Но этот пересмотр столь разных источников, идущих от историзма Кроче до Маркса, а также от Сореля, Бергсона, Гобетти и очищающего влияния Ленина, оказался возможным только потому, что национальная обстановка, то есть обстановка, сложившаяся в Перу, в которой действовал Мариатеги в 20-е годы, явилась политической лабораторией, указывавшей также на комплекс проблем, характеризовавших и затрагивавших всю Латинскую Америку. В условиях перуанской действительности с ее сложными требованиями произошел сплав итальянского опыта Мариатеги со столь отличным от него опытом «туземствующих» интеллигентов, рабочего движения с анархо-синдикалистской тенденцией, радикальными студенческими течениями, авангардизмом в искусстве. Превосходное знание мировой истории помогло ему понять противоречивость явлений мексиканской революции в процессе становления государства, опыт китайской революции и стратегические разработки III Интернационала. Из такого слияния столь различных жизненных ситуаций и культурных традиций создается интеллектуальный и политический блок, сплоченный двумя факторами — идеей и силой, — на которых основывалась возможность создания латиноамериканского марксизма: во-первых, ясное понимание оригинального, специфического, унитарного характера латиноамериканской действительности; во-вторых, признание марксизма как общей теории, согласно которой латиноамериканское общество, подобно любой другой реальности, может быть описано и проанализировано для определения возможностей его преобразования¹⁹.

Согласиться с тем, что признание оригинального, специфического и унитарного характера перуанской и латиноамериканской действительности является неоспоримым принципом, фактически означало поставить на обсуждение европоцентристскую парадигму, сопутствовавшую образованию «марксизма» как такового. Несмотря на то что указание на

---

¹⁸ J. C. Mariátegui. El alma matinal y tras estaciones del hombre de hoy. Lima, 1950, p. 151—152. Об отношениях между Мариатеги и Гобетти см.: R. Paris. Mariátegui e Gobetti. — In.: "Quaderno", 1967, № 12 (Centro Studi Piero Gobetti di Torino).

¹⁹ См. сообщение Карлоса Франко в сборнике: "Colloquio di Oaxaca. Desarrollo, nación y socialismo: del Marx "eurocentrico" al marxismo "latinoamericano" Mexico, 1981 (mimeogr).

«оригинальность» ситуации в странах региона можно было найти уже в программах латиноамериканских коммунистических партий и вопрос этот обсуждался на IV конгрессе Коминтерна, только революционеры Перу, и в частности Мариатеги и Айя де ла Торре, сумели сделать наиболее радикальные выводы. Хотя их выводы не были идентичными и содержали различия, впоследствии превратившиеся в противоречия, они любопытным образом приближаются к выводам Маркса о русской крестьянской общине. Экономическое и социальное развитие Латинской Америки отдалялось от развития Западной Европы, и поэтому последнее никоим образом не могло рассматриваться как прообраз и универсальная модель. Необходимо было признать наличие новой исторической типологии, которая допускала бы аномалии в качестве подлинной типичности. Между Западной Европой и латиноамериканским регионом существовал не континуум, определенный в терминах «передовой» и «отсталый», а конфликтная взаимозависимость, которой надо было дать определение во всей ее специфичности. Новое определение природы американских социально-экономических формаций, хотя в дискуссиях так и не было дано определения этой концепции, с необходимостью влекло за собой изменение характеристики классов и социальных субъектов, а также изменение форм политической организации, способной придать определенную структуру классам и социальным субъектам. Возможно, что первоначальные разногласия, проявившиеся в спорах о формах политической организации, вылились в радикальные разногласия, которые привели к подрыву единства идеологического движения, на которое возлагались немалые надежды.

Таким образом, хотя определяющие черты «зависимого» положения испано-американских социально-экономических образований в дискуссиях были охарактеризованы в общем относительно верно, достаточно адекватное признание национального характера этих образований открывало возможности для разных политических ориентаций. При отборе данных возможностей решающим фактором были идеологические концепции, на которых основывалась политическая деятельность. Поэтому, несмотря на то что с характеристикой ситуации в Перу соглашались в большей ее части, как это можно заключить из внимательного и беспристрастного изучения двух основных работ того времени — «За эмансипацию Латинской Америки» Айя де ла Торре и «Семь очерков о перуанской действительности» Мариатеги, — в течение 1928 года происходит политическая дифференциация, закончившаяся открытым и откровенным разрывом. Вопросы, по которым произошел разрыв, предопределенный, по нашему мнению, более глубокими идеологическими разногласиями, произошли из-за несогласия по следующим проблемам: политическая органи-

зация блока революционных классов и социальных сил, вопрос о роли, которую каждый класс и каждая сила должны были играть в этом блоке; соотношение между национальным процессом в Перу и социалистической революцией.

Дискуссия между Айя де ла Торре и коммунистами началась еще в 1927 году на антиимпериалистическом конгрессе в Брюсселе, но исходной точкой столкновения перуанских апристов стал проект преобразования АПРА в определенную политическую партию. 22 января 1926 года группа апристов из Мексики объявила о создании так называемой националистической освободительной партии для поддержки кандидатуры Айя де ла Торре на президентских выборах в Перу. Хотя программа новой партии отвечала в большей своей части националистическим идеям апризма и в ней подчеркивалась необходимость союза всех трудящихся классов — пролетариата, крестьянства, интеллигенции и среднего класса — как сил, поддерживающих проект объявленных радикальных реформ, ответ «лимской группы», составленный Мариатеги 16 апреля 1928 года, означал полный отказ. Мариатеги действительно считал проект Айя неприемлемым по мотивам, относящимся к методу создания партии, потому что он подрывал концепцию фронта; этот проект исходил из того, что создание АПРА и сама природа партии связаны не с процессом идеологической дифференциации АПРА, а с безответственными личными устремлениями ее высшего представителя.

Но, как это логически следует в полемике подобного типа, радикальные разногласия, касающиеся методов политической деятельности, природы и характера организации, неизбежно должны были выявить различия в оттенках взглядов и позициях по отношению к самому перуанскому обществу и типу желательных преобразований. Обнаружилось, что одним и тем же словам придавалось различное значение, что за провозглашаемым всеми марксизмом не удалось скрыть расхождения во взглядах относительно необходимости и возможности социализма, что идея социального блока работников физического и умственного труда не влекла за собой тождественной концепции отношений между политическим руководством и массами и соответствующего стиля проведения политики подлинных преобразований. Дискуссия по поводу модели однолинейного развития, которая отождествлялась с марксизмом, не была однозначной для Айя де ла Торре и Мариатеги. Много лет спустя, в 1935 году, когда была опубликована работа «Антиимпериализм и АПРА», станет ясно, что позиция Айя достаточно похожа на проекты индустриализации, основанные на укреплении государства и усилении его вмешательства и разработанные в социалистических странах Европы после второй мировой войны и в так называемых странах «национального социализма» в «третьем мире».

Характеристика индустриализации в Латинской Америке как «зависимой» не приводит Айя к анализу модели развития, которая в конечном счете остается неизменной. Таким образом, его релятивизм не преодолевает, а еще больше подтверждает западную научно-техническую модель развития, рассматриваемую как неотъемлемая часть теории реализации человеческого общества, поскольку эта модель является последним основанием европоцентристской марксистской парадигмы. Мы не можем критиковать Айя за то, что он в свое время не увидел того, чего марксизм еще не замечает и в наше время, и даже приписывать Мариатеги иную позицию в рассматриваемой проблеме; однако стоит спросить себя: в какой степени уход автора «Семи очерков» от анализа проблем государства, индустриализации и экономического планирования, исследуемых в работах Айя, является выражением более радикальных, пусть и не до конца осознанных расхождений? Действительно, почти исключительное внимание, которое Мариатеги уделяет проблеме масс и культурно-идеологическим элементам их политического роста, приводит его к отрицанию доводов в пользу государства и вместе с тем европоцентристской парадигмы.

Таким образом, мы можем понять, сколь мало общего идея Мариатеги о социализме имеет не только с идеей Айя, но даже с идеей социализма, провозглашенной марксизмом II и III Интернационалов. В работах Мариатеги наблюдаются неопределенность некоторых понятий, как, например, об империализме, или необычная трактовка других понятий; приписывание чрезмерного значения духовным факторам в характеристике политического поведения социальных субъектов; недостаточное внимание к конкретным проблемам власти. Это следует рассматривать не как результат непоследовательности Мариатеги, его политической слабости и своеобразия его идеологического формирования, а как результат постоянного стремления к созданию исторического блока, способного сформировать нацию.

Пожалуй, именно в вопросах о природе и возможностях перуанских социальных групп различия между Мариатеги и Айя наиболее очевидны, и именно по этим вопросам приобретают отчетливость определенные направления, которые будут подкреплять их концепции. Если Айя постоянно выражает сомнение в способности пролетариата и крестьян стать самостоятельными политическими субъектами и видит в государстве естественный центр того сочленения, которое обязательно должно исходить от власти, то Мариатеги, наоборот, размышляет о трудном процессе построения национальной народной воли, которая разворачивается, идя от низов общества, некоторым образом повторяя первоначальное христианское движение, которое Сорель взял за образец, чтобы показать

«вечную ценность мифа в формировании великих народных движений»²⁰. И Айя де ла Торре, и Мариатеги в равной мере утверждали, что историческим субъектом революционных преобразований в Перу должен быть блок или фронт народных сил, определенных как крестьяне, рабочие, средний класс и интеллигенция. Но разногласия возникли сразу же, как только была предпринята попытка перевести эту общую формулировку в конкретные политические и стратегические установки. Исходя из анализа, в котором с большой последовательностью была намечена первая марксистская теория, относящаяся к зависимым странам, Айя дедуцирует из отсталости социальных классов Перу концепцию социального блока, в котором исторические субъекты сведены к экономическо-корпоративным группам, сочлененным с государством. Эта концепция, обосновывающая военно-политическую линию на захват власти, была выдвинута Айя уже в 1928 году. Она объясняет тактику многочисленных заговоров и восстаний в армии, которые анризм организовывал в последующие пятнадцать лет.

Может показаться парадоксальным, что на Айя де ла Торре оказал влияние ленинский план организации партии. Концепция Айя о неорганичности стихийного движения масс в неевропейских странах; предпочтение, которое он отдавал партии как «научному организатору» процесса и непосредственно в централизованной, вертикальной форме единого вождя; целый ряд атрибутов мессианского типа, с помощью которых он обосновал свое неоспоримое собственное руководство; концепция политической дисциплины как подчинение вождю — все эти элементы, характеризующие представление Айя о политической организации, были отдельными реминисценциями организационной практики III Интернационала; которая защищалась как «ленинская». Не понимая сущности этой организационной модели, еще только складывавшейся в 1928—1930 годах, Мариатеги не мог избежать резкого отрицания политической организации, столь радикально противоречившей его концепции идеологического, политического и массового движения, сочлененного с сетью организационных структур, отстаивающих свои экономические и в то же время политические требования. Рост этих структур внутри общества выражал собой сам процесс создания нации и построения социализма.

Отказ Мариатеги от проекта Айя основывался на демократической, народной и светской концепции социализма и самой марксистской теории; он привел его впоследствии к отклонению требований Коммунистического Интернационала о создании коммунистической партии, поскольку она по его мне-

²⁰ J. C. Mariátegui. Prologo a *Tempestad en los Andes*. — In: J. C. Mariátegui. *La polémica del indigenismo*. Lima, 1976, p. 139—140.

нию, была бы похожа на партию Аяя. Эта антиэтатистская направленность, которую мы находим в теории Мариатеги, утверждается не явно, а выражается в том, что вопрос о государстве не рассматривается. Антиэтатистская направленность обнаруживается в точке зрения Мариатеги на исторические процессы «снизу», на складывающиеся и распадающиеся движения народных масс, на их экспрессивные формы, их мифы и ценности, на роль последних для определения и укрепления тенденций масс к конституированию собственной автономии. Несомненно, что эту линию теории Мариатеги можно проследить уже в его первых работах, написанных еще до поездки в Европу. Своеобразное интеллектуальное формирование Мариатеги в Италии явилось подготовкой к тому, что он через год после возвращения в Перу, в конце 1924 года, в какой-то мере изменил свою оценку положения в стране. Это позволило ему начать для себя открытие притягательного мира подчиненных классов. Уже в ноябре 1924 года он пишет статью «Основная проблема Перу», в которой анализирует туземную проблему. Именно это открытие обозначит исходный пункт «национализации» теоретической деятельности Мариатеги и перестройки его марксизма; он рассматривает марксизм уже не как привнесенную извне теорию, а как учение, которое продуктивно применяется к национальным особенностям перуанской действительности и используется для дифференцированных анализов ее процессов.

Ленинская гипотеза о социальном блоке, построенном на союзе рабочих и крестьян, могла найти в Перу такую форму применения, благодаря которой она выступила как собственное выражение действительности этой страны. Мариатеги — в отличие от Аяя де ла Торре и теоретиков III Интернационала — проанализировал туземную проблему с классовой точки зрения, что позволило включить ее в план социалистической революции. Дело не просто в том, что в отличие от руководителей III Интернационала он понял, что туземная проблема была земельной проблемой, а не только проблемой угнетенных народов. Превращая туземную проблему в перуанский «крестьянский вопрос», Мариатеги трансформировал всю официальную марксистскую теорию, и это привело его к тому, что для него индеец стал социальной стратегической силой любого социалистического проекта переустройства.

Выдвинув, таким образом, на первое место роль туземной проблемы для социалистического решения вопроса о преобразованиях в Перу, Мариатеги неизбежно должен был выработать антиэкономистский взгляд на классы, который должен был оказать серьезное влияние на всю его социалистическую теорию. И не только потому, что этот взгляд в корне противоречил «классическому» представлению официального марк-

сизма, но и потому, что отделял его от государственного якобинства Айя де ла Торре. Рассматривая как теоретический и политический стержень своего социалистического анализа национальный, народный, а не «рабочий» мир, то есть мир, определяемый скорее в культурологических, чем в узкоклассовых терминах, Мариатеги по-новому освещает проблему перуанской нации. Поэтому он будет говорить не об освобождении нации, находящейся под чужим владычеством, и не о самоопределении угнетенной национальности, как это делали теоретики III Интернационала при решении «национального вопроса», а «о демократическом присоединении народных масс, находящихся на периферии, к процессу, конституирующему нацию, который должен неизбежно слиться с социалистическим проектом»²¹.

Эта концепция национального вопроса, социализма и политики масс определяет то, что мы можем назвать «антиякобинством» Мариатеги, приближающимся во многих отношениях к Грамши времен «Ордине нуово». Отказ рассматривать революцию как политическое событие, а не как социальное; интуитивная идея автономии массовых движений по отношению к партии; признание собственной институциональности подчиненных классов, в чьей морфологии выражается исторически, а не только структурно, их положение; идея партии, созданию которой способствуют массы, а не внешняя воля, — таковы отличительные черты мышления, во многих аспектах далекого от канонов III Интернационала.

Мариатеги делает новую попытку трансформировать социализм в собственное и оригинальное самовыражение подчиненных классов в их борьбе за завоевание исторической автономии. Надежда на революционное преобразование, которое в туземном мире предстало в виде величественного прошлого, синтезирующегося в социалистической идее, могла трансформироваться в миф, способный породить великое народное движение. «Перуанизировать Перу» означало, следовательно, создать из Перу по возможности социалистическую нацию. Раскол движения за обновление, превратившего журнал «Амаута» в свой основной объединительный центр, представлял собой первый серьезный удар по этому проекту. Не сумев избежать раскола и будучи вынужден обстоятельствами ускорить образование политической партии, Мариатеги всеми силами старался обеспечить такие условия, при которых его программное предложение, социальные и организационные особенности его низовых ячеек, его отношения с Коммунистическим Интернационалом давали бы достаточно широкий простор для развития, а не для сковывания социального

---

²¹ O. Terán. *Latinoamérica: naciones y marxismos*. — “Sozialismo y participación”, Lima, settembre 1980. № 11, p. 180.

движения, находящегося в стадии созревания. Политическая партия должна быть результатом, а не предпосылкой борьбы масс. Политическая партия должна расти не как нечто цельное, а в своих составных элементах, в рамках развивающегося движения масс: только в связи с таким движением партия оправдывает свое существование и имеет гарантию против сектантства, которое побуждает ее в самой себе искать мотивы собственного существования. Таковы те причины, которыми объясняется «отсрочка» создания коммунистической партии Перу, за что Мариатеги подвергался критике со стороны Коминтерна.

Оказавшись с двух сторон зажатым в тиски — давлением Коминтерна и разрывом с Айя де ла Торре, — Мариатеги вынужден был ускорить создание новой партии, которая помогла бы остановить распад АПРА. Создание социалистической партии Перу как органа, который соединил руководство социальным движением, состоящим из пролетариата, туземных крестьянских масс и слоев радикальной интеллигенции, с радикальной демократической программой и находился под контролем группы руководителей-коммунистов, явилось ответом Мариатеги на тройное требование движения: 1) необходимость оспорить ориентацию социального движения на АПРА, воссоединившейся вокруг Айя де ла Торре; 2) неотложное требование найти форму «автономного» отношения к Коммунистическому Интернационалу; 3) политические и организационные требования массового движения. В этой специфической структуре, приравненной не к «межклассовым» организациям, а скорее к новым формам рабоче-крестьянских партий, за которые выступали коммунисты в середине 20-х годов, марксистская группа могла бы проводить под эгидой массового движения и легальных структур социалистической партии ту работу по формированию политического сознания и централизации лучших элементов социального движения, которая была бы необходима для ускоренного созревания массовых организаций.

Ощущая угрозу со стороны Коммунистического Интернационала, под влиянием которого на конгрессе в Буэнос-Айресе коммунистические партии резко критиковали и его позицию, и идеологические и политические предпосылки, на которых она основывалась, изолированный от социалистических группировок, склонявшихся в Перу к позициям Коминтерна, вынужденный вести неприятную полемику со старыми товарищами-апристами, объединившимися в это время с Айя де ла Торре, все более и более слабеющий от болезни, которая несколькими годами ранее приковала его к постели, Мариатеги переживал долгую агонию, закончившуюся 16 апреля 1930 года. Вместе с ним завершился и короткий этап латиноамериканского теоретического марксизма: надо было ждать более

тридцати лет, когда толчок, данный кубинской революцией, освободил от явного или скрытого остракизма фигуру выдающегося мыслителя, ставшего сегодня обязательным отправным пунктом любой критической и революционной мысли.

Через месяц после смерти Мариатеги социалистическая партия Перу уступила давлению Коминтерна и, хотя и ценою раскола, начала реорганизовываться как коммунистическая партия Перу.

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть вторая

Выпуск третий

Технический редактор *Л. Н. Шумейко*
Корректор *Н. И. Шарганова*

Сдано в набор 25.VII 1985 г.
Подписано в печать 7.VIII 1985 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская
Гарнитура литературная. Печать высокая
Условн. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 15,46
Изд. № 24/41125 Заказ № 40

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «ПРОГРЕСС»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва 119847, Зубовский бульвар, 17
